

Вещий Олег и гробовая змея

А. А. ИЛЮШИН,
доктор филологических наук

После того как Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» привел летописный рассказ о князе Олеге, где он назван «вещим», а К. Ф. Рылеев в 1822 году опубликовал думу «Олег Вещий», вполне естественно, что А. С. Пушкин свою написанную в том же году знаменитую балладу озаглавил как «Песнь о вещем Олеге». И в первом же ее стихе повторен этот лестный эпитет:

Как ныне собирается вещий Олег. .

Что касается летописца, то он, возможно, относится к такому прозвищу князя иронически, указывая, что оно дано киевлянами — невежественными язычниками. И оправдано ли оно Олегом в конце жизни? Едва ли. Ведь он был предупрежден, отчего умрет, пробовал поостеречься, но не смог по-настоящему внять голосу пророчества. Уж если кто вещий, то не он, а предсказавший его кончину волхв: тоже язычник, но мудрый прорицатель и ясновидец. Не будем гадать, обратил ли Пушкин внимание на это несоответствие. В контексте его баллады слово *вещий*, относящееся к Олегу, звучит без всякой иронии.

Со всей серьезностью употребляет это слово Рылеев. Излагая летописное свидетельство о взятии Олегом Царьграда, поэт-декабрист предваряет свою думу следующей справкой: «...Олег, приплыв к

стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым)». Этот же впечатляющий эпизод Рылеев отразил в стихах:

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

«Идем, друзья!» — рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

Можно представить, как были потрясены осажденные христиане-греки, увидев эти чудовищные амфибии, ползущие под парусами по земле. Христианскому сознанию любезен образ человека, шагающего по воде, яко посуху: святое, облагороженное чудо. А тут — наоборот, глумливая и кощунственная языческая выдумка: судно плывет по суше, яко по воде. Перепуганные греки сдали свою столицу свирепому воителю, которого наши поэты XIX века чтили гораздо выше, чем беспристрастный летописец, понимавший неразумность восхищенных деяниями державного варяга и покорившихся ему киевлян. В рылеевской думе главная мотивировка Олегова прозвища «Вещий» — как раз его хитрость, проявленная при «психологической» осаде Царьграда, которой, согласно летописи, предшествовали жестокие бесчинства агрессивного князя в разоряемой им Византии.

Пушкин, не слишком симпатизировавший Рылееву и нередко вступавший с ним в спор (даже и после его гибели: пушкинская «Полтава» — возражение рылеевской поэме «Войнаровский»), был особенно недоволен теми стихами из думы «Олег Вещий», где упоминается щит, прибитый князем к воротам Царьграда:

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Пушкин писал по этому поводу Рылсему: «Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде» (май 1825 года). И еще раньше, работая над «Песнью о вещем Олеге», Пушкин в рукописи к своему стиху «Твой щит на вратах Царегграда» сделал примечание: «Но не с гербом России, как некто сказал, во-первых потому, что во время Олега Россия не имела еще герба». «Некто» — это, конечно, Рылсев.

Но что за курьез! Заботы об историзме понятны, но именно пушкинский стих «Твой щит на вратах Цареграда» (вкупе со строкой «С дружиной своей, в цареградской броне...») содержит историческую ошибку. Дело в том, что встреча Олега с кудесником произошла еще до его похода на Царьград, как свидетельствует летописец. Князь не мог быть в тот момент облачен в цареградскую броню, и кудесник не мог сказать о щите на цареградских воротах — это случилось позже.

Видно, Пушкин не очень-то считался с показаниями летописца. И, в сущности, ничего предосудительного в этом нет. Слепое доверие к летописи не есть историзм. Да и верим ли мы вообще, что роковой случай с конем и змеею действительно был в жизни князя Олега? Скорее всего это легенда, причем имевшая хождение в древних скандинавских сагах — то есть на родине Олега. Сюжет устойчивый: крупному военачальнику предсказывают, что примет он смерть от коня своего, тот разлучается с конем, через какое-то время узнает, что конь пал, идет туда, где лежат его кости, далее — ногой на череп, оттуда змея... Все как якобы с Олегом, так что естественно предположить использование традиционного легендарного скандинавского сюжета в нашей летописи. В близком соответствии с ним сконструирована версия Олеговой смерти. Пушкин, разумеется, мог сознавать, что имеет дело не с исторической достоверностью, а с легендой, и это вряд ли его смущало.

Помимо вопроса об исторической правде, есть еще проблема правды психологической. Олег любил коня. Зачем же он тогда наступил ногой на череп любимого существа, на «благородные кости»? Похоже на осквернение праха, довольно-таки грубый жест.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На гризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Очень красивые слова, интонация — романтико-элегическая. В X веке у нас так не говорили, это совершенно другой пласт словесной культуры, гораздо более поздний. Автора «Руслана и Людмилы» упрекали за то, что его герой, русский богатырь, говорит «о траве забвенья и вечной темноте времен» (другое дело, когда он же восклицает: «Молчи, пустая голова!» — вот это убедительно). Ни Олег, ни Руслан не должны говорить языком Владимира Ленского. А если уж с Олегом такое случилось, то как же он одновременно может пинать ногою мертвую голову любимого коня — это остается загадкой. Пушкин навсерьняка чувствовал несостыковку здесь слова и жеста, поэтому смягчил жест: князь «тихо» (!) на череп коня

наступил. Тихо и деликатно. Речь же его не только красива, но и весьма загадочна:

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала...

Неясно, видит ли в этот момент князь змею. Если не видит, то в его словах горькая ирония. Если видит, то понял, что погиб; но почему не пытается спастись? Покорился неизбежной судьбе? Парализован страхом? Не успевает отпрыгнуть? Нечем убить змею? А она,

Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

И эти слова не отвечают на наши вопросы. В последнем стихе непонятно, к чему относится слово *внезапно*: «вскрикнул внезапно» или «внезапно ужаленный»? Если первое, то, может быть, князь все-таки видел змею, а крик его внезапен для сопровождающих лиц, стоявших поодаль и змею не видевших. Если второе, то и он ее не видел и ее укус для него внезапен. Создается впечатление, что непроясненность этой картины преднамеренна: тьму стародавних времен все равно не осветишь лучом истины, так пусть описание их будет недосказанным или двусмысленным. В игре по этим правилам допускаются многообразные условности, анахронизмы — не надо лишь утверждать (это возбраняется!), что в X веке был герб России...

Стихотворение Пушкина стало чрезвычайно популярным, хрестоматийным, активно воздействовало на последующую поэзию. Из него, в частности, сделали бравурную военно-патриотическую песню (с припевом: «Так громче, музыка, играй победу...» и т. д.), но его ритмико-интонационный строй более отозвался в трагических жанрах русской лирики: прощальная песня, погребальная, похоронный марш, реквием. Так, трогательные слова Олега, обращенные к коню: «Прощай, мой товарищ, мой верный слуга, / Расстаться настало нам время» — положили начало целой традиции, когда *прости, прощай* или *прощайте, товарищ* или *товарищи* звучат в том же ритме с интонациями трагического надрыда и одновременно сурового мужества:

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой.
И. И. Козлов

Прощай, наш товарищ, недолго ты жил,
Певец с голубыми очами...
М. Ю. Лермонтов

Прощай же, товарищ, ты честно прошел
Свой доблестный путь благородный.

Аноним

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!

Е. М. Студенская

Прощайте, ребята! Да здравствует Русь,
Земля и народная воля!

В. Г. Богораз-Тан

В этом ряду первоприсутствие автора «Песни о вещем Олеге» ощущается даже явственнее, чем в балладной традиции, обращенной к древнерусской тематике и к сходному стихотворному метру — урегулированно-разностопному амфибрахию («Старая быль» П. А. Катенина, «Василий Шибанов» А. К. Толстого, «Апостол Андрей» М. Л. Михайлова).

...Расставаясь с вещим Олегом, еще раз заглянем в летопись. Над текстом Пушкина ломали голову, а тут развязка проста: «И пришел на место, где лежали кости его голы и лоб гол, и сошел с коня, и посмеяся сказал: „От сего ли лба смерть было взять мне?“ И вступил ногою на лоб, и змия, выникнувши из лба, уклонула его в ногу. И с того разболелся и умер».

Из записок филолога

Некрасов и петербургские словесники

*В. Э. ВАЦУРО,
кандидат филологических наук*

История, которую мы намерены рассказать читателю, связана с одной неизданной и сугубо деловой запиской, смысл которой раскрывается лишь тогда, когда ее читаешь в некоем хронологическом событийном ряду. Этот событийный ряд — летопись трудов и дней одного из величайших русских поэтов — Николая Некрасова, чья биография, как это ни покажется странным, отнюдь не полностью нам известна, в особенности в начальных своих этапах. Малое из того, что мы знаем сейчас о петербургских мытарствах юноши, приехавшего в 1838 году из провинции в столицу, — приехавшего без денег и почти без образования, скитавшегося по чужим углам и зарабатывавшего поденным трудом на дневное пропитание, — известно нам из скудных воспоминаний самого поэта, случайных и

не всегда достоверных рассказов его петербургских знакомых, — а многое и скрыто от нас. Поэтому каждое, даже незначительное на первый взгляд, но документированное свидетельство, относящееся к концу тридцатых — началу сороковых годов, приобретает для биографа Некрасова особую ценность, — и письмо, публикуемое далее, в этом смысле не исключение. Но начать нужно с предшествующих ему событий.

Н. А. Некрасов приехал в Петербург в конце июля, а уже в начале октября новый его знакомый, преподаватель Инженерного училища Н. Ф. Фермор, приводит его к Н. А. Полевому, известному всей читающей России журналисту, критику, прозаику и историку, некогда издателю запрещенного в 1834 году «Московского телеграфа». Полевой переживал не лучшие дни; после катастрофы с журналом он сломился, бедствовал, постепенно утрачивая и темперамент литератора, и признание читателя, — но в 1838 году его звезда еще не закатилась, и он сохранил и прежние связи, и нечто от прежнего авторитета.

Полевой в это время был негласным редактором журнала «Сын отечества», куда Некрасов отдал для напечатания одно из первых своих стихотворений — «Мысль». Стихи появились в октябрьской книжке, — и почти одновременно молодой автор наносит визит редактору, возможно, по совету Фермора, — своего рода визит вежливости и благодарности, без сомнения, рассчитанный и на продолжение литературного сотрудничества. В конце 1838 — начале 1839 годов юноша становится довольно частым гостем в доме Полевого; он приходит сюда и с Фермором, и один, — а в «Сыне отечества» одно за другим появляются стихотворения с подписью «Н. Некрасов»: «Безнадежность», «Человек» в ноябрьской книжке, «Смерти» — в январской книжке 1839 года, «Изгнанник» — с посвящением Н. Ф. Фермору — в июне ... Его имя становится постепенно все более известным, то привычным для журналистов; его стихи, еще незрелые, еще подражательные, появляются в «Литературных прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» — газете А. А. Краевского, в «Библиотеке для чтения». «Библиотеку для чтения» цензуровал профессор Петербургского университета А. В. Никитенко; он разрешил к печати и июльскую книжку журнала, где появилось стихотворение Некрасова «Жизнь».

А тремя неделями позже, 14 июля 1839 года, он подает на имя ректора Санктпетербургского университета «покорнейшее прошение» о дозволении держать экзамен для вступления в число своекоштных студентов по факультету восточных языков. Он должен был экзаменоваться в так называемой второй комиссии — по наукам историческим и словесным: по закону Божьему и церковной истории,

географии и статистике, истории — всемирной и русской и русской же словесности.

Принимали экзамен по словесности профессор и цензор А. В. Никитенко и профессор П. А. Плетнев, известный критик и журналист, некогда близкий друг Пушкина, унаследовавший его «Современник».

Никитенко с 13 июня был в отъезде и вернулся 26 июля (Никитенко А. В. *Дневник*. Л., 1955. Т. I. С. 209, 212). Экзамены начались 25 числа, и в тот же день цензор А. И. Фрейганг одобрил к печати «Стихотворения Николая Некрасова».

На следующий же день по приезду Никитенко получил от Плетнева записку, которую нам теперь нужно прочесть целиком.

Любезнейший

Александр Васильевич!

Отъезжая, Вы дали обязательное для меня обещание произвести приемный экзамен. Как благородный человек, Вы сдержали слово и возвратились к этому экзамену. Пользуясь усердием Вашим к службе и дружбою ко мне, я без зазрения совести спешу передать Вам все, что нужно для производства дела. Меня к этому побуждают и домашние хлопоты: я необходимо должен приискать себе новую квартиру и в срок перетаскать в нее весь домашний скарб со старой квартиры. Вы можете поэтому представить, как это много у меня берет времени, пока я еще за всем таскаюсь с дачи.

В прилагаемых у сего бумагах представятся Вам:

1) *Вопросы из русской грамматики и темы для сочинений*. Те и другие в Вашей воле заменить новыми. Я их набросал кое-как и Вам посылаю на случай, если Вы не успеете вдруг приготовить новых.

2) *Список проэкзаменованных мною новичков, не окончательно отмеченных*; потому что надобно будет в соображение взять, кроме ответов из грамматики, дельность их сочинений. Таким образом Некрасов и Котомин в итоге могут быть вместо 2 с 3 и, может быть, с 4.

3) *Сочинения*, не прочитанные мною, следственно, имеющие нужду в Вашем воззрении и отметках.

Очень желаю, по окончании экзамена, обратно от Вас получить темы и вопросы с черновым списком, а что касается до сочинений, потрудитесь передать их с Вашими отметками декану комиссии или г. Бруту.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев

27 июля, 1839

НВ. Первый экзамен, на котором присутствовать Вам, имеет быть в субботу, то есть 29 июля (ИРЛИ, 18.641, лл. 17—18 об.).

Мы можем теперь оценить верность сведений, содержащихся в записке Плетнева.

По-видимому, имя Некрасова (как и Котомина, о котором мы ничего не знаем) известно и Плетневу, и Никитенко; во всяком случае, Плетнев как-то выделяет их из числа других абитуриентов и пишет без всяких пояснений, как будто о них уже заходила речь. Вероятно, он не прочел еще их сочинений, иначе бы он выставил окончательную оценку сам, не прибегая к помощи Никитенко, — и как будто ожидает от них многого, если полагает, что они способны повысить общую оценку сразу на два балла. С Котоминым Никитенко и Плетнев могли быть знакомы лично; что же касается Некрасова, то, несомненно, это знакомство литературное; можно думать, что оба профессора заметили поэтические опыты юноши, хотя, скорее всего, не знали с подготовленным уже сборнике стихов.

Никитенко выставил Некрасову тройку; он принял во внимание «дельность» его неизвестного нам «сочинения». Такая оценка позволяла Некрасову конкурировать и далее, если бы он не получил четыре «единицы» по другим дисциплинам: низкий уровень первоначального образования давал себя знать. Это был полный провал, и Некрасов отказался продолжать экзамены. Но дело этим не кончилось.

Как развивались события далее — мы знаем по поздним рассказам самого Некрасова. В них смещена последовательность событий, по-видимому, спутаны эпизоды двух университетских испытаний, а некоторые сообщения не подтверждаются, а иной раз и опровергаются документами, — но общий контур повествования, конечно, реален. Некрасов вспоминал, что, получив единицу по всеобщей истории (в другом рассказе — по географии) у профессора Касторского (это, согласно документам, действительно было на испытаниях 25 или 27 июля) и не рассчитывая выдержать экзамен по физике, он отправился к Плетневу, который обещал ему помощь. Ободренный, Некрасов «загулял», а Плетнев забыл доложить о нем на конференции, и будущий поэт не был принят. Мы знаем сейчас, что истинной причиной этого отказа был неуспех на других экзаменах, — но публикуемое письмо неожиданно вписывается в эти рассказы. Если экзамен по всеобщей истории и разговор состоялся накануне, то становится совершенно понятным стремление профессора помочь юноше и дать это понять Никитенко.

Некрасов рассказывал М. М. Стасюлевичу, что Плетнев старался смягчить последствия экзаменационной катастрофы. В памяти его сохранился эпизод, который вряд ли может быть вымышлен: Плетнев «после, при свидании, убеждал его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателем. Некрасов сначала не решался. Несколько дней спустя, на старом Исаакиевском мосту он видит, что кто-то его догоняет и идет с ним рядом, всматриваясь в него. Это

был Плетнев. Он снова начал убеждать его, и Некрасов подал прошение» (Лит. наследство. 1946. Т. 49—50. С. 189).

Прошение сохранилось: оно датировано 4 сентября 1839 года. По нему «дворянин Николай Алексеев сын Некрасов» был допущен к слушанию лекций «профессоров Императорского Санктпетербургского университета по отделению философского факультета» (Там же. С. 358), впоследствии преобразованного в историко-филологический факультет.

На этом мы можем заключить наш рассказ, ибо дальнейшая история неудачных попыток будущего великого поэта стать университетским студентом не имеет уже прямого отношения к найденному письму. Более или менее подробно история эта рассказана во всех сколько-нибудь полных биографиях Некрасова, — в частности, в трехтомном труде В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.—Л., 1947. Т. I) и в специальной статье С. А. Рейсера «Некрасов в Петербургском университете» (Лит. наследство. 1946. Т. 49—50. С. 351—364). Лишь на один эпизод мы обратим внимание, ибо он составляет своего рода эпилог всей истории.

В феврале 1840 года выходит из печати сборник «Мечта и звуки». Книжка вышла под инициалами; имя автора, однако, не было секретом в литературных кругах. Журналисты, знавшие Некрасова лично, стремились поддержать собрата ободряющими откликами, а Плетнев внес свою лепту: он напечатал в «Современнике» очень поощрительную рецензию. «В каждой пьесе чувствуем создание мыслящего ума или воображения. Наша эпоха так скудна хорошими стихотворениями, что на подобные явления смотришь с особенным удовольствием» (Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. II. С. 289). К этому времени Плетнев был уже ректором университета. Знал ли он, что адресует эти похвалы прежнему своему протеже? И знал ли сочинитель «Н.Н.», что он узан прежним своим экзаменатором? Подарил ли молодой поэт экземпляр вышедшей книжки издателю одного из лучших российских журналов? Все это нам неизвестно; известно лишь, что 24 июля 1840 года Некрасов опять подает прошение о допуске к экзаменам в университет — на этот раз на юридический факультет.

Результаты этого второго экзамена любопытны. Все отметки по гуманитарному циклу выше, чем год назад, — и, может быть, в этом следует видеть не только лучшую подготовленность, но и предрасположенность к экзаменуемому — отражение позиции ректора. Уже беглый взгляд на ведомость позволяет говорить о скоординированности оценок. У В. С. Порошина по географии и статистике Некрасов опять получил «1», — но другие преподаватели,

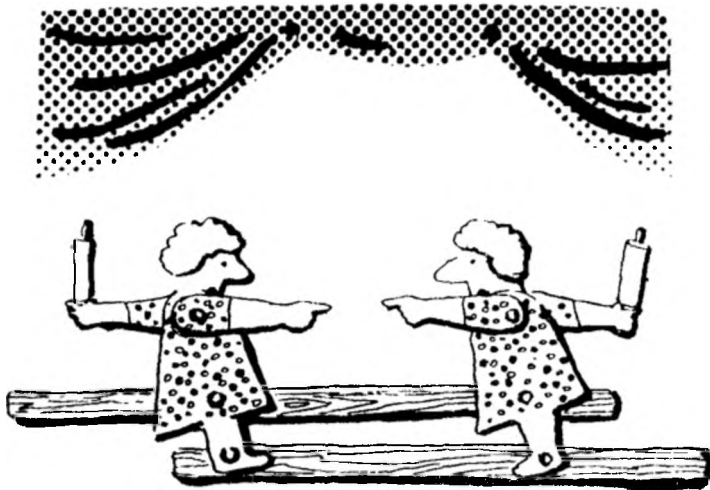
напротив (а, может быть, именно поэтому), старались единиц не ставить. Так, И. Я. Соколов по греческому языку выставляет оценку «1½», а К. Сен-Жюльен исправляет «1» на «2» (За это сообщение приношу искреннюю признательность Б. Л. Бессонову, разыскавшему подлинную ведомость). На этом общем фоне весьма скромных экзаменационных результатов выделяется оценка «5» по российской словесности. Ее поставил Никитенко (Рейсер С. А. Некрасов в Петербургском университете. С. 360—361).

Почти нет сомнений, что этот балл ставился не абитуриенту Некрасову, но литератору «Н.Н.», автору поэтического сборника, отрецензированного Плетневым. История годичной давности, открытая плетневским письмом, повторялась вновь — на более высоком уровне.

Дальнейшее известно. Некрасову не удалось сдать дисциплины математического цикла, и 24 июля 1841 года он оставил университет.

Существует рассказ Н. И. Глушицкого, что одной из причин его ухода была резкая критика или даже «глумление» над его поэтическим творчеством, которое позволил себе Никитенко с университетской кафедры. Здесь нет возможности подробно анализировать этот рассказ, взятый из вторых рук. Мемуары Глушицкого полны вымыслов в фактах и объяснениях и частью были опровергнуты в научной литературе. Но даже если критический отзыв Никитенко о «Мечтах и звуках» и был в действительности, — а исключить этого мы не можем, — не он определял линию поведения критика, когда дело шло не о достоинствах поэзии, а о судьбе поэта.

Санкт-Петербург

Слово в драматургии**«СТИЛЬ» ССОРЫ**

*М. Ю. ФЕДОСЮК,
доктор филологических наук*

Известную пьесу Алексея Арбузова «Таня» открывает такая сцена. Зимний вечер в уютной московской квартире. На пороге появляется Таня, вернувшаяся с лыжной прогулки. Ей навстречу выбегает домработница Дуся, которая с явным неодобрением говорит: «Ну вот, всегда вы с лыжами в комнату...»

Задумаемся, для чего в этой фразе употреблено слово *всегда*. Означает ли оно, что Таня и в самом деле не в первый раз нарушает чистоту и порядок в квартире? Возможно, но совсем не обязательно. Скорее всего, это слово понадобилось Дусе лишь для того, чтобы сильнее выразить неудовольствие по совершенно конкретному поводу. И в этом случае арбузовская героиня, сама того не ведая, использовала своего рода риторический прием.

Подобные приемы, цель которых — повлиять на сознание, поведение и эмоции адресатов, характерны не только для публичной, ораторской речи, но и для нашего повседневного общения. Прибегают к ним чаще всего в конфликтных ситуациях, когда один из собеседников стремится любой ценой досадить другому, воздействовать

на него, взять верх над ним. Например: к вам в дом вошел некто, не вытерев у порога ноги. Конечно, можно сдержатъ себя, можно сделать вид, что ничего особенного не произошло и лишь ограничиться констатацией: «Ты не вытер ноги». Но если вы хотите, чтобы ваши слова оказали влияние, необходимо — быть может, и не вполне справедливо — обобщить случившееся, представить дело так, чтобы в упреке, который услышит нарушитель чистоты и порядка, его поступок выглядел не как единичное (случайное), но как повторяющееся действие: «Вечно ты ноги у входа не вытираешь!» Возможны и более высокие степени обобщения: «Любишь ты грязь в дом приносить!» или даже: «Ну, конечно, такие, как ты, не приучены к чистоте».

Три варианта для выражения категорического неодобрения, причем в каждом, как мы видим, в обобщенной форме заключена нелестная характеристика адресата. Достигается это через содержание высказывания. Нечто похожее — по сути и форме — прозвучало из уст арбузовской героини Дуси. За другими примерами обратимся к текстам современных русских пьес. В них, как правило, хорошо отражены особенности наших будничных, житейских разговоров. Реплики персонажей демонстрируют немало способов неблагоприятного воздействия на умы и чувства собеседников. Обнаруженные нами приемы настолько типичны, что их можно, используя образное выражение известного лингвиста И. Р. Гальперина, условно назвать действенным средством «стиля языка семейной ссоры» (Гальперин И. Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 78).

Приведем еще один пример использования этого содержательного приема в пьесе Алексея Арбузова «Ожидание»:

Ермаков. На вот, возьми. (*Торопливо сует ему* [Валерику] деньги). Хватит, думаю?

Валерик. Не много ли отвалил? {...}

Клавва (*она вышла чуть раньше*). Авансорируешь? {...} Мотоцикл подарил — жду не дожусь, когда он «Москвича» тебе организует.

Ермаков. Тише вы, приезжую разбудите.

Клавва. Пижона растишь!.. {...}

Ермаков. Одно черно-белое видишь... Ох, не узать тебе счастья, Клавва (здесь и далее разрядка наша. — М. Ф.).

Обобщенная неодобрительная характеристика налицо. Интересно, что словесную перепалку может вызвать не только конкретный поступок одного из персонажей. Стремясь досадить собеседнику, нередко вспоминают о фактах, к сути конфликта не имеющих никакого отношения:

Кузьма. А что ты о нас знаешь? Так любовался собственным великолепием, что и заметить не успел, как время твоё кончилось.

Финита! Даже в кукольном театре собираются отказаться от твоих услуг.

Балясников. Что ты зрешь? (*Тревожно.*) О чем ты? {...}

Кузьма (*долго смотрит на него*). Мне жаль тебя, папа. (*Идет к двери, обернулся.*) {...}

Балясников (*кричит ему вслед*). А ты... Ты всегда был посредственностью. До пяти лет не выговаривал букву эр! (А. Арбузов. Сказки старого Арбата).

Очень типичный прием «стиля» ссоры — резкое неприятие слов собеседника («Ты говоришь глупости»):

Она. Какая ерундистика!.. И при чем тут душа! Нет уж, милый Родион Николаевич, настоящая женщина обязана до глубокой старости оставаться обольстительной. До последнего смертного часа!

Он. Так — договорились. Нечего сказать... До самого смертного часа... Вот ужас-то! Ну кому нужны в гробу красотки? Глупости говорите.

Она. А вы — бесчувственный человек! (А. Арбузов. Старомодная комедия).

Иногда откровенная грубость персонажа («Ты мне надоел») делает невозможным дальнейшее общение:

Васенька (*вырывается*). Пусти! Оставайся с ним сам, если тебе хочется! Вы мне все осточертели! (*Бусыгину*). И ты тоже! Пусти, тебе говорят! Я и видеть-то вас не могу! (А. Вампилов. Старший сын).

Довольно часто конфликтующие стороны используют отрицательно оценочные существительные, такие, как *идиот*, *ничтожество* или *подлец*:

Олег. Ну вот... я кормил рыб... и случайно, абсолютно случайно, пролил чернила на твой новый письменный стол. Вот! (*Снял попрышку со стола.*)

Леночка (*кричит*). Гадина!.. Хулиган!!! (В. Розов. В поисках радости).

Еще один типичный содержательный прием «стиля» ссоры — утверждение о несамостоятельности поступков или суждений адресата:

Иван {...} Любовь... Любовь — это самое святое, самое, понимаешь, прекрасное и доброе чувство... Если любишь, то никто тебе больше не нужен, и весь мир для тебя — в одном человеке... Он для тебя, понимаешь, все... Он только!

Безенчук (*с азартом*). Частническая психология! (*Горестно взмахивая руками.*) Успели уже... Заразили тебя эти подлцы! (А. Арбузов. Двенадцатый час).

Таковыми же оскорбительными бывают утверждения и о низменных мотивах действий собеседника:

Клавдия. Так ведь позвали зачем?

Дядя Митя. Не знаю, зачем звали, а знаю, зачем тебе занудилось идти.

Клавдия. Ой, ой, понес околесину.

Дядя Митя. Потому что тебе всегда в чужие дела надо влезть. Всегда ты первая ползешь.

Клавдия. Совсем со своими шахматами озлобился. Тебе не дали первого-то разряда, вот ты на мне и срываешься. Пешка два! Конь три! (Л. Петрушевская. Уроки музыки).

Кроме того, для «стиля» ссоры характерны приемы, эмоциональное воздействие которых обусловлено особенностями речевого поведения персонажа. Наиболее сильный из них — это, пожалуй, отказ от продолжения разговора. О его действительности убедительно говорит такой, например, отрывок из пьесы А. Володина «Осенний марафон»:

На руке Бузыкина заверещали часы.

Алла. Все? Твое время истекло?

Бузыкин. В домоуправление надо забежать, пристают, чтобы я им лекцию прочитал.

Алла помолчала.

Бузыкин. Никуда я не пойду.

В этой же пьесе оскорбленная героиня прибегает и к другой форме отказа от дальнейшего общения — высказыванию, побуждающему партнера замолчать или вообще уйти:

Алла. Будешь спокойно жить со своей Ниной Евлампиевной. А я выйду замуж. {...}

Бузыкин. Ну что же. Единственное, чего я хочу, это чтобы ты была счастлива. Если тебе будет хорошо, я буду рад.

Алла. Ты будешь рад?.. Уйди! Уходи отсюда, я не могу тебя больше видеть!

Впрочем, любое высказывание, имеющее форму приказа, ставит того, кому оно адресовано, в подчиненное положение. Возможно, именно поэтому для «стиля» ссоры так характерен властный, командный тон:

Судаков. Я хочу...

Наталья Гавриловна (*подавляя его*). Молчать! Как стоишь? Пузо подбери. Как стоишь, я тебе говорю? Кругом!.. Что тебе сказано? (В. Розов. Гнездо глухаря).

Речевому поведению этой героини Виктора Розова присущ и такой разящий присм эмоционального воздействия, как угроза:

Судаков. Наталья!

Наталья Гавриловна. Тихо! Сделал из меня домашнюю курицу. Думаешь, совсем переродилась? Я тебе Натку Пузыреву напому! Я не до конца твоей этой жизнью при-

шиблена. Уют он нам, видите, создал, жратву. А хочешь, я сейчас все это твое шматье в окошко повыкидываю! Я тебе так дверью хлопну, ты меня потом обратно и Новодевичьим кладбищем не заманишь!

Не менее эффективен прием осознанного нарушения норм речевого этикета. Например, когда вместо вежливого обращения на «вы» в пылу ссоры употребляют фамильярное «ты»:

Виктория. Перестаньте! Сначала разберитесь...

Марина. Молчи, вертихвостка!

Виктория. Слушайте!

Марина. Молчи!

Виктория. Послушайте!

Марина. Замолчи, негодяйка!

Виктория (*вышла из себя*). Сама вы негодяйка! (А. Вампилов. *Провинциальные анекдоты*).

В одноактной пьесе «Любовь» Людмила Петрушевская использует, пожалуй, наиболее типичный прием всех ссорящихся: обозначение собеседника местоимением не 2-го, а 3-го лица. Партнер по диалогу как бы демонстративно игнорируется, к нему относятся так, будто его нет:

Евгения Ивановна. А, уходишь, ну иди. Ты мне сразу не подошел, думаю, чего моя Светка страдает. А ему нужна московская прописка, только всего, фиктивный, оказывается, брак.

Толя. Почему фиктивный?

Евгения Ивановна. Да не пудри мозги, не пудри. Никто хуже моей Светы не нашелся на него позариться.

Существует и третья группа приемов «стиля» ссоры. Их воздействие обусловлено стилистической окрашенностью языковых средств. Так, стремясь добиться своего, конфликтующие часто употребляют слова и выражения со сниженной и негативной окраской:

Федор. Ленуська, ну, сй-богу, как будто я виноват...

Леночка молчит.

Ленуська!

Леночка молчит.

В общем-то, это не такое страшное событие.

Леночка. Конечно, для тебя все пустяки! Тебе это ничего не стоило. Ты привык жить в этом своем клоповнике целым кагалом (В. Розов. *В поисках радости*).

Любопытно, что такое же по силе воздействие могут оказывать на собеседника некоторые слова, которые, напротив, тяготеют к книжной лексике. Так, для «стиля» ссоры весьма характерно упот-

ребление слов *явиться* вместо *прийти*, *не желать* вместо *не хотеть*, *намерен* вместо *собираюсь*. Дело, очевидно, в том, что все они придадут высказываниям более резкий и категоричный характер. Например:

Входят Федор и Леночка. Олег замер, глядя на них.

Федор. Явился?.. Ну?

Олег молчит.

Леночка. Что уставился, гаденыш? (В. Розов. В поисках радости).

Или пример из «Прощания в июне» Александра Вампилова:

Репников. Я отказал ему, потому что он нахал. И довольно! Я не желаю больше о нем слышать!

Таня. А я не желаю тебя видеть!

Возможно, у строгого читателя возникнет вопрос: а зачем, собственно, нужно знать эти «приемчики»? Не для того же, чтобы первенствовать в семейных распрях? Да и вряд ли требуется когонибудь специально обучать их применению «на практике»... Прежде всего, эти приемы из арсенала выразительных средств русской речи. Иметь представление о них полезно и даже необходимо. К тому же лишний раз — хотя бы бегло — обратиться к текстам велико-лепных, на наш взгляд, пьес современных русских драматургов — занятие всегда благоприятное. И, наконец, знакомство с этими речевыми средствами принесет, уверены, практическую пользу в самых неожиданных житейских обстоятельствах. Зная об их отрицательном заряде, вы постараетесь их не использовать, а ваши возможные оппоненты настроят себя на то, чтобы не реагировать на колкости особенно болезненно, если вы, к сожалению, все же не сдержите себя. И тогда всем нам — конечно же! — будет гораздо легче находить общий язык друг с другом.

Мирра Лохвицкая

Мирра (Мария) Александровна Лохвицкая (1869—1905) родилась в Петербурге, ее отец — известный адвокат, профессор права. В семье проявляли горячий интерес к литературе: младшая сестра поэтессы стала впоследствии популярной писательницей-юмористкой Н. А. Тэффи. Получив хорошее домашнее образование, Мирра Лохвицкая продолжила его в московском Александровском институте.

Писать Лохвицкая начала рано, первые ее стихотворения были напечатаны в 1888 году, еще до окончания института; в 1889 году выступила в журнале «Север». Известность поэтессы приобрела в 1892 году, когда в «Русском богатстве» появилась ее поэма «У моря». Имя Мирры Лохвицкой частью критиков и читателей, привлеченных нарядным убранством и звонкостью ее стихов, было поднято на щит. Популярность поэтессы особенно возросла к концу XIX века: на вечерах, где она выступала, в частности на «пятницах» Константина Случевского или в концертах в пользу Литературного фонда, ей сопутствовал шумный успех, подкрепленный и большим личным обаянием Лохвицкой. На нее писалось множество пародий, ей подражали, не раз под ее именем печатались другие стихотворцы. На фоне печальной, бескрылой поэзии, господствовавшей в 80—90-х годах, стихотворения Лохвицкой подкупали мажорным тоном, утверждением свободы чувства, ощущением радости.

Поэтесса была одарена несомненным талантом. Но ее лирике недоставало естественности чувства. Она предавалась в стихах «восторгам» и «экстазам», однако любовная страсть в ее поэзии — страсть в значительной мере условная, декоративная, отдающая литературщиной, а «вакхичность» ее наиграна. Слог стихотворений Лохвицкой можно назвать персходным: она отталкивалась от классической поэтики 19 столетия, но не выработала своей, принципиально новой и оригинальной. Лохвицкую причисляли к школе Бальмонта, с которым она была близко связана, но она непосредственно училась и у Аполлона Майкова. Ее стихи служили как бы предпольем поэзии декаданса конца XIX — начала XX века. Недаром Игорь Северянин среди своих предшественников и учителей называл в первую очередь Константина Фофанова и Мирру Лохвицкую. С

большим пиететом относился к ней и поэт К. Р. — великий князь Константин Константинович.

В последние свои годы Лохвицкая писала вещи в драматической форме на средневековые и библейские темы — «ударилась, — как отмечал профессор С. А. Венгеров, ее современник, — в средневековую фантастику, в мир ведьм, культ сатаны».

Н. В. Банников ©

* *

Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь неувядшим цветком.
Я хочу, чтоб на камне моем
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоем.
Я хочу умереть молодой!

Схороните меня в стороне
От докучных и шумных дорог,
Там, где верба склонилась к волне,
Где желтеет некошеный дрок.
Чтобы сонные маки цвели,
Чтобы ветер дышал надо мной
Ароматами дальней земли...
Я хочу умереть молодой!

Не смотрю я на пройденный путь,
На безумье растраченных лет:
Я могу беззаботно уснуть,
Если гимн мой последний допет.
Пусть не меркнет огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой!

(1904)

* *

В кудрях каштановых моих
Есть много прядей золотистых —

Видений девственных и чистых
В моих мечтаньях огневых.

Слилось во мне сиянье дня
Со мраком ночи беспросветной,—
Мне мил и солнца луч приветный,
И шорох тайн манит меня.

И суждено мне до конца
Стремиться вверх, скользя над бездной,
В тумане свет провидя звездный
Из звезд сплетенного венца.

⟨1897⟩

Предчувствие грозы

В душу закралось чувство неясное,
Будто во сне я живу.
Что-то чудесное, что-то прекрасное
Грезится мне наяву.

Близится туча. За нею тревожно я
Взором слежу в вышине.
Сердце пленяет мечта невозможная,
Страшно и радостно мне.

Вижу я, ветра дыхание вешнее
Гнет молодую траву.
Что-то великое, что-то нездешнее
Скоро блеснет наяву.

Воздух темнеет... Но жду беззаботно я
Молнии дальней огня.
Силы небесные, силы бесплотные,
Вы оградите меня!

⟨1896—1898⟩

* *

Быть грозе! Я вижу это
В трепетанье тополей,
В тяжком зное полусвета,
В душном сумраке аллей.

В мощи силы раскаленной
Скрытых облаком лучей,
В поволоке утомленной
Дорогих твоих очей.

(1897)

Мой замок

Мой светлый замок так велик,
Так недоступен и высок,
Что скоро листья повилик
Ковром заткут его порог.

И своды гулкие паук
Затянет в дым своих тенет,
Где чуждых дней залетный звук
Ответной рифмы не найдет.

Там шум фонтанов мне поет,
Как хорошо в полдневный зной,
Взметая холод вольных вод,
Дробиться радугой цветной.

Мой замок высится в такой
Недостижимой вышине,
Что крики воронов тоской
Не отравили песен мне.

Моя свобода широка,
Мой сон медлителен и тих,
И золотые облака,
Скользя, плывут у ног моих.

Ангел ночи

Мне не надо наслаждений
Мимолетной суеты.
Я живу среди видений
Очарованной мечты.

Только ангел темной ночи
Свест к ложу моему,—
Я замру, вперяя очи
В неразгаданную тьму.

И с тоской неутолимой
В полусонной тишине
Кто-то близкий и любимый
Наклоняется ко мне.

Я шепчу ему с тревогой:
— «Сгинь, ночное колдовство!
Ангел ночи, ангел строгий,
Бдит у ложа моего».

Но в смущении бессилья
Чистый ангел мой поник,
И трепещущие крылья
Закрывают бледный лик.

Не убивайте голубей

Не убивайте голубей!
Их оперенье белоснежно;
Их воркование так нежно
Звучит во мгле земных скорбей,
Где все — иль тускло, иль мятежно.
Не убивайте голубей!

Не обрывайте васильков!
Не будьте алчны и ревнивы;
Свое зерно дадут вам нивы,
И хватит места для гробов.
Мы не единым хлебом живы, —
Не обрывайте васильков!

Не отрекайтесь красоты!
Она бессмертна без курений,
К чему ей слава песнопений,
И ваши гимны, и цветы?
Но без нее бессилен гений, —
Не отрекайтесь красоты!

(1903)

Записные книжки и письма^{*} Д. С. Мережковского

Публикация
Е. А. Андрущенко и Л. Г. Фризмана

ПИСЬМА

А. П. Чехову

16 декабря (1891 г.)

⟨...⟩ Читал Вашу «Дуэль» очень внимательно и многое, многое хотелось бы Вам сказать по этому поводу. Тип Лаевского — прелесть — он как живой, если бы не самая последняя глава, которая все-таки фантастична¹. Зачем эта добродетельная метаморфоза? Я верю, что в Лаевском очень много хорошего, может быть, больше хорошего, чем в Фоне Корене, я верю, что он беспредельно любит женщину, с которой живет, и только не понимает этой любви. Но все-таки воли и выдержки у него нет, как у волка нет орлиных крыльев, у овцы — волчьих когтей. Последняя глава напоминает — знаете что, сказку о прекрасном царевиче, которого волшебница обратила в чудовище: чудовище молчит, чтобы в него выстрелили, но пуля не ранит его и он мгновенно превращается снова в прекрасного царевича и только след пули остается на белой шее. Но очень многое в «Дуэли» привело меня в восторг. Это все-таки самая умная и глубокая из Ваших вещей наряду со «Скудной историей» ⟨...⟩

РГБ, ф. 331, карт. 51, ед. хр. 58, лл. 3—3 об. Напечатано в журнале «Дон» (1988. № 9. С. 162) с значительными искажениями.

1. Об этом же говорится в письме Д. С. Мережковского к А. Н. Плещеву от 24 сентября 1891 года: «Как Вам понравилась „Дуэль“? Какое дикое окончание!» (РГБ, ф. 359, карт. 8228, ед. хр. 48, лл. 2—2 об.).

А. П. Чехову

Понедельник.
⟨ 24 февраля 1892 г.⟩

Дорогой Антон Павлович!

На меня обрушились всякие несчастья: 1) цензор Альбединский драму мою¹ запретил. Почему, — неизвестно, ибо в ней нецензурного, кроме самого обыкновенного адюльтера — ничего нет. Я пришел

^{*} Окончание. Начало см.: Русская речь. 1993. № 4.

в такое уныние, что даже Вам ее не послал. Отдал в Спб. Вестник). Флексер² не принял ее и написал, что эта драма ниже всякой критики и что мне надо ее стыдиться. Я не поверил и отдал Ясинскому для передачи в «Наблюдателя» — Ясинский³ говорит мне, что эта драма — моя лучшая вещь, что он от нее в восторге, что я по призванию драматург и что Пятковский⁴ ее примет наверное. Кому верить, — не знаю {...}

РГБ, ф. 331, карт. 51, ед. хр. 58, лл. 13—13 об. Напечатано в журнале «Дон» (1988. № 9. С. 161) с значительными искажениями.

1. Имеется в виду пьеса Д. С. Мережковского «Гроза прошла». 2. Флексер Аким Львович (1863—1926), русский литературный критик и историк искусства. 3. Ясинский Иероним Иеронимович (1850—1931), русский писатель. 4. Пятковский Александр Петрович (1840—1904), русский журналист и историк литературы.

В. В. Розанову

14 октября 1899 г.

Дорогой Василий Васильевич,
я сижу один — З. Н.¹ ушла, и мне кажется, что Вы еще со мной говорите, и только теперь, когда Вас нет, я умею Вам отвечать. И даже теперь трудно. Мы ведь все-таки привыкли к бесконечному одиночеству и безмолвию — мы похожи и на детей, которые еще не умеют говорить, и на мертвецов, которые встают из могил и стыдятся своей страшной наготы.

Кажется мне, что сегодня произошло уже первое чудо. Мы едва успели о Нем подумать, а Он уже действительно был среди нас. И это ничего, что З. Н. примеряла с портняхой веселое, модное (в будущем) траурное платье. И ничего, что Вы называли меня малодушным, я ведь знаю, что Вы этого не думали. Знаете ли, почему для меня это — чудо? Я все последнее время думал об этом странными, темными мыслями — точно за меня во мне кто-то думал. И всегда я вместе с тем думал о Вас и стыдился, и боялся, и хотел Вас. И вот Вы так странно ненужно пришли, потому что именно теперь Вы такой, как для всех, были мне не нужны. И вдруг оказалось, что и Вы об этом же думали, и как необыкновенно, неожиданно Вы это сказали. Это для внешних поразительное совпадение внешних случайностей. Но ведь всегда чудо является поразительным совпадением случайностей. Если *это* и для Вас, как для меня, самое важное, важное, как смерть или жизнь, то Вы поймете то, о чем я теперь так бессвязно и неумело говорю.

Я в это мгновение чувствую, как Он силен и близок. Нет, мы от Него никуда не спрячемся. Рано или поздно Он поведет нас всех. Мне все кажется, что до сих пор и З. Н. и Вы со мною, и

Он среди нас. И будут еще великие чудеса. И будет все, чего мы хотим. Я отсюда вижу Вашу теперешнюю сатирическую улыбку, потому что у Вас улыбка Св. Сатира (такой святой действительно был), но я ее не стыжусь и не боюсь. Я так верю в Вас, давно уже верил. И теперь Вы будете мне еще дороже, потому что Он через Вас сделал со мною первое чудо.

Д. Мережковский

Р. С. Прочту это письмо З. Н. — она ведь не другой человек, а я в другом теле — и тогда пошлю.

РГБ, ф. 249, карт. М. 3872, ед. хр. 1, лл. 3—4.

1. Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), русская писательница, жена Д. С. Мережковского.

В. В. Розанову

(начало 1903 г.)

Дорогой Василий Васильевич,
прочел Ваши статьи¹ с большим интересом. Много у меня разных мыслей по этому поводу, но если начать писать — вышла бы целая статья. Но вот главное: все-таки для Христа девственность выше брака, да и семью он *только* допускал: «враги человека — домашние его». Вообще Эрос — слабая сторона не только Церкви, христианства, но здесь обнаруживается односторонность самой сущности учения Христа, по крайней мере, насколько мы Его знаем. Все, что Вы говорите об «аномалиях», необыкновенно глубоко и, по-моему, гораздо глубже и проникновеннее, чем Ваше учение христианского брака. Вообще не брак, а сладострастие есть глубина противоположная и равная глубине, открываемой Христом. Тут не Черт — я тоже в него не верю, — но другой, второй Бог, другой «*пол*» мира, другой Христос — Антихрист, — брак и Антихристианство, — это я еще могу принять. А всего вернее формула:

Христос — целомудрие

Антихрист — сладострастие.

Брак есть пошлое, житейское и механически (хотя и стихийно) утилизированное соединение целомудрия и сладострастия — Артемиды (невеста) и Афродиты (жена). Да и Вы всю святость брака полагаете не в полезном и нужном и понятно-законном чадорождении, а в мистическом бесполезном, непонятном и ниспровергаемом законы мгновении слияния двух тел, и в основе святого христианского брака — изнасилование невинной девушки, кровь на жертвенник Астарты² — тот же «потрясающий случай». Если Вы согласитесь, что и во Христе, в самом Евангельском Христе есть уже узанный

Антихрист, — тогда другое дело, — тот мог благословить и сладострастие ...

Бедный протоиерей! — он в самом деле попался на Вашу удочку! И разве таких Вам спутников надо?

Какую бы неодолимую силу приобрели Ваши слова, если бы Вы порвали, наконец, последнюю связь с этим космическим началом всякого мещанства, всякой середины — с Семейю. Да это и будет рано или поздно. И тогда говоря против Церкви, все же будете приобретать друзей в самой Церкви. Потому что бедный протоиерей — будучи Вашим учеником, обратится все же верным слугою православной церкви...

Но чувствую, как все это неясно. Я не умею писать писем. Простите. Жду заметки для *Мира Искусства*, — но не забывайте, что журнал *подцензурный*. Если бы удалось Вам хоть внешним образом приобщить Вашу тему к миру искусств, — было бы гораздо безопаснее и с цензурной точки зрения.

Сердечно Ваш

Д. Мережковский

РГБ, ф. 249, карт. М. 3872, ед. хр. 1, лл. 37—38 об.

1. Имется в виду прежде всего статьи В. В. Розанова «Закон и брак» // *Новый путь*. 1903. № 1. С. 176—189. 2. *Астарт* — в западно-семитской мифологии богиня любви, брака и плодородия.

А. Г. Достоевской

20 декабря 1902 г.

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна, вместе с этим письмом заново Вам два тома моего исследования «Л. Толстой и Достоевский», а также первый номер нового журнала «Новый путь», в котором я принимаю самое близкое и живое участие. По моим книгам и по журналу Вы увидите, какую благоговейную любовь я и все мы питаем к Федору Михайловичу. Мы его духовные дети, и смею думать, что и он сам признал бы нас за таковых. Вся наша деятельность, вся наша жизнь, посвящены развитию и распространению тех идей, которые были ему всего дороже.

Вот почему я решаюсь обратиться к Вам от лица всех участников «Нового пути»¹ со следующей усерднейшей и убедительнейшей просьбой: не найдется ли у Вас каких-либо литературных материалов — писем, записей, воспоминаний, черновых набросков, отрывков (всего желательнее было бы для нас что-нибудь *беллетристическое*), которые Вы согласились бы передать в наш журнал. За все будем Вам бесконечно благодарны. Не откажите! Просим Вас во имя того *общего дела*, которому, твердо верим, сочувствовал бы

великий наш учитель Федор Михайлович! Мысленно в это мгновение взываю к нему самому, да придет он к нам на помощь через Вас (...)

РГБ, ф. 93/II Дост., карт. 6, ед. хр. 74, лл. 3—5.

1. «Новый путь» — ежемесячный журнал, выходивший в 1903—1904 годах под фактическим руководством Мережковского.

В. Я. Брюсову

1 сентября 1903 г. Луга.

Дорогой Валерий Яковлевич, очень огорчил меня инцидент с Вашим папством¹. Мы сделали весьма энергичный запрос Егорову², и он ответил нам, что корректуру с *цензурными* пометками послал Вам. Или Вы ее до сей поры не получили? Во всяком случае будьте уверены, что все пометки сделаны отнюдь не Егоровым, а или Перцовым³ (но не думаю, он был вполне согласен с Вашей статьей), или цензурой. А мы тут совсем не при чем. Конечно, я виноват тем, что живу в Луге, а не в Петербурге. Но *физические* силы мои не позволили мне все лето не отрываться от дела. К тому же «Петр»⁴! Ведь это отчасти тоже связано с вопросом о будущем Н(ового) П(ути). И вообще будьте снисходительны, будьте добрее к нам! Право же мы делаем все, что только умеем. И одиночество наше — «безгрешное»!

«Усердные враги, лютивые друзья», — строчка из ненаписанного стихотворения, очень горького и справедливого. Если в чем мы действительно виноваты, ну, простите великодушно... Право же надо быть вместе. Нас так мало. Дайте только вздохнуть и увидите, что кажущаяся «антиэстетика» Н(ового) П(ути) приведет к побеждающей и окончательной эстетике. Чтобы сделать скачок вперед, надо отступить...

Ради Бога, присылайте статью или заметку о Пушкине. В этом направлении полемика нам чрезвычайно желательна. Я глубоко сочувствую Вашему *реализму* и любви к подлинному Пушкину и считаю царствующий академический идеализм (в котором я сам отчасти повинен — см. — «Вечн(ые) Спутн(ики)») просто мертвечной, мерзостью запустения. Хотел бы даже написать в Вашу защиту заметку по этому поводу о теперешнем литературном лицемерии и *хамстве*. Да, Пушкин сделался идолом тех же *хамов*, которые возвели на престол Максимку Смердящего⁵.

И Тютчевских работ Ваших ждем с нетерпением. Присылайте поскорее. Если успеем, то пустим Вашу статью о Тютчеве *первою* в Октябре (...)

РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 43, лл. 13—14 об.

1. Речь идет о статье В. Я. Брюсова «Папство»//Новый путь.

1903. № 8. С. 236—238. 2. Егоров Ефим Александрович (1861 — ?), русский журналист, секретарь редакции журнала «Новый путь». 3. Перцов Петр Петрович (1868—1947), русский публицист, редактор журнала «Новый путь». 4. «Петр» — роман Мережковского «Петр и Алексей» (1902—1905), третья часть трилогии «Христос и Анти-христ». 5. Вероятно, речь идет о Максиме Горьком.

А. С. Суворину

(1903 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич, из нашей сегодняшней беседы я почувствовал, что Вы любите царевича Алексея. Посылаю Вам его дневник. Прочтите! Он появится только в Марте, а мне теперь бы хотелось знать Ваше мнение. Может быть, дадите какие-нибудь советы? Как хотелось бы, чтобы Вы, именно Вы написали Маленькое Письмо о Петре и Алексее! Это помогло бы и мне, и «Новому Пути» и главное бедному царевичу, за реабилитацию которого меня будут ругать ужасно. Петр — «либерал» и потому нельзя его касаться. А я его коснулся, кажется, очень смело, смелее, чем наивные «славянофилы». Ибо я все время чувствую страшное величие Петра! Я и его тоже люблю. А примирение в нашей будущей культуре Петра и Алексея (Отчей и Сыновней «Ипостасей» всей Русской Истории) там — за «рекою крови» — все-таки самое главное, что нам предстоит {...}

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2630, лл. 28—29 об.

В. Я. Брюсову
(2 февраля 1906 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, за мою статью так ухватился П. Струве¹, что пришлось бы обидеть его, чтобы вырвать ее из «Полярной Звезды»². Да статья и по своей слишком яркой политической и главное, религиозной, до фанатизма, окраске едва ли подходила бы к «Весам», которые по существу своему в этой области научно-объективны — или по апокалиптической терминологии «холодны» (не без одобрения — «о, если бы ты был холоден или горяч!»³). Разумеется, статья еще больше будет диссонировать с умеренной к. д-серостью и теплотой «П. З.» Но для «пропаганды» это-то, пожалуй, и благоприятно: «пустили козла в огород!» Итак, не сердитесь на меня, погодите и увидите мое искреннее желание послужить «Весам», огромное культурное значение которых я очень высоко ценю: ведь культура для меня часть «культы» — религии {...}

Автограф — РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 44, лл. 3—4

1. Струве Петр Бернгардович (1870—1944), русский экономист, философ, историк, публицист, редактор еженедельного журнала «Полярная Звезда», выходившего в Петербурге с декабря 1905-го по март 1906 года. 2. Речь идет о статье «Пророк русской революции». 12 февраля 1906 года Мережковский писал Брюсову: «Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, я могу, оказывается, освободить мою статью о Д(остоев)ском из Поляр(ной) Звезды, так как в последнюю минуту Струве, испугавшись моей мистики, потребовал некоторых исключений, на которые соглашаться у меня особенной охоты нет. Ввиду этого я опять предлагаю статью «Весам». Но не поздно ли?» (Там же, л. 5). 3. Цитируется Откровение Иоанна Богослова (III; 15).

А. Г. Достоевской

16/29 сентября 1906 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Анна Григорьевна, я очень обрадовался Вашему письму, потому что боялся, что Вы на меня сердитесь, а теперь вижу, что Вы простили меня за мою вину, правда, невольную и по-прежнему добры ко мне. Радуюсь также, что будет у Вас статья Булгакова¹: никто лучше его не напишет очерка о Федоре Михайловиче. Что касается до объяснения с читателями по поводу отсутствия моей статьи², то я бы считал нужным напечатать прилагаемое письмо к Вам, так как останется непонятным, почему же я все-таки не дал Вам уже написанного очерка, а напечатал его раньше: в этом можно усмотреть такую небрежность к памяти Федора Михайловича, в которой я вовсе не повинен. Если Вам это письмо мое не понравится, то сделайте нужные изменения и пришлите мне его в корректуре — я сейчас же возвращу. Если же Вы совсем не захотите печатать этого письма в Вашем издании, то я готов напечатать его в какой-нибудь газете, но во всяком случае нам обоим следовало бы объяснить, почему статья моя не появилась в Вашем издании.

Вы спрашиваете, как мне здесь живется: очень тихо и уединенно. Много работаем. Были на берегу Средиземного моря, в Бретани, у океана и в чудесных вековых лесах в Компьене. Готовил книгу о русской революции, которая выйдет сначала по-французски и по-немецки, а потом уже по-русски, но не в России, потому что книга едва ли будет разрешена цензурой. Я еще задумал написать трагедию — «Смерть Павла I». Зинаида Николаевна сердечно Вас благодарит за Вашу милую память о ней. Скоро ли вернемся, не знаю. Во всяком случае едва ли раньше чем через год: ведь в России надо быть теперь и немедленно или гротеск-мучеником или равнодушным (более или менее) зрителем или палачом. А мы быть первыми не готовы, быть вторыми не должны, быть третьими не

хотим. Но только что увидим, что можно что-либо сделать в России, разумеется вернемся сейчас же. А вообще нам кажется, что происходящее теперь в России — предел всякого ужаса: это не зверство, а бесовство («Бесы», но не совсем в том смысле, как разумел Ф. М.), бесовство с обеих сторон и, разумеется, больше со стороны правительства...

Кстати, в Германии выходит новое великолепное издание Достоевского — и я участвую в этом издании. Жду известий от Вас. Сердечно Ваш Д. Мережковский

Пишите в Париж.

(Письмо для напечатания)

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна, приношу Вам мое усердное извинение в том, что новое Ваше издание произведений Ф. М. Достоевского должно появиться без обещанного мною критического очерка. Мне понятны мысли и чувства, заставившие Вас признать неудобною для напечатания статью мою «Пророк русской революции», которая была написана для этого издания и в назначенный срок представленная Вам (в настоящее время она уже появилась отдельною книгою). Высказанные в этой статье взгляды на некоторые самые заветные верования Ф. М. Достоевского — самодержавие, православие, народность — так не совпадают с установившимся в русском общественном мнении пониманием произведений этого писателя, что я тогда же согласился с Вами, что, может быть, подобной статье не место в классическом юбилейном издании. Но ни изменить этот взгляд, ни даже высказать его в более умеренной форме я не в силах, хотя вполне понимаю, что взгляд мой может показаться недостаточно объективным. Вы поверите, я надеюсь, что мне прискорбно не только нарушить данное обещание, но и не воспользоваться случаем принести посильную дань моей безграничной благодарности и благоговения к великому писателю. Еще раз извиняюсь перед Вами и прошу передать мои извинения читателям.

Искренне преданный

Ваш Д. Мережковский

15/28 сентября 1906 г. Париж.

РГБ, ф. 93/II Дост., карт. 6, ед. хр. 74, лл. 23—28 об.

1. Речь идет о философе, публицисте и литераторе Сергее Николаевиче Булгакове (1871—1944), статья которого «Очерк о Ф. М. Достоевском. Через четверть века (1881—1906)» была опубликована в кн.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Изд. 6. СПб., 1906. Т. 1. С. III—XL. 2. Речь идет о статье «Пророк русской революции» (К юбилею Достоевского).

М. Л. Гофману
(октябрь 1907 г.)

Глубокоуважаемый Модест Людвигович, простите за долгое молчание. Но Ваша просьба поставила меня в большое затруднение. Я не верю в прижизненные биографии. Что же касается до автобиографии, — то лучшая из них — сами произведения писателя. Как лица своего, так и жизни своей никто не знает. Говорить о внешнем — скучно, — а внутреннего передать невозможно: тут всегда наталкиваешься на две тайны, которые нельзя раскрыть — пол и религия. Но неодолимый стыд мешает человеку говорить от первого лица о своем поле и о своей религии, — да и зачем говорить, когда вся его жизнь только раскрытие этих двух тайн. Как я любил и как я верил, не могу сказать, а в этом вся жизнь моя. Ваша просьба автобиографии есть просьба или показать мои старые одежды, из которых я вырос и которые суть никому не любопытный хлам, или раздеться и выйти нагишом на улицу. Ни того, ни другого я сделать не могу и не хочу. А потому великодушно простите меня и не считайте мое молчание за невниманье к Вашей просьбе.

С искренним почтением
Д. Мережковский

Автограф — РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 46, лл. 1—1 об. Датируется октябрём 1907 года по письму Мережковского к В. Я. Брюсову, где говорится: «Перешлите, пожалуйста, прилагаемое письмо Гофману, коего адреса я не знаю» (РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 44, л. 22). Гофман собирал в это время писательские биографии для сборника «Книга о русских поэтах последнего десятилетия». Об этом имеется ряд упоминаний в его письмах к Брюсову от 28 июня и 11 июля 1907 года и др. Об отказе Мережковского прислать свою биографию Гофман писал Брюсову 29 октября 1907 года (РГБ, ф. 386, карт. 83, ед. хр. 44, л. 19).

А. С. Суворину
Париж. 27 декабря 1907 г.

Дорогой Алексей Сергеевич, часто вспоминаю Вас и несмотря на все невероятные различия наших умов, наших душ, наших биографий, наших страстей, наших политических, филос(офских), религиозн(ых) и проч., и проч. убеждений, чувствую к Вам личную неодолимую симпатию: т(о) е(сть) как вспоминаю Ваше лицо, Вашу манеру говорить, Ваш голос — так мне и приятно думать, что я еще когда-нибудь приду к Вам в кабинет в 11 ч(асов) ночи и буду опять, как бывало, говорить, болтать, бредить — все равно. Мне

кажется, происходит это от того, что мы оба — русские люди, не «истинно русские», а просто русские, хотя Розанов (ему передайте кстати мой сердечный привет) считает меня полячишкой. Но это неверно. Предок мой был малороссийский хорунжий в городе Глухове. Отсюда мой мистицизм — моя «гоголевщина»...

В Вашем милом и умном письме к З. Н. Вы упоминаете о «Смерти Павла I». Мне очень хотелось познакомиться Вас с этой пьесой и предложить Вам ее постановку в Вашем театре. Разумеется, постановка всей пьесы невозможна — придется сделать купюры — *например* выключить сцену убийства. Но, может быть, оказалось бы возможным поставить хотя бы отдельные сцены из Этакой Пьесы. Я заранее согласен на все нужные исключения, с тем только, чтоб ничего не прибавлялось.

Я надеюсь поставить пьесу по-французски здесь, в Париже, в Одеоне или у Коплена (Théâtre de la-Porte-de-St. Martin), а также в Берлине, где пьеса выйдет по-русски оригинальным изданием, дабы оградить мои авторские права Международной Конвенцией.

Если Вы считаете принципиально возможным постановку «Павла» на Вашем театре, то я пришлю Вам рукопись до выхода пьесы в свет — она появится в «Русской мысли», в Февр(альской) книжке, но, надо думать, в довольно искаженном виде, по цензурным условиям.

Итак, прошу Вас, ответьте на это письмо, хотя бы двумя словами, и если ответ будет утвердительный, то я пришлю Вам пьесу. Кстати «Смерть Павла I» первая часть трилогии, вторая часть «Александр I», третья «Николай» (Декабристы). Но первая часть имеет совершенно самостоятельное значение.

От души желаю Вам всего хорошего, а главное здоровья.

Неизменно

Ваш Д. Мережковский

Приписка на полях:

P. S. Здесь вышла наша книга «Le Tsar et la Revolution», в Россию ее не пустят, но с оказией пришлю ее Вам.

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2630, лл. 37—37 об.

А. С. Суворину

Конец декабря 1907 — январь 1908 г.

(...) Вы очень верно пишете, что я говорю слишком громко. Это, конечно, оттого, что я слаб. Но ведь по слабости срывающимся голосом можно говорить правду или хоть какую ни есть правдишку. А правдишка моя в том, что в христианстве есть вечные ценности (между прочим и подлинное освобождение России), но эти вечные ценности за семью замками внешней официальной церкви.

Сегодня я читал Старого Друга, т(о) е(сть), конечно, В. В. Розанова. Это вздор, что я себя объявляю пророком. И сам Розанов знает, что это вздор. Но все же я остаюсь для него старым другом без кавычек. Но он-то стал моим «недругом» или «не другом», разумеется все из-за той же самой христианской правды или «правдишки» (...)

ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2630, лл. 39—40.

В. Я. Брюсову

(4 июня 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич, спасибо за письмо. Отзыв Ваш о Павле меня очень обрадовал. Мне самому казалось, что вещь довольно неудачная, хотя я писал ее с любовью. Мне, как это ни странно сказать, личность Павла довольно нравилась.

Отзыв Ваш как истинного и безупречного художника, имеет для меня очень большое значение. Но я все-таки чувствую, что не сделал того, что хотел: я хотел показать бесконечный религиозный соблазн самодержавия (этого русские революционеры, кроме самых редких, совсем не чувствуют). Но не удалось, по крайней мере так, как хотелось.

Конфискация книги — для меня большая беда. Я сейчас теряю 2500 р., а, вероятно, гораздо больше, потому что книга разошлась бы в нескольких изданиях. Не знаю, будет ли процесс и осудят ли меня. Тут, собственно, величайшая несправедливость: в книге нет никакой узко-политической «тенденции» — она объективна. Если бы Вы в Вашей статье защитили меня с этой точки зрения — т. е. что конфискация несправедлива даже с точки зрения правительственной, — Вы бы мне этим оказали огромную услугу. На процессе я бы непременно сослался на Ваш отзыв и это могло бы подействовать на судей. Тем более, что все «нечцензурное» взято из легально напечатанных в России документов (изд. Суворина «Царевубийство 1 марта 1801 г.»). Оправдание на суде «Павла I» было бы важным прецедентом, который теперешний дикий произвол цензуры хоть капельку смягчил бы. Разрешение книги важно было бы также для следующих частей трилогии «Александра I» и «Декабристов». Итак, сделайте, что можете, не только для меня, но и вообще для русской литературы: разумно и спокойно сказанное слово может спасти книгу (...)

Не сетуйте на меня за то, что не написал о Вас. Напишу непременно. Эта статья зреет во мне: ведь Вы — один из моих «Вечных спутников». Вообще такие статьи во мне долго зреют (...)

Автограф — РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 44, лл. 28—31.

В. В. Розанову

25 июля 1908 г.

Варш. ж. д., Суйда, дача Бергера

Дорогой Василий Васильевич, сердечно благодарю за Ваше милое и умное письмо о моей статье «Немой пророк». Не ответил на него сейчас, потому что безмерно занят был статьями (юбилейными) о Толстом. Читали Вы мою статью в «Речи» — «Толстой и Церковь». А в «Нов(ом) Вр(емени)» я тотчас узнал, что статья Вами написана («Непостижимое вмешательство»). Она произвела очень хорошее впечатление. Хотя какое чудовищное недоразумение утверждать, что Толстой совместим с православием. Вообще тут попы сели в лужу и из нее не вылезут. Воображаю В. М. Скворцова¹ — после моей и Вашей статьи. Ну на мою-то им еще наплевать — в жидовской «Речи», — а от «Нов(ого) Вр(емени)» почешутся.

Что Вы поделываете, голубчик. Слышал, новую книгу издаете?

Где А. С. Суворин? Скоро ли возвращается? Когда увидите его, передайте ему наш сердечный привет и желание с ним увидеться.

А Меньшиков² — подлец беспредельный. Какая скотина, нет, какая скотина! И еще о нигилистах смеет говорить. Да он сам — первейший нигилист. И хуже всего то, что он имеет огромное влияние. Лицо современной *правящей* России — лицо Меньшикова (...)

РГБ, ф. 249, карт. М. 3872, ед. хр. 1, лл. 36—36 об.

1. Скворцов Василий Михайлович, русский журналист, редактор газеты «Колокол». 2. Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), русский публицист.

В. Я. Брюсову
(28 декабря 1908 г.)

(...) Спасибо сердечное за Ваш отзыв о «Тихом омуте». Но я чувствую себя недостойным. Статейки эти в газетах я пишу для заработка. И главное для меня — «Александр I» и «Декабристы», а также некоторые другие драмы из мистической жизни начала XIX в., которые мне хотелось бы написать.

А иногда хочется *ничего не писать*. Совсем умолкнуть. Не довольно ли сказано? Не надо ли, чтобы сперва что-то произошло, а уж потом опять заговорить? Или м(ожет) б(ыть) уже *другие* заговаривают? А чтобы произошло, не надо ли сперва надолго замолчать?

С тем, что Вы пишете о себе («Быть может, все в жизни лишь средство») я совершенно согласен. Я ведь даже не коснулся существа Вашего в моих поверхностных словах. И я отлично понимаю, что

оно неизмеримо глубже. Я знаю, что *человек* Брюсов неизмеримо глубже, чем *поэт* Брюсов. Потому поэт так и глубок! Я только утверждаю, что Эллис и К° не видят всей Вашей глубины, даже поэтической. Очень хотелось бы мне о Вас написать ту старую, в уме моем уже готовую статью — «Ковач стали». Но для этого нужна тишина, сосредоточенность. А тишины-то и нет {...}

Автограф — РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 44, лл. 33—36 об.

Гергарту Гауптману
(Открытое письмо)

Великий писатель немецкого народа, Гергарт Гауптман!

Прочитав Ваш ответ на призыв Максима Горького¹, я почувствовал необходимость вам написать.

Вы говорите, что призыв миллионов русских людей, гибнущих от голода, услышит Германия, услышат все народы, «не только ушами, но и сердцем». К сердцу вашему обращаюсь, г. Гауптман: как могли вы поверить в искренность Горького?

Сейчас отделяет Россию от всего человечества такая же бездна, как тот мир от этого. Все, что сейчас происходит в России, так неимоверно, что этого никто из вас, иностранцев, не побывавших на «том свете», не только понять, но и вообразить себе не может. Вот чем я объясню, что такой великий сердцевед, как вы, не понял, что Горький — не друг, а враг, тайный, хитрый, лицемерный, но злейший враг русского народа.

Неужели забыли вы слова его из недавнего гимна «величайшему, планетарному герою человечества» Ленину? «Был момент, когда естественная жалость к народу России заставила меня считать большевизм просто преступлением. Но теперь, когда я вижу, что этот народ умест гораздо лучше страдать, чем сознательно и честно работать,— я снова пою славу священному безумству храбрых»², т{о} е{сть} убийству русского народа.

Когда же он лгал, тогда или теперь? И можно ли верить человеку, который так лжет?

Но для того, чтобы вам объяснить все положение дел, я должен начать немного издалека.

Смысл того, что сейчас происходит в России, так необъятен, что уже никакие меры исторические, политические, социальные, нравственные не вмещаются. Чтобы вместить этот смысл нужна иная мера, большая, религиозная. Не потому ли мы гибнем так бессмысленно, что глубочайший религиозный смысл происходящего, религиозная точка опоры, небесная твердь нами потеряна? И пока мы ее не найдем,— не спасемся.

Но раньше, чем думать о религиозном смысле происходящего, надо подумать о простом смысле жизненном.

И прежде всего надо сказать правду: гибель этих миллионов не больше пугает нас, чем все остальное, что было и есть в России. Вообще, нас, русских, уже ничем испугать нельзя. Чаша до края полна: сколько ни лей в нее, только через край переливается. Да, нас уже нельзя испугать ничем: самое страшное для нас уже позади. В первый же день «Октябрьского переворота» мы знали *все, что будет*, т(о) е(сть), конечно, не знали, а чувствовали смутно, как тяжесть бреда; но, как ни смутно было это чувство, ни один золотник навалившейся тяжести не пропадал для нас: душа мерила ее с такою же точностью, как стрелка весов мерит тяжесть того, что на весы положено.

То, что русские убийцы начали, другие кончили. Петлю на шею России закинул Ленин, а другие народы затянули.

«Каин, где Авель, брат твой?» — «Не знаю; разве я сторож брату моему?»³ Если так отвечают они на вопрос о России доньше, то, кажется, скоро ответят уже не так.

Не тот или другой народ, а все народы, все человечество в русской трагедии оказалось бессовестным, — вот что самое страшное.

И еще надо правду сказать: не свергнув советской власти, ничем нельзя помочь миллионам гибнущих людей, так же, как подавленному петлей ничем нельзя помочь, не вынув шеи из петли. Можно только соблести приличия.

Когда Распятый на кресте сказал: «жажду», то воины, напивавши уксусом губку и положивши на трость, поднесли к губам Его⁴.

Приличия соблюдают, поднесут губку с уксусом. Приедет Горький и прольет еще несколько бесстыжих слез, выскажет еще несколько «планетарных» пошлостей и все слезы, все эти пошлости будут «всемирно обзранены». Все будет сделано, чтобы скрыть правду.

Но поздно: правды не скроют. А правда та, что не только эти миллионы русских людей гибнут от голода, но весь русский народ с ними. Да, весь. Совершается злодейство от начала мира небывалое: великий народ убивает кучка злодеев и все остальные народы умывают руки или помогают убийцам.

Теперь именно делается выбор между русским народом и его убийцами. «Кого из двух хотите, чтоб я отпустил вам». Они сказали: «Варавву, а Иисуса распни: Кровь Его на нас и на детях наших»⁵. Как сказали, так и будет.

Можно с ума сойти от ужаса, ведь мы все и сходим с ума. Но пока еще не сошли, пока последний луч сознания брезжит, надо сознавать с ясностью то, что мы иногда забываем: нельзя спасти жертвы, не вырвав ножа из рук убийцы. А голод и есть нож в руках большевиков. Голод нужен им, как нож убийце. Голодом только и держится. Убивают, растлевают и властвуют голодом.

Прикармливать своих, а всех остальных держать на границе голодной смерти. Голодом вести их, как ведут быка железным кольцом, продетым сквозь ноздри, — вот и вся тайна их власти, какая нехитрая! И вот почему от голода, как от орудия власти, никогда они не откажутся.

И еще надо помнить: окаанный, окаанный до конца. Чтобы верить в их исправление, «эволюцию», нужно в самом деле сойти с ума, как сошла с ума и Европа.

Но как же не видите вы, г. Гауптман, из-за бесстыжих слез, из-за «планетарных» пошлостей Горького спокойной и хитрой усмешки Ленина. Миллионов погибших не пожалел — не пожалеет и этих гибнущих. Весь вопрос в том, нужна ли ему эта гибель. Кажется, нужна сейчас только угроза, ужас гибели как орудия шантажа всемирного: «А ну-ка посмейте не дать хлеба голодным». Закинул удочку, и ждет, не клюнет ли рыба. Знает, что если и дадут, то очень мало, как раз столько, чтоб снова подкормить своих. а над остальными властвовать голодом, как вести быка на железном кольце. И насчет гарантий не беспокоится, обещает, что угодно: не страшны ему никакие гарантии, ведь все равно их исполнить нельзя.

А если эта игра не удастся, то есть и другая в запас, — Россию голодную на сытую Европу кинут: «победи или подыхай!» Но это — уже игра последняя.

Будем же помнить, что последняя. Недаром царство зверя сделалось мрачно. «Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно»⁶.

Для России пятая чаша — последняя, но не для мира. Всего семь чаш гнева Божьего — новая война всемирная, а седьмая — конец, чаша тех дней, когда «начнут говорить горам: „подите на нас!“ и холмам: „покройте нас!“»⁷

Неужели же, неужели не опомнится человечество и не скажет вместе с русским народом: «Научи меня, Господи, оправданиям твоим»⁸.

Простите, г. Гауптман, если слова мои слишком резки. Я осмеливаюсь высказать вам все это, потому что верю в великое сердце великого художника.

Д. Мережковский

Висбаден, 1 августа 1921 г.

Общее дело. 1921. 13 августа. № 392. С. 2.

1. 18 июля 1921 года Г. Гауптман опубликовал в газете «Vossische Zeitung» полученное им от Горького воззвание «Честные люди», в котором тот просил помочь снабжению России хлебом и медикаментами. Г. Гауптман прислал Горькому ответ, в котором, в частности, говорилось: «Весь цивилизованный мир услышал Ваш призыв

о помощи {...} Может быть пламенный луч Вашего призыва поможет снова извлечь из бедной, напоенной кровью земли то, что Вы называете „творческой силой и гуманностью народов“» (Правда. 1921. 5 августа. № 171). 2. Цитируется статья Горького «Владимир Ильич Ленин»//Коммунистический интернационал. 1920. № 12. С. 1936. 3. Цитируется Бытие (IV; 9). 4. Пересказ фрагмента из Откровения Иоанна (XIX; 28—29). 5. Цитируется Евангелие от Матфея (XXVII; 17, 25). 6. Цитируется Откровение Иоанна Богослова (XVI; 10). 7. Цитируется Евангелие от Луки (XXIII; 30). 8. Цитируется Книга Иова (XXIII; 4).

ВОЙТИ В НАСЛЕДСТВО

Л. К. ГРАУДИНА,
доктор филологических наук

Мы сейчас как будто заново получили колоссальное наследство, от которого прежде добровольно отказывались исключительно по идеологическим причинам. И вот возрождается духовное богатство, связанное с православием. Воспроизведено седьмое издание церковнославянского словаря для чтения богослужебной литературы протоиерея А. Свирелина (М., 1916). Печатаются книги, которые рассказывают о таких удивительных для нас вещах, как генеалогия дома Романовых, венчание на царство русских царей и т. д.

Мы возвращаемся и к истокам российской словесности. В одной из передач ленинградской программы «5-е колесо» еще в 1990 году историк М. Гэфтер высказал важную мысль: «Все эпохи стоят в затылок друг другу. У нас не будет и не должно быть одного и того же завтра. Будут разные, потому что были разные вчера. История — это диалог живых с мертвыми. Когда живые не могут без них жить. Мы должны их понять, мы должны их разговорить. Мы должны войти в наследство». И если рассматривать просвещение и российскую словесность как передаваемый из века в век опыт мудрости, то в наши дни он особенно полезен. Обратимся поэтому к насущным задачам филологического образования.

Наша средняя школа переживает сейчас процесс коренной переориентации в преподавании: отчетливо осознается необходимость гуманитарного направления и, следовательно, возрастает роль литературы, русского языка как основных предметов в общем школьном преподавании. Тенденция к гуманизации знаний закономерна: «В

XX веке культура смещается в эпицентр человеческого бытия. Это происходит во всех сферах нашей жизни» (В. Библер. Культура // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 241). Эстетические и гуманно-человеческие начала оказываются ведущими и в методике преподавания. Гуманистическое направление в обучении с неизбежностью ведет нас к пересмотру утраченных традиций в преподавании словесности.

В широких кругах преподавателей русского языка и ученых-словесников возрос интерес к риторике, и этот интерес отнюдь не случаен (См. современные работы В. П. Вомперского, Ю. В. Рождественского и его школы). Эта филологическая дисциплина имеет немалые возможности и перспективы включения ее в учебный процесс как в вузах, так и в школах по одной, и очень основательной причине. Риторика как интегральная область, охватывающая проблематику эффективности речи, как дисциплина, которая описывает процесс, идущий от коммуникативного замысла к поискам аргументации, к собственно сообщению и далее к слиянию формы и содержания, «проявляет удивительную способность заполнить брешн, которые создала все углубляющаяся специализация наук» (Иржи Краус. Риторика в массовой коммуникации. Прага, 1981. С. 209).

Традиционная риторика дает нам образцы словесной «формы обобщения действительности» (по словам акад. С. С. Аверинцева) и содержит, согласно пяти ведущим канонам искусства речи, пять важнейших составных частей: сочинение (изобретение) речи, организация и расположение речевого материала; его стилистическое оформление и выражение; наконец, запоминание и произнесение речи. При этом следует принять во внимание, что широкое определение риторики включает и письменную форму материала. Риторика учит, как осуществлять речевое общение в той или иной ситуации, как правильно, логично и выразительно излагать и развивать мысли, употреблять слова, как выступать перед аудиторией.

При этом важно подчеркнуть, что на нынешнем этапе развития науки нельзя ставить знак равенства между культурой речи (как традиционно понимаемой дисциплиной обучения) и риторикой. Термин «культура речи» стал широко употребляться в конце 20-х гг., после того как в 1925 году был создан Научно-исследовательский институт речевой культуры. С тех пор обучение культуре речи понималось исключительно в одном смысле, в 20-е годы очень важным и актуальным: научить грамотно, правильно писать, читать и говорить (см. работы В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, С. И. Ожегова и др. в хрестоматии «Основы культуры речи». М., 1984).

С риторикой же дело обстоит иначе. В системе координат сложившихся к нашему времени представлений о ней размещена шкала ценностей, которая охватывает четыре пласта языковых структур, рассматриваемых с точки зрения их соответствия разным ситуациям

общения: 1) пласт ортологических структур, соответствующих критерию правильности (в рамках оппозиции «правильно—неправильно»); 2) пласт структур, относящихся к нормам речевого этикета (в рамках оппозиции «принято—непринято»); 3) пласт нормативно-этических структур (в рамках оппозиции «прилично—неприлично, пристойно—непристойно»); 4) пласт экспрессивных структур, относящихся к орнаментальному разделу риторики (в рамках оппозиции «выразительно—невыразительно»). Эти структуры соотносятся с законами эстетического восприятия речи. И только в одном случае пересекаются культура речи (как традиционная дисциплина) и риторика — в случае интерпретации проблем правильности и трудности русского языка.

В классической школе обучение риторике включало три необходимых компонента:

1) Изучение теории (изложение риторических правил, характеристика специфики речевого общения, выявление типов аудитории и связанные с этим теоретические аспекты соответствующего речевого поведения).

2) Изучение ораторских образцов прошлого и настоящего, дающих возможность наглядно понять, как формируется образ говорящего, с одной стороны, а с другой — уяснить конкретные приемы и средства речевого воздействия.

3) Упражнение в самостоятельных публично-речевых выступлениях, в составлении и произнесении речей.

Для преподавателя особенно важны подготовка в области теории и знание лучших отечественных образцов риторики. Многовековая традиция изучения риторики, теории красноречия, обучения ее наиболее существенным правилам оказалась у нас, к сожалению, прерванной. Из этого заброшенного и забытого наследия следует возродить те достижения, которые смогут обогатить и разнообразить преподавание словесности.

Наиболее актуальные социально-духовные проблемы в обществе сейчас, как кажется, связаны с темой *э т и к а и я з ы к* — темой, со времен Аристотеля углубленно разрабатывавшейся риторикой. Риторика, как считал Аристотель, это не только наука об убеждении словом, но и наука о нравах. Обычно эти мысли из риторики Аристотеля не цитируются. Однако весьма полезно вспомнить их: «Можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом, — ведь мы верим оратору, потому что он кажется нам человеком известного склада, {...} ввиду всего этого нам следовало бы обладать знанием нравов {...} Нравственные качества обнаруживаются в связи с намерениями, а намерение имеет отношение к цели» (Античные риторики. М., 1978. С. 42). Термин *риторическая этика* включает как

раз программу тех нравственных норм, которой должен придерживаться говорящий.

Потеря культурных ориентиров в этой области особенно сильно ощущается в настоящее время, и этический компонент должен занять подобающее ему место не только в церковных проповедях, но и на уроках словесности при обучении культуре речи. При изучении того, как отражаются моральные и этические категории в языке, становится ясно, что следует различать аспекты, связанные 1) с этикой общественных взаимоотношений в широком смысле слова; 2) с профессиональной этикой; 3) с этикой и моралью личного поведения.

Приверженцы этики всегда приводят мечтания Руссо о таком этическом кодексе, который содержал бы «в положительной форме те максимы, которые всякий должен признавать, и в отрицательной форме нетерпимые максимы, которые следует отвергать».

Конечно, невозможно полностью исчерпать богатство социально-речевой практики и предусмотреть разнообразие речевых ситуаций, при которых бы удалось согласовать все языковые и нравственные нормы. Однако существуют общие принципы, отступления от которых нежелательны. Так, нарушения этики в речах сторон или деловых партнеров должны стать объектом анализа прагматической (термин О. Б. Сиротининой) культуры речевого общения. При таком подходе с неизбежностью возникнут вопросы, жгучие для нашей действительности, например, о лицемерии в речи, о существующих разновидностях утонченной клеветы и словесных оскорблений, о пределах допустимости бранных, жаргонных и других слов и оборотов, нарушающих этику общественных взаимоотношений. В наши дни, когда в газетах, в передачах радио и телевидения противоборствуют партии, программы, политические деятели, нередко звучат и грубейшие оценки оппонентов типа *подлецы, негодяи, предатели, свиные рожи* и под.

Примеров тому можно привести множество. Вот один из них, наиболее типичный. В телепередаче «Зайцы» (о тратах военных на поездки) обмениваются «любезностями» офицер и член комиссии, которая знакомилась с документами о тратах:

Офицер.— Вы некорректно поступаете!

Член комиссии.— Это вы некорректно поступаете...

Офицер.— Вы предатель.

Член комиссии.— Это вы тратите миллионы из бюджета. Мне стыдно за ваших внуков (РТВ. 1991. 29 мая).

Как тут не вспомнить слова Монтеня в «Опытах»: «Брань во время споров должна запрещаться и караться, как другие словесные преступления».

Помимо основной коммуникативной цели в споре — заставить оппонента замолчать или подчинить его собственной воле, говорящий

преследует еще одну цель: важно поддержать общение в определенной стилистической тональности — вежливой, официальной, иронической и т. п. С этой точки зрения особенно значимы те языковые структуры, которые обусловлены канонами профессиональной этики. Имеются в виду речевые формы, которые обеспечивают нравственный характер взаимоотношений между людьми, вытекающий из их профессиональной деятельности. Так, специфические нормы речевого поведения лежат в основе врачебной, педагогической, судебной, деловой, дипломатической этики и т. д.

Иногда очень трудно определить те грани, за которыми сказанное может квалифицироваться как недопустимая грубость, клевета, оскорбление, унижение чести и достоинства человека. Работы филологов в этом направлении должны быть, как говорят, не отражающим зеркалом, а увеличивающим стеклом. Одна из преподавательниц писала в газете: «Думаю, из множества проблем, стоящих сегодня перед страной, перед всеми нами, необходимо выделить одну, первостепенной важности — поднять культуру в широком смысле слова с колен. Иначе захлебнемся в невежестве, лицемерии, безнравственности... Не выходят у меня из головы те девушки, лузгающие семечки и вставляющие в разговор нецензурные слова» (Н. Мочалина. Очистимся от грязи? // Правда. 1991. 9 мая). Этим же настроением вторит и режиссер С. Говорухин: «Молодежный сленг все больше напоминает уголовную феню» (Радио. 1991. 12 мая). Интеллигенция сетует не только на то, что жаргон и просторечие становятся почти литературной нормой, многих возмущает и другое — приверженность к американизмам и неумеренному употреблению заимствований, по поводу чего в «Русской речи» была соответствующая публикация (1992. №№ 3, 4).

Однако, если вспомним нашу историю, сами собой напрашиваются параллели. Время татарского засилья оставило в языке значительные пласты тюркизмов. Но и противовес восточному натиску был необычайно сильным. Академик Е. Ф. Карский писал: «Татарское иго в истории литературного языка оставило еще заметные следы и в том отношении, что в нем сказался сильный поворот к архаистическому письму и форме выражения. Этот поворот достиг своего высшего развития в XV веке. Видя в татарском нашествии кару Божию за грехи, лучшие представители русского народа целыми массами устремились в монастыри, пустыни (...) здесь среди аскетических упражнений они с большим усердием принялись за чтение старинных (...) духовных произведений и за подражание им» (Е. Ф. Карский. Главнейшие течения в русском литературном языке).

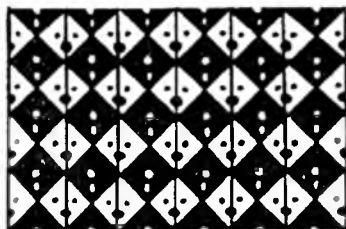
Не наблюдаем ли мы это же явление и сейчас? Церковнославянская лексика вновь зазвучала в храмах, в школах, с экранов телевизоров и в радиопередачах. Достаточно привести только на-

звания фильмов и телепередач за январь 1993 г., чтобы убедиться в возрождении элементов высокого стиля, свойственных духовному красноречию: «Чада светлой России», «Азъ есмь», «Спаси, Боже, люди твоя», «Рождество Христово». А вот несколько примеров возвышенных контекстов с церковнославянскими элементами: «Сегодня наш взор устремлен в горнее пространство» (ТВ, репортаж из программы ДВМ. 1991. 13 апр.); «Возлюбленные братья! Человек крещеный, который живет с благодатью и возгревает в себе благодать» (ТВ. Из речи священника в передаче «Непознанная вселенная». 1992. 20 апр.); «Перед отверстой могилой отца Александра» (Радио. 1992. 15 сент.); «И вот — зачало дня...» (Радио, программа «Начало». 1993. 22 янв.) и т. д.

Нельзя не заметить: идет перестройка стилистических норм. Усилились контрасты между высоким и разговорным стилями. В жанры, представляющие высокий стиль речи, хлынула внешне весьма архаичная лексика, идущая из христианской литературы. В жанры, характеризующие тесную связь с разговорной речью, стремительно вливается лексика просторечной и жаргонной стихии.

Принято считать, что в резком падении культуры речи в последние два десятилетия, о чем много говорят и много пишут, проявилось отсутствие программы воспитания культуры, в том числе в нравственно-психологическом аспекте. Конечно, в учебные заведения должны быть введены программы этики, риторики и культуры речи, в которых найдет отражение анализ тех активных процессов, которые происходят в современном русском языке.

Важно духовно опереться на исторически развернутую память и не забыть то лучшее, что было в прошлом представлено в отечественной традиции русской словесности.

ГОВОРЯТ С ТЕЛЕЭКРАНА

О. А. ЛАПТЕВА,
доктор филологических наук

Каждый вечер в наших домах включаются телевизоры — и на нас обрушивается водопад слов — речевая масса, речевое обилие, речевое изобилие ... Хочется продолжить: речевое богатство, но что-то останавливает, удерживает от такой оценки. Видимо, то, что слишком часто наш слух царапают всякого рода «неправильности», «ошибки» — и тогда все в нас возмущается: не этому нас учили с детства. Конечно, телевизионная речь очень разная, и порой она нас вполне устраивает — преимущественно тогда, когда говорят дикторы или артисты. Но вот звучит интервью, и мы чувствуем: что-то в нем негладко. А порой просто хочется заткнуть уши или выключить телевизор, чтобы не слышать косноязычия и безграмотности. И в обществе возникает отпор такой речи, растет ее неприятие. В редакции летят письма, появляются газетные заметки, публикуются пародии. Смысл этих протестов сводится к одному: мы хотим грамотной речи!

Я не буду здесь останавливаться на случаях в зубах навязшей безграмотности, когда говорят «хочем», «ложить», «начать», «принять» и т. п. С этим все ясно. Давайте решим задачку посложнее.

Прежде всего необходимо разобраться в том, что можно считать допустимым в речи, звучащей по телевидению и радио, а что — ошибкой. Ведь эта речь — устная, и у нее свои особенности. В устной речи порой допускается то, что немыслимо в речи письменной. А мы, как правило, об устной речи судим именно с позиций, присущих письменной речи.

Для начала вспомним, по крайней мере, три вещи. Во-первых, и у Пушкина, и у других классиков XIX в. сплошь и рядом встречается то, что мы сразу бы «исправили», потому что мы так не говорим и не пишем (достаточно открыть любую страницу «По-

вестей Белкина» и взглянуть в эту изумительно чистую и ясную речь). Наше желание диктуется тем, что сама литературная норма успела измениться за прошедшие полтора столетия, и мы это ясно ощущаем.

Эти изменения в языке обычно берут свое начало в устной речи, а ведь телевизионная речь — устная. Так что в ней уже чисто теоретически может оказаться такая «неправильность», которая отражает тенденцию к языковому изменению, а следовательно, и к изменению самой нормы, то есть нынешняя «неправильность» — возможно, будущая «правильность». В-третьих, мы же хорошо знаем, что наша собственная речь, хотя мы и стараемся сделать ее правильной, звучит по-разному в зависимости от многих обстоятельств — о чем она, кому направлена, длинный это монолог или краткая диалогическая реплика и т. д. — да и вообще говорим совсем не так, как пишем.

Нам следует не упускать из виду, что в наши дни «телеговорящими» оказывается огромная масса самых разных людей — с разным образованием, с разным жизненным и, следовательно, речевым опытом, из разных мест России (и не только России). Лишь немногие из них — талантливые ораторы, остальные же несут на экран собственные языковые привычки и особенности своего круга общения.

Еще в 1979 году Р. И. Аванесов, наш «главный диалектолог», отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты», говорил: «Я не знаю ни одного крупного писателя, у которого нельзя было бы найти ошибки. Так, например, Пушкин в своих письмах постоянно пишет „плотишь“, „заплочено“. Эти формы были свойственны московскому просторечию, но не литературному языку той эпохи. Лермонтов почти всегда неправильно склонял существительные на „мя“ („Мой Сашка меж друзей своих не знал другого имя“, „... в сго кудрях волнистых не выгянет до время седина“). Этот список можно продолжать сколь угодно долго. И тем более нельзя требовать, чтобы с экранов телевизоров всегда звучала только образцово правильная русская речь. По Центральному телевидению могут выступать люди разных национальностей, и мы не вправе требовать от них совершенного знания языка. Да и сами русские говорят неодинаково. Рязанцы и воронежцы, ярославцы и костромичи, жители многих других мест нередко сохраняют в своей речи некоторые диалектные особенности, от которых им трудно освободиться. {...} Когда выступает инженер или тракторист, сталевар или колхозник, важнее, что он говорит, чем как он говорит» (Лит. газета. 1979. 5 сент.).

Конечно, на речь влияет, есть ли перед выступающим по телевидению письменные заготовки, и если есть, то каковы они — отдельные ли заметки, тезисы или полный текст выступления. Важно и то, как такой текст используется. Если он зачитывается

или заучен наизусть, то ошибок, как правило, не делается, да ведь и речь-то это, скорее, письменная, хотя она и звучит в устной форме. Ну а если человек речь творит в момент говорения, непосредственно перед камерой, то отступления от письменной нормы неминуемы.

В этом месте нашего рассуждения мы уже вплотную подошли к вопросу о правильности, а точнее, нормативности, телевизионной речи, о том, что такое речевая ошибка в эфире. Ответить на него было бы намного легче, если бы исследователи русской разговорной речи, впервые заметив и описав ее особенности в 60—70-х гг., прямо бы сказали, нормативна эта речь или нст. То, что она некодифицированная, т. е. не узаконенная нормативными справочниками, было ясно с самого чачала, но, может быть, она некодифицированна только пока, а потом войдет в справочники? Так или иначе, посвятив разговорной речи не одно десятилетие своего исследовательского труда, я склоняюсь к тому, чтобы признать существование особых разговорных норм наряду с привычными всем книжно-письменными нормами. Только последние легче извлечь, глядя в напечатанный текст, чем устно-разговорные, которые приходится фиксировать просто на лету — ведь сказанное исчезает, как только произнесено. Эти нормы отличаются от книжно-письменных и общелитературных, т. е. свойственных всему литературному языку в целом во всем многообразии его разновидностей.

Но, естественно, не каждое отличие — разговорная норма. Чтобы сю статью, оно должно сделаться фактом речи практически каждого говорящего и застыть в строго выработанной форме. Если же какое-то отклонение от общелитературной нормы не закреплено в общественном употреблении и в то же время ей противоречит, перед нами — речевая ошибка.

Вот теперь мы можем сказать, что в телевизионной речи обычно представлены следующие типы литературной нормы и отклонений от нее: 1. Книжно-письменная и общелитературная норма, которая кодифицирована в справочниках и словарях (сейчас она для нас неинтересна, т. к. не является предметом наших наблюдений и этого разговора). 2. Отклонение от нее, которое характерно для нашего времени и в котором намечается тенденция дальнейшего развития языка. 3. Отклонение от нее, соответствующее требованиям устно-разговорной или, шире, устно-литературной нормы и потому не являющееся речевой ошибкой. 4. Индивидуальное или массовое отклонение от нее, которое нарушает языковую форму — это речевая ошибка.

Эта классификация касается собственно литературной нормы, речь не идет о диалектных, просторечных и жаргонных явлениях, которые, естественно, не входят в литературную форму уже по своему характеру.

Значит, возражать мы можем только против случая под номером 4. А пункты 2 и 3 не должны с ним путать. Более того, если лишить речь таких отклонений, она будет равна письменному тексту (состоящему только из явлений, которые мы отметили под номером 1) и потому утратит все признаки живой речи. А последствия этого для устного общения пагубны — никто такую речь не будет слушать внимательно, не увлечется ею, не проникнется пафосом говорящего, а значит, цель ее останется недостигнутой. Собственно, именно от такой речи, процветавшей в тоталитарную эпоху, ушло, к счастью, наше телевидение. И ушла скука и мертвечина.

Нам остается показать на примерах, в чем состоят эти различия. Возьмем хотя бы явление беспредложного и предложного управления. Говорят и *удовлетворяют потребности*, и *удовлетворяют потребности*. Можно сказать *руководство страной* и — *страны*. При отрицании допустим и именительный падеж (а не только родительный, как предусмотрено правилами): *они не носили столь драматический характер* («Новости», выступление публициста). Подобные случаи отражают колебания литературной нормы, которая допускает варианты. При параллельном употреблении вариантов может возникнуть ситуация, когда один из них станет предпочтительнее, а другой уйдет в прошлое, и тогда литературная норма изменится, произойдет некий шаг в языковом развитии. Когда мы читаем у Пушкина в «Выстреле»: «Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком», мы всё понимаем и любимся волшебной прозой, однако сами сказали бы иначе: *и поэтому мы считали его стариком*. Что-то изменилось в нашем языковом сознании.

Совсем другое дело, когда отступление от нормы приводит к речевой ошибке. Вот обращение к телезрителям: «Гражданам, которым что-либо известно о местонахождении Т. А., мы просим позвонить по телефонам...» («Добрый вечер, Москва!; должно быть *граждан*); «Я указал на такого известного нами человека» («Пятое колесо»; должно быть *нам*); «Мы прекрасно понимаем, что мы сегодня делим того, чего нету» (заседание Верховного Совета; должно быть *то*); «Такого разностороннего органа, как конференция по разоружению, можно было бы использовать по назначению» (на экране дипломат; должно быть *такой разносторонний орган*). Во всех этих и подобных случаях нарушение нормы управления носит индивидуальный, единичный характер и ошибочно.

Но бывает и так, что какая-нибудь ошибка вспыхивает, как эпидемия, приобретает характер массового бедствия, оставаясь при этом ошибкой. Например, сейчас, особенно в разного рода интервью и на заседаниях Верховного Совета, все время слышится *о том, что*: «Если в свое время Владимир Ильич и оперировал о том, что...» («Резонанс», выступление. Должно быть *тем, что*); «И нам сегодня

очень больно смотреть о том, что ...» (интервью. Должно быть *на то, что*); «У нас есть масса примеров о том, что полипы проходят» (говорит А. М. Кашпировский на своем сеансе. Должно быть *того, что*); «Не могу согласиться о том, что ...» (на заседании Президиума Верховного Совета. Должно быть *с тем, что*); «Которые бы показали людям о том, что ...» (интервью. Должно быть *то, что*); «Во многих статьях вы приводите пример о том, что ...» (говорит ведущая телепрограммы. Должно быть *того, что*); «Я согласна с А. А. о том, что ...» (должно быть *в том, что* или просто *что*) и т. д.

Теперь о том, что не соответствует кодифицированной норме, но не ошибочно, потому что употреблено в соответствии с устно-литературной или устно-разговорной нормой (наш пункт 3). Здесь невозможно представить это сколько-нибудь полно и систематически. Поэтому для удобства поступим так: возьмем прошедшую 6 февраля этого года по первому каналу телевидения передачу из цикла «По святым местам» — «Последний император». В студии собрались известные литературоведы. Их речь глубоко аргументирована, насыщена интересными фактами. Участники передачи вполне могли бы обойтись употреблением только нормативно закрепленных языковых средств, которые им знакомы не понаслышке. Но они стремились к непринужденности. И получилось вот что: «И когда мы берем *выбираем* хорошего человека, который оказался на краю вулкана...» Перед нами очень характерная для устно-разговорной речи конструкция с двойными глаголами, где главный смысл сосредоточен во втором глаголе (поэтому это не однородные сказуемые).

«У меня стоят на полке ряд его книг». Здесь непривычное, но очень продуктивное сейчас согласование подлежащего и сказуемого по смыслу.

«— Что ты его ругаешь? — Ну как же *негодяя*? 300 лет *правили* не могли на 75 лет продуктов напасти». Сначала получилась устная недоговоренность: если употребить полную конструкцию, получится *ну как же негодяя не ругать?* В разговорной речи говорящий часто стремится все сказать побыстрее, держит темп речи и может кое-что, и так понятное по общему смыслу, пропустить. А дальше — типично разговорная конструкция бессоюзного подчинения, которая отличается от известной нам кодифицированной модели всяким отсутствием какой-либо паузы или интонационного хода между глаголами.

«Вот Федор Иванович Тютчев, который был не только великий поэт, но и великий мыслитель, *он* ...»; «И я думаю, что *вот* те блюстители-радетели, которые выдавали себя, *они*...» Это высказывания разных людей. А строение похоже: типично разговорная частица *вот* актуализирует предмет разговора, в данном случае субъект высказывания, а сам этот субъект расщепляется на две части — существительное и личное местоимение. Это характерная

разговорная модель с именительным темы. В первом высказывании употреблен именительный и в сказуемом. Во втором — снова пропуск: надо — *выдавали себя за кого-либо*.

А вот и частица *ну*, без которой редко обходится ответная реплика: — Считаете ли вы ответственным за произошедшее революционное движение? — *Ну*, освободительное движение — это есть разница.

Как видим, участники этой телебеседы очень искусно ухитрились прибегнуть к устно-разговорным особенностям, не нарушив при этом привычную всем кодифицированную письменную норму и соблюдая норму устную. Они достигли этим эффекта естественности и живости.

В этой заметке содержатся лишь отдельные наблюдения. Идея полной и последовательной регистрации, анализа отступлений от кодифицированной нормы в устной телевизионной речи очень заманчива, ведь ее осуществление позволило бы языковеду стать своего рода летописцем нашей эпохи в ее речевом существовании и в деталях показать и современникам, и потомкам подлинную живую речь наших дней как общественное явление. В теоретическом отношении это помогло бы уточнить структуру и границы устно-литературной речи, а тем самым и состав современного русского литературного языка.

К счастью для автора этой статьи, ему была предоставлена возможность опубликовать свою книгу, посвященную воплощению этого замысла, в Венгрии, где русисты живо интересуются всем, что связано со звучащей русской речью (см. О. А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана. Сегед, 1990).

Обвальный

Е. Н. ГЕККИНА

Среди множества новых слов, появившихся в последнее время в русском языке, наибольшим вниманием пользуются заимствования — именно на их долю приходится значительная часть новой информации, которую осваивает общество. Тем временем не менее интересно складывается судьба некоторых русских слов, получающих небывалое распространение в силу той же необходимости обозначать возникающие понятия. Известные слова начали приобретать новые значения.

Так, прилагательное *обвальный* со значением «к обвалу относящийся» было отмечено еще В. И. Далем в его «Толковом словаре живого великорусского языка». Позднее это относительное прилагательное подобным же образом было представлено 17-томным «Словарем современного русского литературного языка»: «относящийся к обвалу», т. е. к падающим при каком-либо разрушении большим массам камней, земли, снега.

В настоящее время это прилагательное употребляется, и довольно охотно, в таких сочетаниях, как «обвальная приватизация», «обвальный спад производства», «обвальный рост цен», «обвальное обнищание» и т. п. Например: «Обвальная приватизация никого из собравшихся не устраивала, ибо в этой ситуации, как отметил депутат, кто-то получит все, а кто-то ничего» (Моск. новости. 1992. 18 февр.); «После прекращения платежей в СССР перестали поступать многие сотни и тысячи материалов и деталей, без которых начался обвальный процесс спада производства» (АиФ. 1992. № 13); «Уже этим летом нас ждет обвальное падение тиражей газет и журналов» (Пресс-экспресс. 1993. 15 марта).

Эти примеры свидетельствуют об употреблении прилагательного *обвальный* в новом, качественном, значении. Оно возникло в результате переосмысления относительного значения, а также под воздействием нового переносного смысла производящего существительного «обвал». Например, речь может идти о положениях и процессах, определяемых как «обвал торговли» (Труд. 1992. 24 нояб.), «обвал рубля» (Мегаполис-Экспресс. 1992. 30 дек.), «обвал в производстве» (Экран дня. Карельское ТВ. 1993. 17 марта) и т. п. Существительное *обвал* в подобных примерах используется для обоз-

начения кризисных, критических состояний, возникающих в результате резких, негативных изменений.

Новое, качественное, значение прилагательного *обвальный* может быть представлено довольно пространным описанием, потому что обозначаемый этим прилагательным качественный признак обладает целым рядом характеристик. Как показывают примеры, прилагательное *обвальный* означает «быстрый, стремительный» по времени; «массовый, масштабный» по размерам; «интенсивный, активный, ярко выраженный» по динамике процесса; «многообразный, комплексный» по характеру его составляющих. Столь многомерное и цельное значение является бесспорным достоинством прилагательного, употребление которого может помочь избежать многословных описаний, особенно тогда, когда речь идет о неблагоприятных явлениях.

При употреблении этого прилагательного некоторые из обозначаемых признаков могут быть более выраженными, другие же — могут подразумеваться или не являться значимыми. Подобная выборочность, или вариативность, определяется не только намерениями говорящих, но и тем, какой именно процесс обозначается существительными. Интересно то, что такое варьирование наиболее заметно в тех случаях, когда речь идет о процессах, различающихся сложностью, неоднородностью своей природы или вызывающих отрицательную оценку говорящих. В этих случаях прилагательное *обвальный* может иметь дополнительную семантическую характеристику, такую, например, как «непредсказуемый по конечному результату» (обвальная приватизация, обвальная либерализация) или «стремящийся к предельному отрицательному показателю» (обвальная спад, сокращение, распад, рост безработицы, рост цен).

То обстоятельство, что прилагательное *обвальный* употребляется в таком «комплексном» значении, создает возможность использования его с более широким списком существительных, которые, в свою очередь, могут влиять на изменение нового значения этого прилагательного. Например, его стали употреблять для определения существительного *ситуация*: «Не нужно создавать обвальную ситуацию» (Маяк. 1993. 1 янв.). В таком употреблении прилагательное имеет значение «сложный, с трудом управляемый».

Возможно, дальнейшая судьба новых значений прилагательного *обвальный* определит некоторые уточнения и предпочтения в его употреблении, но несомненно одно: богатая семантика слова позволяет говорящим кратко и объемно выразить требуемый смысл.

Петрозаводск

Из актуальной лексики*

Л. П. КАТЛИНСКАЯ,
доктор филологических наук

Делегитимация (< лат. *legitimus* — законный). Утрата общепризнанными или узаконенными социальными институтами, или идеологией влияния и авторитета в обществе из-за девальвации провозглашаемых и записанных в законодательных актах принципов общественного устройства. *Одной из особенностей нашего строя было то, что процесс конституирования его элиты, ее превращение в некое подобие олигархии шел параллельно ее делегитимации* (Свободная мысль. 1993. № 1).

Диадокси (< греч. *diadochos* — преемник). Преемники властных структур, борющиеся между собой за власть. Первоначально о полководцах Александра Македонского, боровшихся после его смерти (323 в. до н. э.) за власть. *В комплексе антитроцкизма в марте и апреле 1923 г. играл грандиозную роль личный момент: и ненависть, и зависть, и нежелание диадочов из Политбюро уступить Троцкому что-либо из «наследства» Ленина* (Н. Валентинов. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991).

Диаспора (< греч. *diáspora* — рассеяние). Часть этнической общности, сосредоточенная вне страны исконного проживания этноса. *Армянская д. Азербайджанская д.*

Диссидентство (< лат. *dissidens, dissidentis* — несогласный, противоречащий). Движение в обществе, выражающее умонастроения протеста, неприятия политики и методов управления господствующего режима. *Диссидентство представляло собой критическое, негативное по отношению к господствующим идеологии и строю настроение, но оно не вырабатывало никакой философии...* (Д. Фурман. *Наша странная революция*//Свободная мысль. 1993. № 1).

Истеблишмент (англ. *establishment* — установление, учреждение). Правящие и привилегированные группы в обществе, формирующие общественное мнение в пользу властных структур. *Страх народа перед возвращением методов прошлых лет может заставить в целом все более апатичных людей прийти к урнам и проголосовать за кого-либо из представителей нынешнего истеб-*

* Продолжение. См. Русская речь. 1993. №№ 2, 3, 4.

лишмента (Д. Фурман. Наша странная революция//Свободная мысль. 1993. № 1).

Киви. Плоды растения из рода лиан. Получили название по внешнему сходству мохнатой кожиры с птицами киви-киви, тело которых покрыто волосовидными перьями.

Кикбоксинг. Вид единоборства, включающего элементы бокса (руки) и каратэ (удары ногами).

Коралларий. Музей с коллекцией кораллов. *В Сингапуре прекрасный коралларий* (из газет).

Кумулобус (< лат. simulatio — скопление). Автобус, похожий по внешнему виду на «Икарус»; двигательная система к. основана на использовании накопленной энергии. *Мотор к. приводится в движение за счет сжигающегося газа в резервуаре-накопителе энергии* (из газет).

Лицензиат. Получатель лицензии. *Предоставление л. права ознакомления с документацией.*

Магнитобус. Автобус на магнитной подушке. *М.— транспорт будущего* (из газет).

Мифологизированное сознание (филос.). Интеллектуальное состояние общества, при котором господствующим фактором общественных движений и настроений оказываются политические мифы, а не политико-экономические реальности. *Мифологизированное сознание тормозит развитие политической культуры общества* (из газет).

Нанотехнология (нанотехнолог) (< греч. nanpos — карлик). Технология обработки мельчайших физических дольных единиц. *А нанотехнологи собираются проводить отдельные операции с единичными атомами* (из газет).

Неокапитализм (то же посткапитализм, социал-капитализм). Не-научное определение общественно-государственного устройства в таких странах, как Австрия, Швеция. *На социально-экономическом уровне дело идет к полному демонтажу «казарменного» социализма и к замене его не «обновленным» социализмом («назад к Ленину!»), а одним из вариантов неокапитализма (посткапитализма, социал-капитализма и т. п.— фантазия богата) на австрийский или шведский манер* (А. Бовин. От перестройки к революции//Известия. 1991. 9 сент.).

Нувориши рынка (< фр. nouveauriche — новый богач) (неодобр.). О так называемом третьем сословии, капиталы которого имеют сомнительное происхождение. *Кто они — нувориши рынка, лидеры зарождающегося бизнеса?* (из газет).

Облигация. Долговое обязательство в виде ценной бумаги, приносящей держателю установленный заранее доход. О. могут быть именные и на предъявителя, с фиксированной и плавающей процентной ставкой; свободно обращаются на рынке (как правило).

Оборонщик (разг.). Работник предприятия в системе военно-промышленного комплекса (ВПК).

Общее экономическое пространство. Продиктованные производственной и жизненной необходимостью связи в интегрированной экономике на территории бывшего СССР, разорванные вследствие распада единого государства. *Необходимо восстановление общего экономического пространства* (из газет).

Одорология (< лат. odor — запах). Наука о запахах.

Онтологизм (< греч. ontos — сущее). Укорененность принципов философского учения в основах бытия. *Только совершив последовательный отказ от онтологизма и признав «свободу» соучастницей божественного творения «бытия», Бердяев уже окончательно ставит в центр своей философии личность* (Поляков Л. В. // Н. Бердяев. Философия неравенства).

Открытый счет. Форма расчетно-кредитных отношений между продавцом и покупателем, при которой продавец отгружает товар покупателю и направляет в его адрес товарораспорядительные документы, зачисляя сумму задолженности в дебет счета, открытого им на имя покупателя; покупатель погашает задолженность регулярно в оговоренные сроки.

Официоз (разг.). Официальная власть с ее окружением и группами поддержки. *Параллельно проходил митинг «официоза»* (из газет).

Опцион (англ. option, нем. Option < лат. optio, optionis — выбор). Сделка, в которой одной из сторон предоставлено право выбора каких-л. условий.

Охлократия (< греч. ochlos — толпа, чернь; <kratos — власть). Власть «толпы». В древнегреческих учениях (Платон, Аристотель) — господство «толпы». *Опасность подмены демократии охлократией* (из газет).

Паблсити (англ. publicity). Пропагандистская кампания; известность, популярность; реклама.

Патристика (< греч. pater, patros — отец). Произведения так называемых «отцов церкви» 2—8 вв., в которых изложены основы христианского богословия и философии. *Он (Гегель) влиял на русскую философскую, религиозную и социальную мысль. Он имел такое же значение, какое имел Платон для патристики и Аристотель для схоластики* (Н. Бердяев. Русская идея).

Патернализм (< лат. paternus — отцовский). Политика государственно-экономического покровительства и предводительства со стороны сильного государства по отношению к более слабому. *Экономике России исторически присущи элементы государственного патернализма* (из газет).

Партикуляризм (< лат. particularis — частичный, частный). Стремление к социальной или государственной обособленности, к

отдельности в границах общности. Ему [Достоевскому] не свойственны были партикуляризм и национализм, который всегда был чужд оригинальной русской мысли (Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма).

Переводной вексель (то же *тратта*). Приказ лицу, на которое выставлен вексель, выплатить предъявителю бумаги определенную сумму; переводной вексель может переходить из рук в руки с помощью передаточной надписи (акцепта).

Перепрофилирование. Перевод предприятия на производство и выпуск нетрадиционной для него продукции. *П. оборонного завода.*

Перестрахование (англ. *reinsurance*). Передача застрахованного риска и связанных с этим обязательств одним страховщиком (страховой компанией) другому. *П. имущественных ценностей.*

Переформатирование. Операция на компьютере, предусматривающая перемещение тех же слов во вновь заданных рамках//перен. О новых условиях, устанавливающих особые рамки поведения людей. *Остается открытым вопрос о том, как поведет себя гражданин в новых рамках: согласится с ними или же захочет переформатирования, которое учло бы и его силу (из газет).*

Персонализм (филос.). Идея социализма, основанного на примате личности над обществом (противоп. преобладающая социалистическая идея примата общества над личностью). *Персоналистический социализм исходит из примата личности над обществом. Это есть социальная проекция персонализма, в котором я все более и более укреплялся (Н. Бердяев. О рабстве и свободе человека).*

Пассионарность. (нем. *Passion* < лат. *passio* — страдание). Проявление энергетического толчка, в результате чего появляется этнос. *Пассионарность — это повышенная психоэнергетика, толкающая человека к совершению поступков, превышающих ту норму, которая надобна для простого поддержания жизни (Формирование русской нации и проблемы национального бытия//Знание — народу. 1989. № 8).*

Плюрализм (< лат. *pluralis* — множественный). 1. Философское понятие, отрицающее идею единства мира и признающее несколько или множество начал и видов бытия (термин введен Х. Вольфом в 1712 г.). 2. Характеристика политической системы, при которой социальные группы имеют организационные институциональные возможности для выражения своих интересов через своих представителей. 3. (Расширительно). Вообще о множественности мнений. *У нас господствует политический п., разрушающий стабильность общества (из газет).*

Платежное поручение. Платежный документ, содержащий поручение плательщика банку о перечислении (переводе) с его счета определенной суммы на счет получателя.

Платежные соглашения. Международные договоры, устанавли-

вающие систему и порядок осуществления расчетов по торговым и неторговым операциям.

Платежный кредит. Кредит на оплату расчетных документов при наличии у плательщиков временных финансовых трудностей, возникающих в связи с несовпадением сроков поступления средств и платежей, а также по другим причинам.

Поп-арт (англ. pop art сокр. от populas art). Общедоступное искусство, в основе которого — модернистское художественное течение, возникшее во второй половине 50-х годов XX века в США и Великобритании как намеренное отталкивание от обычных методов проявления разных жанров искусства.

Популизм (франц. populisme < лат. populus — народ). 1. Французская литературная школа конца 20-х годов XX в., декларировавшая реалистическое изображение быта городской и сельской бедноты. 2. Политическая деятельность властных лидеров, рассчитанная на привлечение симпатий масс путем декларативных заверений в том, что все устремления этих лидеров направлены на создание материальных благ для народа. *П. наиболее характерен для переходных моментов развития общества* (из газет).

Потребительская психология. Разновидность индивидуального сознания, при котором безраздельно главенствуют интересы личного потребления: труд утрачивает свой социальный престиж и этот престиж переносится в сферу приобретательства. *В обществе утверждается потребительская психология* (из газет).

Презентация (< лат. praesentatio — представление). 1. Представление, предъявление переводного векселя лицу, обязанному совершить платеж. 2. Торжественное мероприятие или церемония по случаю представления в аудитории заинтересованных лиц фирмы, ассоциации и т. п. или премьерного обнародования спектакля, выставки и т. п. действия в разных областях искусства. *П. кинофильма.*

ИЗ ШЕСТОДНЕВА ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ИЗ СЛОВА ПЯТОГО ДНЯ

«Да произведут воды ползающих душ живых» (Быт. 1,20). Творец приказал, и стало сразу же мягкое водное существо плодовитым и родило больших и малых животных, и все берега были полны ими, и они плавали в глубинах. Также и морские ложбины, впадины, большие и малые заливы были полны всяческих и различных рыб: одни, плавающие стадами, а другие поодиночке, а третьи, живущие под камнем, еще же и животные киты, так называемые «лежаси», которые сравнимы по величине с островами, и еще к тому же мелкие и маленькие рыбки. Одним повелением Божиим им родилось и великое, и малое {...}

«И сказал Бог: Да произведут воды ползающих душ живых по роду, и птиц, парящих по тверди небесной» (Быт. 1,20). После создания обоих небесных светильников и воды наполняются живыми существами, чтобы украсить себя ими. Земля получила украшение от своих ростков. Небо же получило звездные цветы и, как парой близнецов-глаз, стало украшено парой свегильников. Потребовалось и водам получить свое украшение. Пришло повеление — и тут же реки стали способны к действию, и озера плодовиты, каждое из них рождало по своему естеству. И море породило разнообразные роды плавающих. Ни тина, ни грязь не остались без дела и без участия: жабы и саранча, и комары рождаются от той тины. Видимое теперь, показывает, что так было и в прошлом. И так вся вода служила по повелению Творца, и жизнь всех видов, которых никто не может сосчитать, великая и неисповедимая Божья сила показала действующей и подвижной, так как вместе с повелением возникла в воде способность рождать живые существа.

«Да произведет вода ползающих душ живых» (Быт. 1,20). Впервые

было создано существо одушевленное, наделенное ощущением. Растения и деревья, хотя мы и считаем их живыми, поскольку они получают силу расти и питаться, не являются настоящими живыми существами и не имеют души. Поэтому Он сказал: «Да произведут воды ползающих душ живых». Это значит: все плавающее проходит сквозь воду, либо над водой, либо по дну; все, движущееся по толще водной, имеет природу ползающих. Одни, находясь в воде, прыгают и ходят на ногах, иные из них живут в обоих местах, как, например, тюлени и крокодилы, и бегемоты¹, и жабы, и ракообразные, и раки, но главное качество у них то, что они плавают. Поэтому сказано: «Да произведут воды ползающих». В этих коротких словах какой род оставлен без внимания, какой не охвачен повелением Творца? Не те ли, которые рождают детенышей (все это охвачено тобой), то есть тюлени и дельфины, и раки, и то, что похоже на них — так называемые селакхи², и те, которые, напротив, откладывают яйца³ — таковых же большинство, почти все рыбы: одни родом без чешуи, а другие с чешуей, а некоторые без перьев, а иные с перьями. Глас повеления краток, лучше сказать не глас, а мысль быстрее молнии. В этом повелении было заключено такое множество различных рыб, что если кто-то хочет их все в действительности перечислить, то значит тот может решиться пересчитать морские волны или измерить море черпаком, это ведь так же невозможно.

«Да изведут воды ползающих». Среди этих рыб одни плавают по поверхности, а другие — по краю, а иные в глубинах, а иные под камнями, одни передвигаются косяками, а другие поодиночке {...}

«Да изведут воды». Этими словами показывает родство естества плавающих с водой. Поэтому, как только рыбы ненадолго разлучаются с водой, тут же и погибают {...}

«Да произведут воды ползающих душ живых по роду» (Быт. 1, 20). Теперь Он велит водам произвести начатки каждого рода, как некие семена природные. Потом Он заботится о множестве следующего за тем потомства: когда ему подобает расти и размножаться. К одному роду принадлежат те, у кого кожа как костяная оболочка (то есть черепокожные)⁴ и как, например, раковины, гребешки и морские улитки, и стромби, и другое множество различных животных. Кроме того еще иной род, имеющий более мягкую оболочку, чем первый: мягкочерепные, так называемые раки и крабы⁵, и другие такие же. А другой кроме этого есть род, называемый мягкотелые⁶, поскольку плоть их мягкая и слабая: полипы, каракатицы и им подобные. И между ними различия бесчисленны: драконы⁷, мурены⁸, угри, которые обитают в илстых реках и озерах, имеют большее сходство с ядовитыми гадами, чем с рыбами, к которым они приближаются по своей природе.

Иной род есть, который откладывает яйца, а еще один род —

живородящих. Живых существ рожают выюны⁹ и мокрицы, и вообще все так называемые селаци. И большинство китов рождает живых детенышей, а также дельфины и тюлени, о детенышах которых рассказывают, что всякий раз, когда они чего-нибудь испугаются, снова прячутся в материнское чрево.

«Да произведут воды ползающих по роду». Один род — киты, другой же — мелкие рыбы. И среди рыб имеются бесчисленные различия, отмечаемые по родам, из которых каждая имеет свое название и пищу особую, и вид, и размер (величину), и качество плоти. Все созданное отличается большим разнообразием и существует в разных формах¹⁰. Какие рыбы могут нам перечислить эти различные роды? Кто же из тех, кто состарился на морских берегах, может в действительности рассказать нам об этом? Иных рыб знают те, которые ловят их, плавая в Индийском море, иных те, которые ходят по Египетскому заливу, одних рыб знают островитяне, других — мавритане. Но всех рыб и малых, и больших, одинаково произвело первое это повеление и неизреченная эта сила {...}

Пища же рыбам разделена по родам: одна такая, другая иная. Одни питаются илом, другие — тиной, иные мошками и другими насекомыми и водорослями, а третьи — травами иными, большая же часть рыб съедает друг друга, и та рыба, что меньше, служит пищей большей. А если когда-то случится и малой рыбе съесть меньшую, чем она сама, то бывает, что их обеих проглотит большая рыба, и обе войдут в чрево той. И не так ли поступаем и мы, люди, когда принуждением приносим в жертву более слабых. Чем отличаемся мы от последней рыбы, которая из-за своей жадности захватывает и пожирает более слабых, чем она сама. Тот отобрал у бедного имущество, а ты, ограбив еще и того, присоединил вместе с тем имуществом бедняка все к своему богатству. Ты оказался несправеднее несправедного и ненасытнее ненасытнейшего. Но смотри, чтобы тебя не постиг такой же конец, как и рыб — не удочка ли это, обманом берущая тебя на крючок, не сеть ли, которая опутывает тебя, не невод ли. И мы, часто несправедно поглощавшие многих, и сами не избежим последнего наказания¹¹ {...}

И не могу умолчать о рыбе, которую называют полипом, ее коварстве и хитрости, так как она лукава. Ибо она, к какому камню приблизится, такой же цвет тела являет: и к зеленому — зеленая, и к белому — белая. Поэтому многие плывущие рыбы, не подозревая, попадают в челюсти полипа, принимая его за камень, и делаются готовой добычей этого хитрого существа. Таковы нравом те, которые всегда около властителей и приноравливаются к их потребностям, не всегда оставаясь при одном и том же мнении, но быстро меняя его то так, то этак, с любящими целомудрие — любя целомудрие, а с невоздержанными — невоздержанность, и меняя свои мысли в угоду тем, кто их любит, так как притворяются любящими их. И

этой любовью прикрыта их хитрость. Такие нравы Господь называет «волки и грабители, являющиеся в овечьей одежде» (Матф. 7, 15). Беги от такого, который много раз меняет свои мысли, иди вослед истине, чистоте и простоте {...}

Слышал я от мужа, живущего у моря, что морской еж¹², малое и невзрачное животное, часто, бывает, учит моряков: когда будет буря, а когда — затишье. Когда он предчувствует, что будет волнение на море от ветра, то, взойдя на прочный камень, на нем, как на якоре, сильно качается, так что волны не могут легко его смыть. Когда корабельные гребцы видят этот знак, то понимают, что должна наступить сильная буря. Ни один астролог и халдей, смотрящий на восхождения звезд и предсказывающий по ним движение воздуха, не обучал этого сжа, но тот, кто господин моря и ветров, отметил малое животное это истинным знаком своей великой премудрости. Ничто же не существует без устроения Божьего, ничем не пренебрег Бог, все видит недремлющее око, на все смотрит, у всего стоит, давая каждому спасение {...}

«Мужья, любите своих жен» (Ефес. 5,25). Хотя вы и были рождены в разных семействах, но сочетались браком. Это естественный союз, ярем и упряжка с благословения Божьего, данные стоящим далеко друг от друга, чтобы они были едины. Ехидна, змея, самая лютая из пресмыкающихся, сходится с морской муреной, свистом извещаая о своем приходе, и зовет мурену из глубины на совокупление и соединение. Она же послушает и будет вместе с ядовитым тем гадом. Что подразумеваю я, говоря так? Даже если супруг имеет тяжелый и необузданный характер, то супруга должна терпеть это и ни под каким предлогом не допускать, чтобы союз был расторгнут. Вспылчив ли он, но все-таки он твой муж, пьяница ли, но соединен с тобой по естеству; приносящий ли горе, но он твой член и даже лучший член.

Слушай и ты, муж, приличное тебе поучение! Ехидна, змея, приходящая к мурене, извергает свой яд ради соединения, а ты не отвергнешь ли душевную жестокость и горечь из-за уважения к соединению и союзу?

Да укротятся страсти невоздержанных в пороке, наставляемые примерами на суше и на море! Здесь меня понуждает остановить речь телесная немощь и позднее время, а то я и еще прибавил бы для жаждущих спасения достойное чудо: о том, что растет в море (о морских растениях), о самом море, о том, как вода кристаллизует соль, и о том, как драгоценный камень, называемый кораллом, в море являющийся зеленой травой, когда быаст вынесен на воздух из воды, становится твердым камнем. Откуда в маленькое животное — устрицу — вложила природа драгоценный бисер? То, чего домогаются царские сокровищницы, рассыпано по берегам среди острых камней и лежит в раковинах устриц. Откуда морские ра-

ковины производят золотую нить, цвету которой никто из красящих красным и желтым не может подражать?¹³ Откуда улитки дают царям багряницы, которые красотой цвета превосходят цветок?

«Сотворил Бог великих китов». Они названы великими потому, что по величине тела сравнимы с великими горами. Часто они кажутся островами, когда всплывают у края и на поверхности воды. И эти киты такие большие, что ни у берега, ни на мелководье не водятся, но живут в Атлантическом океане. Таковы те животные, которые на страх и ужас нам созданы.

Если ты слышишь, что большие корабли с надутыми парусами, плывущие при благоприятном ветре, без труда останавливает малая рыбка схиния, так что большой корабль долгое время не может никуда двигаться, но, как прикованный, стоит на поверхности морской воды, то и в малом том создании не находишь ли ты указание на силу Творца? Ибо не только рыбы-мечи и рыбы-пилы, и морские собаки, и рыбы-молоты страшны, но и жало ската-хвостостокола¹⁴, даже если он мертвый, не менее страшно. И морской заяц¹⁵ не менее страшен, так как приносит скорую и неизбежную смерть. Таким образом, Творец постоянно призывает тебя к бдительности, чтобы ты, имея надежду на Бога, с его помощью избежал вреда, который бывает от этих животных.

«Да изведут, сказал, воды ползающих душ живых по роду и птиц парящих по земле и по тверди небесной по роду» (Быт. 1, 20). Почему дал бытие из вод и птицам? Не потому ли, что имеется родство у парящих с плавающими? Ибо как рыбы, плывущие сквозь воду, отталкиваясь плавниками, вперед движутся, хвостом управляя, так и у птиц можно видеть, что они плывут по воздуху подобным образом. И поскольку одно общее свойство обоих родов — плавать, то они имеют и единое родство, данное им происхождением от вод. Но нет ни одной птицы без ног, так как корм им находится на земле. По необходимости всем ноги приспособлены на службу. Те птицы, которые кормятся, хватая добычу, имеют острые когти, а прочим даны ноги, чтобы добывать пищу и на другую жизненную потребность. Немного есть среди птиц таких, которые слабы ногами и не могут ими ни ловить, ни ходить, как, например, ласточки и стрижи, которым кормом бывает то, что летает в воздухе. Ласточкам низкий полет над землей служит вместо ног. Имеются различные и многочисленные роды птиц. Если кто-то хочет сказать о них в общих чертах, как и о рыбах, то найдет общее название для птиц, имеющих неизмеримые различия и по величине, и по виду, и по цвету, и по образу жизни, и по действиям, и по нравам, и большое разнообразие, отличающее их между собой.

Имеются некоторые, пытавшиеся создать названия, чтобы, как по клейму, не установленное до сих пор и неизвестное название каждого рода стало известным. Одним они дали название разреза-

стоперые, как, например, орлы, а другой род называли кожеперые, каковы ночные летучие мыши (непопыри), иных называли мягкоперые, как, например, осы и пчелы, еще один род — жесткоперые (жесткокрылые) с крыльями, имеющими покров, как, например, жуки, которые имеют крылья в покровах и оболочках. Когда оболочка раскрывается, они без труда могут лететь кому куда нужно. Нам же достаточно следующее указание на родовое свойство: общее назначение и данное в Писании разделение на чистых и нечистых¹⁶.

Один род — плотоядные, и одно у них устройство, которое является подходящим для такого вида корма: когти острые и клюв загнутый, и крыло быстрое, чтобы удобно было ловить добычу, которая, будучи разорванной, служит пищей добывшему ее. Иное устройство у зерноядных, иное же у тех, кто кормится всем, что попадается. И у тех много различий. Одни из них живут стаями, кроме тех, кто живет ловом. Из них ни одна птица не живет в стае, а только со своим супругом. Множество других птиц живет сообща, как, например, голуби и журавли, и скворцы, и галки. В свою очередь, у тех одни существуют без вожakov и по своему обычаю, другие покоряются вожаку, как, например, журавли. Есть между ними и другие различия. Одни домашние (живущие на одном месте), другие же улетающие далеко в другое место, когда приближается зима. Многие птицы могут привыкнуть к человеку, если их кормить из рук, а другие не могут, будучи пугливыми и боязливыми. Другие птицы и с людьми живут в одних домах, иные же любят горы и пустыни. Большие отличия у них и по свойству голоса, свой ведь голос у каждой птицы. Одни птицы хорошо поют, а другие молчаливы. Одни шумливы и поют на разные голоса, другие же вообще немые. Одни обладают способностью к подражанию, имея ее от природы или от обучения. Другие же постоянны в своих привычках и не меняют характера своего пения. Петух весел, а павлин спесив и любит красивое; голуби и домашние куры похотливы и не имеют определенного времени для спаривания, куропатка лукава.

Как же мне рассказать в соответствии с истиной, каковы свойства птиц в жизни? Как журавли, например, имеют ночных сторожей, которые сменяют друг друга, и одна часть из них спит, а другие же, ходя вокруг них, их охраняют {...}

А устройство и забота аистов о состарившихся была бы достаточно нашим детям, если бы они хотели увидеть, как быть благосклонными к отцу и матери. Ибо нет никого столь неразумного, чтобы он не стыдился того, чтобы в добром деле быть хуже неразумных птиц. Аисты же, став вокруг отца, потерявшего от старости перья, своими крыльями покрыв его, согрывают и приносят ему пищу в изобилии и насколько могут, оказывают ему помощь, с обеих сторон поддер-

живая его крыльями, переносят его. И так это разнеслось повсюду, что и благоденствия прозвали «аистовой благодарностью»¹⁷.

Алкион¹⁸ — морская птица, гнездо себе делает на морском берегу, сносит яйца в самый песок. Носит яйца в середине зимы, когда ветры посредством многих бурь ударяют море о землю. Но однако перестают [дуть] в то время все ветры и стихают волны, когда алкион насиживает яйца семь дней, ибо в эти дни выводит он птенцов. Но поскольку им нужна и пища, другие семь дней на возвращение птенцов дал великий даритель Бог малому этому животу. Это знают и все моряки и называют эти дни «алкионическими» {...}

* * *

Как птица, если не имеет помощи от крыльев, то не может парить в воздухе, так и пост не может вознестись наверх без крыльев — без чистоты с молитвой и милосердием. Посмотри на Корнилия, приобретшего с помощью поста крылья. Потому он и услышал дошедший к нему глас с небес: «Корнилий, молитвы твои и милостыни твои вознеслись к Богу» (Деян. 10, 3—4). Представим себе, о друже, что пост — это живое существо, а чистота (святость) и молитва — это его крылья, без которых он не может взлететь вверх.

Молю вас всех: сохраняйте пост чистым (непорочным), не оскверняя его неправдой, очистив его от стяжания. Посмотри на пустословцев, которые воздерживаются от пищи, а от грехов не в силах удержать себя и не печалются о них. Вина говоришь, не пью и масла не ем оливкового, и мяса не ем. Воистину, очень хорошо, если ты деласшь это ради Бога. Но подумаем хорошенько: хлеб, вода, вино, мясо, масло — все это создание Божие а стяжание и несправедная нечистота, и неправая вера — это все сатанинское дело. И если ты воздержишься от Божьего дела ради Бога, то не подобает тебе лениться в воздержании от сатанинского дела, которое создано тебе на великую погибель. Такого ведь ожидает большое наказание. Но беги от такого, как от огня, творя милостыню.

Милостыня же на вид расточается, а на деле собирает. Как земледелец, сея, рассыпает семена по земле (и это можно видеть воочию), на самом деле собирает, давая земле в заем, а получая от нее вдвойне, так и милостыня: кажется, что дается другому, а на самом деле хранима для того, кто ее дал. «Расточил, — сказал Давид, — дал убогим, и правда его пребывает во веки вовек» (Пс. 111, 9). Так будем поститься, так будем поклоняться, так будем веровать, Отца славить, Сына хвалить, поклоняясь Святому Духу. Ему же слава во веки веков, аминь!¹⁹

Примечания

V Слово Шестоднева Иоанна Экзарха представляет собой комментарий на 1 главу библейской книги Бытие (стихи 20—23) и посвящено созданию водных животных и птиц. Преимущественное внимание уделено в нем представителям подводного царства, земноводным, рыбам, птицам и насекомым. Согласно представлениям Иоанна Экзарха, весь живой мир разделяется на 4 вида: 1) растения («растущие»), имеющие силу питать себя (см. текст III Слова//Русская речь. 1993. № 2); 2) живые существа, имеющие способность к ощущениям (рыбы, птицы, пресмыкающиеся), описание которых дано в V Слове; 3) земные, сухопутные животные, обладающие способностью ходить, передвигаться, имеющие душу; 4) люди, имеющие свободную волю, свободу выбора, обладающие умом и духовным зрением. Сведения о наземных животных и человеке приводятся в VI Слове Шестоднева.

Жизнь рыб, птиц и насекомых является в Шестодневе поводом для многочисленных назидательных рассуждений. В этом проявляется как христианская традиция нравоучительных рассказов из жизни животных, служащих примером для поведения человека (см., например, отрывки о любви и заботе аистов о своих родителях, о супружестве ехидны с муреной и связанном с ним поучении супругам), так и античная традиция аллегорических толкований жизни животных.

1. В тексте Шестоднева *рѣчнии кони* (буквальный перевод греч. *hippórotamos*: *hippos* — «лошадь», *rotamós* — «река»).

2. В тексте Шестоднева *селахи глаголемыя* — так называемые хрящекостные рыбы.

3. Имеются в виду рыбы, мечущие икру.

4. По определению Иоанна, к этому роду принадлежат те, у кого *кожа есть аки чрепиннаа кость*.

5. Интересно пересмысление этого фрагмента в русском списке Шестоднева XV века, с которого сделан настоящий перевод: вместо слов *раци и каркины* «раки и крабы» в нем читаем *раци и карасыны* (от слова *карась*?)

6. В тексте Шестоднева *малакіа зовомая*.

7. В тексте Шестоднева *змиеве*. По-видимому, имеются в виду морские дракончики, или рыбы-змейки — донные рыбы с удлинённым телом, живущие преимущественно в мелководных заливах и бухтах с песчаным или илистым дном (См.: Жизнь животных. Ланцетники. Круглоротые. Хрящевые рыбы. Костные рыбы. Под ред. проф. Т. С. Росса. 2-е изд. М., 1983. Т. 4. С. 44—45).

8. Мурены — крупные хищные рыбы змеевидной формы. Челюсть мурены имеет острые зубы, которые ранее считались ядовитыми, однако в результате современных исследований ядовитых желез у мурены не обнаружено.

9. В тексте Шестоднева *галяя* — «выюны». Выюны относятся к

отряду карпообразных рыб. Размножаются выюны, откладывая мелкую икру на растительность, камни, песок. (См. Жизнь животных. М., 1983. Т. 4. С. 276.)

10. В приведенном отрывке содержится классификация водных животных, которой придерживается Иоанн Экзарх и которая заимствована им у Василия Великого. Она заключается в разделении обитателей водной стихии на два основных рода — живородящие и яйцерождающие. Внутри этих родов намечены разделения на подвиды в зависимости от морфологии водных животных, а также от места их обитания.

11. Болгарская исследовательница Ц. Чолова отмечает, что пассаж о том, как малую рыбу поглощает большая, заимствованный Иоанном у Василия Великого, восходит к соответствующему фрагменту в Истории животных Аристотеля, однако у Василия Великого «морально-назидательная часть расширена» (См.: Чолова Ц. Естественна-научните знания в средновековна България. София, 1988. С. 266).

12. В тексте Шестоднева *морьскыи ехинъ*. Это животное имеет или почти шарообразную, или плоскую дисковидную и яйцевидную форму. Тело его заключено в панцирь и защищено длинными острыми иглами. (См.: Жизнь животных. М., 1983. Т. 4. С. 188.)

13. В тексте Шестоднева *откуда златую волну поне* (ошибочно вместо *пине*) *кормят*. Пинны — представители класса двустворчатых моллюсков, у которых хорошо развит биссусный аппарат. Их добывали ради биссуса, который имеет вид густого пучка тонких шелковистых нитей желтоватого, коричневого или синевато-пурпурного шелка. Ткани из биссуса ценились у арабов и назывались «ракушечным шелком» (См.: Жизнь животных. Моллюски. Иглокожие. Членистоногие. Под ред. доц. Р. К. Пастернак. 2-е изд. М., 1988. Т. 2. С. 91—92).

14. В тексте Шестоднева *горлица морьская*. Хвостоклообразные скаты имеют округлый, овальный или ромбовидный диск, ширина которого часто превышает длину. У многих представителей этой группы имеются хвостовые иглы (См.: Жизнь животных. М., 1983. Т. 4. С. 47).

15. В тексте Шестоднева *заяць морьскыи*, то же словосочетание в греческом оригинале. Трудно сказать, какая рыба имеется здесь в виду. Переводчик *Бесед на Шестоднев* Василия Великого (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902) перевел это выражение как пинагор. Пинагоровые рыбы имеют шаровидную форму тела, которое сильно раздуто спереди и сжато с боков в задней его части. На теле и голове рыб расположены костные образования в виде пластинок или шипиков.

Возможно, под морским зайцем подразумевается зайцеголовый иглобрюх, толстое тело которого покрыто мелкими шипами, реже костными пластинами. Большинство рыб этого подотряда имеет

отходящий от желудка воздушный мешок, способный наполняться воздухом или водой, при этом тело рыбы раздувается, как шар. (См.: Жизнь животных. М., 1983. Т. 4. С. 506.)

16. ...разделении на чистых и нечистых. Моисей разделял птиц, как и животных, на чистых и нечистых. Чистых (питающихся зернами и семенами) разрешалось есть, а нечистых (хищников) запрещалось употреблять в еду.

17. В тексте Шестоднева *яко же и благодарѣнія стерчинами* (буквально «аистинами») *прозваша*.

18. О значениях слова *алкион* — «зимородок», «мифическая морская птица, возвещающая тишь на море» — см. статью О. В. Беловой «О чудесной птице Алконост» // Русская речь. 1993. № 1. С. 113—117.

19. Конец V Слова, заимствованный Иоанном у Ссвериана Габальского, представляет собой аллегорическое толкование поста в виде птицы, крыльями которой являются чистота с молитвой и милосердием.

*Перевод и примечания
кандидата филологических наук
Г. С. Баранковой*

«Свои» и «чужие» в «Казанской истории»

*Н. В. ТРОФИМОВА,
кандидат филологических наук*

Вряд ли можно встретить человека, не знакомого с памятником архитектуры XVI века, стоящим на Красной площади в Москве — храмом Покрова на рву (более известное название — собор Василия Блаженного). Он построен в честь одного из самых значительных событий века — завоевания Казанского царства войсками Ивана Грозного. Казань на протяжении столетий была опасным врагом Руси, ее правители постоянно устраивали набеги на русские земли, опустошали и разоряли их. Присоединение Казани к Московскому государству было очень важным историческим событием. Оно нашло свое отражение в фольклоре и в литературе. Наиболее известным памятником стала «История о Казанском царстве», имеющая и другие названия: «Сказание о Казанском царстве», «Казанский летописец». В настоящее время общепринятым названием считается «Казанская история».

Это художественный рассказ, имевший широкое распространение в древнерусской книжности. До нас дошло около 270 его списков. Повесть необычна по своему замыслу: ставя в центр повествования завоевание Казанского царства войсками Ивана Грозного, автор в то же время рассказывает о всей истории взаимоотношений Руси и Казани, о постоянных набегах казанцев и защите русских земель от врагов. Особый интерес у автора при изображении событий вызывают исторические лица, которые участвовали в них как со стороны Руси, так и со стороны Казани.

Вероятно, такая особенность повествования во многом связана с судьбой безымянного автора «Казанской истории», о которой он сам рассказал. Попав в плен к казанцам и пробыв там 20 лет, после взятия Казани московским царем был освобожден и поступил к нему на службу. Время, проведенное в плену, не прошло даром для него: он не только воочию видел последние дни Казани, причем не «извне», как другие русские летописцы того времени, а «изнутри», и этот взгляд открыл ему новые стороны человеческой личности, заставил изображать людей не так, как диктовала традиция, а по-своему.

В традиционном историческом повествовании было принято характеризовать «своих» героев положительно с использованием специально выработанной системы изобразительных средств. Автор «Казанской истории» зачастую видит в русских персонажах не только положительные черты, но и качества, которыми по традиции характеризовались противники, и, напротив, к казанцам применялись изобразительные средства, традиционно используемые для «своих». Такое явление ученые отметили как «нарушение единства точки зрения на действующих лиц» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979). Но поскольку эти необычные черты выдержаны в произведении последовательно, то точнее будет говорить о создании новой системы средств изображения событий и персонажей: во-первых, использование в описании врагов той же лексики, что и при изображении положительных героев («своих»); во-вторых, обратное явление — изображение «своих», как «врагов»; в-третьих, изменение характеристики действующих лиц на протяжении повествования.

Давайте посмотрим, как представлены в повествовании казанские вельможи Аталык, Чапкун, Чура Нарыков, а также казанское воинство.

Об Аталыке рассказывается в эпизоде одного из удачных походов против казанцев во время царствования Василия III. Автор подробно повествует о длительной осаде Казани и успехе русских войск, поджегших острог и внезапно ворвавшихся в город. Аталык был застигнут врасплох и пытался спастись бегством, но русские воины настигли и убили его. Казалось бы, этот эпизод не столь значителен, чтобы упоминать о нем, но Аталык рисуется автором как настоящий богатырь, при этом используются средства гиперболического изображения, присущие описаниям русских воинов в былинах и воинских повестях: «Аталык же бе храбр и наезжаше бо не на сто воин, но на велик полк бойцев удалых, и возмущаше всеми полки рускими, и много их убивая, а сам невредим отъезжая, и доганяя кождо их мечем своим ударяше во главу, и растинаше на двое и до седла: не удержашеся меч его ни в шлеме, ни в пансыре. И стреляше дале версты в примсту, и убиваше птицу или зверя, или человека {...}

Боящегося его всяк человек русин» (Казанская история. М.— Л., 1954. Все цитаты приведены по этому изданию). Такое описание, говорящее об опасности и силе врага, подчеркивает успех, достигнутый русскими воинами при нападении на Казань.

Казанский вельможа Чура выступает как спаситель касимовского хана Шигалея, служившего московским князьям. Казанцы пригласили его на престол, но держали у себя не как царя, а как пленника. Видя их предательство, Чура «припаде ко царю верною правдою нелестною, добру помощь ему дая советом своим, печаль от него отравая, и время подобно избежанию сго сказуя, избавляя царя от неповинныя смерти (. . .)», помогает Шигалею бежать. За это казанцы убили Чуру. Автор отмечает и двойственное отношение к нему казанцев: «Гневашеся вси на Чюру, яко унимаше их убити царя, и роптаху нань и зубы скрежетаху. Инии же почиташе Чюру за храбрость его и за высокоумие его во всем граде». И по отношению к нему, «поганому» (то есть иноверцу) звучат дополненные автором и положительно оценивающие действия героя слова Евангелия от Иоанна (15.13): «И несть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положит или за господина».

Князь Чапкун — человек, бежавший из Казани на службу к московскому царю, потому что на родине его ожидало наказание (за что именно, автор не упомянул). Здесь же говорится о добром приеме, оказанном ему московским царем. Но предательство остается главной чертой характера героя, которую автор оттеняет известной древнерусской притчей о невозможности дружбы человека со змеем. Дальнейшие события подтверждают это. Чапкун изменяет московскому царю, возвращается в Казань и уговаривает казанцев убить московского ставленника Шигалея, тайне деля мечту о правлении в Казани. В то же время автор видит в этом герое и несомненно положительные черты: он доблестный воин и талантливый полководец; недаром в момент подготовки к решающим битвам казанцы поставили «надо всеми же князя Чапкуна, яко в победах искусна».

Особенно ярко проступают новые черты повествования в изображении казанского воинства. Автор постоянно подчеркивал храбрость и мужество врагов, выдержавших трудности длительной осады и яростно сражавшихся за свой город. Так, говоря об укреплении Казани перед решающими битвами, он пишет: «Креплеше же града сами бяху, умение велико имущи ратоватися во бранех и непобеждени бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенней обретается». В изображении битв с московскими войсками «един бо казанец бияшся со сто русинов, и два же со двема сты», автор применяет формулу воинских повестей, традиционно используемую в этом жанре по отношению к русским воинам. Одна из глав произведения носит название «О падении *храбрых* казанцев»

(курсив мой.— Н. Т.). Такое изображение врагов делает еще более наглядным подвиг русских воинов, победивших опасного противника.

Необычно и изображение русских воинов в «Казанской истории». Например, жестокость и жадность в битвах на подступах к Казани и при захвате добычи: Грозный «повеле воеводам, да молвят сотником и тысящником, да уймут вои от сеча. И не бе их мощно уняти, и ни ярости воинства утолити, быша бо им злее казанцев, паче огня всеядца и меча обоюдоуостра, и всякия болезни и горкия смерти горячеши; и повелевающих от брани престати многих своих язвиша до смерти». Такая картина в памятниках более раннего времени была возможна только в изображении врагов-завоевателей, губящих Русскую землю. Но если обратиться к предшествующему повествованию, то оказывается, что эта сцена не просто отражает реальную битву, а психологически обосновывает поведение русских войск. Автор описал трудный путь к Казани, длительную и тяжелую осаду, когда все запасы истощились и воеводы были готовы увести войска от города. В этой ситуации естественной оказывается жестокость по отношению к врагам. Поэтому приведенный эпизод не снижает общего героического облика московского воинства, подвиг которого подчеркивается автором многократно, в том числе и в названии последней главы: «Похвала царю и великому князю и всем воеводам его и воем».

Появляется в описании похода на Казань и образ русского воина-предателя Юрия Булгакова. Когда было решено сделать подкоп под стены Казани и взорвать их, он пишет послание казанскому царю, убеждая его укреплять дух воинов, указывая места подкопов, обещая скорое отступление русских войск от Казани и прося после этого принять его на службу. Этого героя автор характеризует в тех же выражениях, что и предателя-князя Чапкуна: «лют сый и неправеден», «сего же за злонравие не любяше самодержец», «беззаконный», «хоте, аки неврный, злое прилагатство сотворити». Конец у обоих предателей один: убиты своими же. По поводу их смерти автор сделал нравоучительные выводы: о Булгакове — «Сие бо тако случается везде ко иноврным перевесть держащим», о Чапкуне — гибель его «на показание протчим всем изменником, с лестию и неправдою служащим господием своим, им же да буди вечная мука».

Самым показательным средством изображения героев является изменение характеристик персонажей на протяжении повествования. Примером может служить описание казанского царя Улуахмета, рассказ о котором помещен в трех главах произведения.

Улуахмет был изгнан из Золотой Орды его противником Едигеем. В «Казанской истории» он появляется как несчастный изгнанник, просящий разрешения московского князя Василия Васильевича поселиться на окраине Московского государства. Князь «прият его с

честью, не яко беглеца, яко царя и господина своего, и дарми его почти, друголюбие с ним велие сотвори, яко сын ко отцу, и брат или раб к господину своему», разрешил ему жить в Белеве. В этой части повествования несомненно авторское сочувствие к Улуахмету, он сравнивается с орлом, что было традиционно для изображения только русских князей.

Улуахмет создаст в Белеве ледяную крепость, готовясь отомстить своему врагу Едигею. Русские же бояре, боявшиеся усиления войска царя и предательства со стороны Улуахмета, советуют Василию изгнать его из русских пределов. Послушавшись их, Василий нарушил клятву в дружелюбии. Когда же Улуахмет обратился с просьбой не изгонять его — послал на него войска.

В рассказе о походе московских войск против Улуахмета мы наблюдаем столкновение противоположных средств в описании героя. Весь ход действия: молитва Улуахмета к «русскому богу» с просьбой о защите от несправедливости (хотя герой — иноверец) и помощь этого бога, поскольку Улуахмет побеждает в битве, доказав тем самым, что «клятвы не преступают, аще и с поганым сотворяют» — говорит о сочувствии автора герою. В то же время, поскольку изображается враг, выступающий против русских войск, к нему применены традиционные средства изображения врагов: «злый царь», «очи зверины», «и поскрестица зубы своими, яко дивии свирельный зверь, и грозно восстав, яко страшный змий великий (. . .) и се брань против творяше,— яко лев ревый, яко змий страшно огнем дышуще...»

В третьей главе Улуахмет, возродивший Казань и сделавший ее для Руси еще более опасным врагом, чем она была раньше, охарактеризован уже традиционно: «велию воздвиже брань и мятеж в Руской земли, паче всех первых царей казанских (. . .) понсжи бе многокознен человек и огнен дерзостию и велик телесем, и силен велими...». Таким образом, здесь налицо новая позиция автора: враг остается врагом, но при этом он может быть оценен и положительно, если поступает правильно, русский же князь заслуживает осуждения и даже военного поражения за нарушение клятвы.

Дважды изменяется в произведении комплекс художественных средств, характеризующих казанскую царицу Сумбеку, последнюю из «вольных» казанских царей. Сначала она, крепя оборону Казани «аки лютая лвица, неукротимо рыкаше», «прелютый зверь», «лукавая змия»; затем, взятая в плен русскими воеводами, превращается в «смирну птицу», «красну велми и в разуме премудру». Описывая проводы Сумбеки жителями Казани, выдавшими ее московскому царю за попытку отравить Шигалея, автор называет ее «красно-солнечной и мудрой», упоминает о том, что «плакася ся горко весь град и вся земля неутешимо лето цело, и поминающе ся разум и премудрость (. . .) и ко всему народу бржение велие». Эта перемена —

не ошибка автора, в целом отрицательно оценивавшего царицу, а стремление изобразить реальное настроение провожавших Сумбеку: ведь она для них — последняя вольная казанская царица, за ней придет Шигалей, ставленник московского царя, враждебно настроенный по отношению к казанцам. Сам автор, находившийся в описываемое время в Казани, хорошо знал об этом. В финале произведения царица, привезенная в Москву и отказавшаяся принять христианство, вновь получает отрицательную оценку, по-видимому, бытовавшую в Московском государстве.

Автор «Казанской истории» высказывает и суждение о красоте любой человеческой жизни, необычное для воинской литературы предшествующего периода. Рассказывая о гибели русских и казанских воинов на подступах к Казани, он пишет: «и мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасныи». Это уравнивание «своих» и «врагов», стремление правдиво и непредвзято наблюдать поведение людей и точно отразить его, умение увидеть в любом человеке разные черты и вызвали изменение системы средств изображения героев в «Казанской истории», а в дальнейшем привели к открытию человеческого характера в литературе.

«ЛИЦОМ РУМЯНА РОЖА ТОЛСТА»

Е. И. ЗИНОВЬЕВА,
кандидат филологических наук

Описание внешности человека, его словесный портрет мы находим уже в древнейших памятниках русской письменности. Так, например, описывается Борис в Сказании о Борисе и Глебе (середина XII в.): «Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широки, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, возрастом мал и ус молодой еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен...» (Памятники литературы древней Руси: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978). Этот несколько обобщенный, идеализированный словесный портрет героев древнерусских житий, летописей и иных памятников, сохраняя описания лица, сменяется в деловой письменности XVI—XVII веков реалистичным и детализированным описанием того или иного человека: «И в приметы те воры (-преступники): Илюшко Иванов ростом средней человек, волосом светлорус, в лице продолговат, нос прям, продолговат, борода невелика, з бровьми небольшими почернее волос» (Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. М., 1957); «А тот мужик Ивашко Щур ростом невелик, кренаст, глаза кари, волосы: голова руса, борода светло-руса, кругла, невелика» (Новомбергский Н. Н. Слово и дело государевы. Т. I. М., 1911).

Наиболее полно и последовательно описания личности человека

представлены в кабальных книгах XVI—XVII веков, что обусловлено их предназначением. Кабальные книги представляют собой запись кабал, т. е. договоров о займе денег и передаче себя в холопство заимодавцу. Нуждающийся в средствах для ведения хозяйства крестьянин самопродавался за ссуду в холопство. Такой холоп имел право выкупиться, заплатив долг, но, как правило, хозяйственная маломощность, недороды, стихийные бедствия не давали этой возможности, на всю жизнь оставляя его в холопстве. Он мог сбежать, и для того, чтобы заимодавец (владелец холопа) мог его отыскать, в кабальной записи, которая делалась в официальном органе управления данной местностью (приказе, воеводской приказной избе), приводился словесный портрет холопа, его своеобразный личностный паспорт. Описания личности в записных кабальных книгах XVI—XVII вв. объективны и конкретны. Несмотря на свою краткость, они дают представление о внешнем облике человека. При перечне примет кабальных холопов основное внимание обращалось на признаки, заложенные от природы: цвет глаз, волос, лица; формы лица и носа; у мужчин — цвет, величина, форма бороды и усов и т. п. Кроме врожденных назывались и признаки особо примечательные, резко выделявшие человека среди других: увечья, уродство и др. (Мирославская А. Н. Словесный портрет в Древней Руси // Русская речь. 1978. № 5).

Интересные описания личности простых русских людей, кабальных холопов содержат Новгородские записные кабальные книги XVI — начала XVII вв. и Новгородские кабальные книги 1614—1616 гг., сохранившиеся как в архивах нашей страны, так и за рубежом. Все примеры в статье без указания ссылки приводятся по этим источникам, опубликованным в разное время.

Описания внешности человека, содержащиеся в кабальных книгах 1591—1603 гг. и в кабалах, составленных в 1614—1616 гг., имеют сходства и различия. Сохраняется форма (принцип) записи: описание роста, телосложения, цвета кожи, волос и т. д. Ранние кабалы отличаются более богатым словарным запасом, в них шире употребляются народные лексические средства, диалектизмы. Это объясняется тем, что отдельные кабалы составлялись вне города, в новгородских областях — пятинах. Писцы канцелярских служб 1614—1616 гг., как справедливо отмечает Сандберг (издатель и комментатор Новгородских кабальных книг 1614—1616 гг. Стокгольм, 1982) использовали более стандартизированный, не такой разнообразный словарь, больше связанный с деловым языком, что обусловлено активизацией процесса формирования литературного языка на национальной основе.

Рассмотрим слова, называющие в тексте кабал лицо, входящие, таким образом, в число опорных при создании словесного портрета: *рожа, рожаи, лицо, виденье*.

Слова *рожа* и древнерусское *рожайи* «вид, лицо», связанные с однокоренными *род* и *рода* «вид, лицо, род», а также *рожайист* «красивый, видный», были широко употребительны в XVI—XVII веках. *Рожа* не имело оценочного характера, не было грубым просторечием. Используется оно, главным образом, в различного рода деловых документах. В памятниках дипломатической переписки XVII в. находим, например: «А то ведаю, что есть ближе тое племянницы княжны Марьи у королевны племянницы и ближе тое в родстве и роже ей [т. е. лицом, внешностью.— Е. З.] краше» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею//Сборник русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883). Вплоть до XVIII века *рожа* в значении «лицо» обычно в пословицах и поговорках. В Словаре Академии Российской (1789—1794) *рожа* «лицо» еще не имеет каких-либо ограничительных помет. И лишь в литературном языке середины XIX века это существительное становится уничижительным названием лица (Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847). Существительное *рожа* постоянно в текстах кабал XVI—начала XVII вв.; «Уляна лет в дватцат ростом середняя лицом румяна рожа толста». В поздних кабалах оно встречается значительно реже, заменяясь словом *лицо*. Слово *рожайи* в застывшей форме, ставшей канцелярско-деловой формулой — *рожеем* (а также вариант *рожаем*), используется только в текстах ранних кабал со значением «по внешнему виду, облику, наружности»: «А рожеем Павелко волосом черн, ростом середней человек, очи черны, сухоощок»; «Парфенко, а прозвище Первушка Никитин сын, нос у него крив, ростом середней, волосом черн, очи серы, лицом щупловат, лет в полпятадесят»; «(со) своею женою... ростом середняя, очи серы, в лицо смугла»; «нос прям»; «(со) своими детьми... дети ем же рожаем [по внешности похожи на родителей.— Е. З.].». Иногда значение *рожеем* — «обликом, внешним видом» подчеркивается использованием в том же контексте слова *собою*: «А рожаем Михалка собою молод, ростом высок, волосом рус, усом заимаецца, очи серы».

Существительное *лицом* выступает наравне с *рожа* и *рожайи* в ранних кабалах, его преимущественное употребление встречаем в текстах поздних кабал: «Ростом Крестинка середняя лет в дватцат в пят в лице смугла глаза темносеры».

Единственный раз в текстах кабал в значении «лицо» встречаем существительное *веденье* (*виденье*): «...Фома Иванов сын, веденьем черн, боротка мала, черна, а волосом рус, возрастом середней человек». В древнерусскую пору XI—XV вв. *видение* только «вид, облик, наружность», сравните в современных русских народных говорах: «Какая это невеста? — ни из кожи, ни из рожи, ни из виденья». Но в Толковом Словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово это зафиксировано в значении «лицо», что, видимо,

было свойственно обиходно-разговорной речи: «Сел, не перекрестив видения».

Несомненно представляет интерес то обстоятельство, что в записях кабал мы находим большой круг словосочетаний со словами *рожа* (*рожаи*), *лицо* в значении «лицо», характеризующих эту область внешности человека с разных сторон.

I. Обозначение цвета лица и волос:

Смуглое лицо: рожем (рожаем, рожем, лицом, лицом) смугл; рожаем и волосом смугл; в рожу (в лицо) смугл; в роже (в лице) смугл; лицо смугло; в лица смугл и в лица смугловат.

Белый цвет лица: рожем (лицом) бел; рожа бела; в лицо бел; в лице бел; в лицо беловат; лицом беловат. Сложное прилагательное *белолик* встречаем два раза в Новгородских записных кабальных книгах. В сочетании с существительным *волосы*: рожаем (лицом) и волосом бел.

Бледное лицо; лицом блед; в лице блед; лицом бледноват.

Румяное лицо: рожаем (лицом, лицом) румян; в лице (в лицо) румян. Румянец на фоне белизны лица обозначается следующими способами: рожаем вбеле румян; в бели румян; лицом на бели румяна, лицом в бели румяна.

Русый и оттенки русого цвета: рожем (рожаем) рус; очень часто в текстах ранних кабал этот цвет встречаем в сочетании рожем и волосом рус; в рожу рус; лицом рус; лицом и волосом рус. Оттенки русого цвета находим в ранних кабалах: рожем белорус; рожем светлорус; рожем бела врус; рожем черни рус; лицом избела рус; волосом и лицом исчермна рус.

Чермный цвет и его оттенки: рожаем (лицом) чермен; рожаем и волосом чермен; в лице чермен; в лицо чермен. Рожем учермен; рожем сучермен; рожем бела исчермна; лицом бела сучермен; лицом сучермен; в лицо сучермен. Для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о цвете кожи лица, иногда используется существительное *телом*: телом в лице чермен; телом в лице исчермна бела.

Черный цвет: лицом черна; в лицо чорн; лицом и волосом чорн; волосом и рожаем чорн; в рожу и волосом черн; веденьем черн.

Красный цвет. Два раза встречается существительное *лицо* в сочетании с прилагательным *красный*: «А ростом Сенка средней человек, лицом красен, долголик, борода невелика чермна, без брувей»; «И Гришка ростом средней, волосом рус, в лицо бел, красен, лет в полчетвертатцать». Здесь в первом примере речь идет о цвете, а во втором, вероятно, прилагательное *красен* употреблено в значении «красивый».

II. Размер и форма лица описываются следующим образом. Размер: лицом велик; рожем невелик. Форму лица характеризуют следующие словосочетания:

Круглое лицо: рожем (лицом) кругл; рожем круглолик; в рожу

круглолик; в лицо кругл; в лице кругол; в лицо круглолик; лицом круглолик; лицом кругловат.

Плоское лицо: рожем (лицом) плоск; лицом плосколик; плоск в лицо; в лице плоск; в лицо плоск; в лица плоск; в лице плосковат; лицом плосковат.

Продолговатое лицо: в рожу (в лицо) долголик; рожем (лицом) долголик; в лице (лицом, в лицо) долга; лицо продолговато; лицом продолговат; в лицо (в лице, в лица) продолговат; в лица (в лице) долголик; в лице долговат.

Заостренное лицо: рожем востр; рожем (рожсю) востроват; лицом (в лице) востроват; лицом востра; в лице островат.

Сухощавое лицо: рожем (рожаем) щю(у)пловат; рожаем мощелуват (вероятно, от мощи); в лице шупел; в лицо щюпловат (сщупловат); лицом щупловат; в лицо щупла; лицом сщупла (щупла); в лице скуден; в лице скудоват; в лицо сухошек; в лице суховат; в лице (лицом) суховат; в лица щупловат; в лица шупл; в лица подсух; в лице кошеват и в лице кошав (вероятно, от *кость*).

Полное лицо: в рожу полон; полна рожаем; в лица (в лице) полна; лицом полон; рожа толста; рожаем (лицом) одутловат.

Широкое — неширокое лицо: лицом (в лицом, в лица) широк; в лице неширок.

Существительные *рожа*, *рожаи* и *лицо* могут употребляться в одном контексте в следующих случаях: 1. *Рожаи* имеют значение «по внешнему виду», а *лицо* в сочетании с прилагательным характеризует лицо по форме: «А рожем Данило в лице кругол, бел и волосом бел, плешат, ростом невелик, лет в сорок». В этом случае возможно также противопоставление *рожаи* — *рожа*: «А рожем Гриша врус черн, в рожу сухошек, смугол, ус рус, глаза серы, впали». Одно из существительных — *рожа* (*рожаи*) или *лицо* обозначает цвет кожи лица, а другое — форму: «Се яз Василей Иванов сын из Белозершины, в рожу рус, а лицом плоск, а уса и бороды нет...»; «Соломянида Оксентьева дочь, прозвище Досадка, лицом смугла, а рожем востра, а волосом руса, а очи серы...»

Как редкие, необычные можно отметить следующие словосочетания с существительными *лицо* и *рожа*: *лицом бабоват* «похож на женщину»: «Харитонко Яковлев сын... ростом низмян, лицом бабоват, волосом рус, очи кари». У Даля в Словаре *бабоватый*, *бабистый* означает «по духу, нраву на бабу похожий». В лице *тотароват*: вероятно, «похож на татарина» о черноволосом, кареглазом мужчине: «Ростом Иванко средней в лице тотароват, волосом черн, глаза кари нос востр борода темноруса невелика лет в тридцать». *Рожем старобраз* «выглядит старше своих лет»: «А рожем Сергейко старобраз, долголик, очи серы, волосом рус, ростом невелик». *Лицом старобраз*: «И Ивашко лет в восемнадцать, волосом темнорус, лицом смугл, старобраз, очи серы». В лице *остарковат*: при описании

40-летнего мужчины: «Ростом Сенка средней лет в сорок скудобород голобруд в лице остарковат плосковат глаза серы волосом рус», в Словаре В. И. Даля находим *остарковатый* «староватый».

Таким образом, для деловых памятников конца XVI — начала XVII вв. характерно употребление нескольких существительных, обозначающих лицо. Если *рожа* и *лицо* полностью совпадают по смыслу, то *рожаи* используется преимущественно в значении «внешний вид, облик». Все три существительных образуют с прилагательными, частично утраченными современным русским литературным языком, но сохраняющимися в народных говорах, большую группу специфических словосочетаний, показывающих широкие возможности русского языка той поры в описании лица человека. Из рассмотренных существительных в современном русском литературном языке продолжает употребляться *лицо*. Существительное *рожаи* полностью утрачено, а слово *рожа* изменило свою стилистическую окраску и характеризуется как просторечное, *виденье* встречается лишь в диалектах.

Санкт-Петербург

Как звучала речь Пушкина?

Г. И. ТИРАСПОЛЬСКИЙ,
кандидат филологических наук

В воспоминаниях современников Пушкина рассыпано множество свидетельств о внешности поэта, его костюме; содержатся описания его жестикуляции, походки — и гораздо меньше сохранилось упоминаний о его речи, голосе. И хотя эти наблюдения не всегда достоверны, а иногда и противоречат друг другу, тем не менее они дают возможность составить определенное представление об устной речи Пушкина.

Первый звукозаписывающий аппарат, фонограф, был создан Томасом Эдисоном в 1877 году, через 40 лет после гибели Пушкина. Звучание речи поэта, увы, никогда уже не достигнет нашего слуха, в отличие, например, от речи Льва Толстого, запись которой запечатлена на валике фонографа и является ныне волнующей реликвией.

Важная характеристика человеческого голоса — его тембр. В каком регистре звучал голос Пушкина — в басовом, баритональном или теноровом? Сохранилось ценное свидетельство В. А. Нащокиной (1811—1900), вдовы П. В. Нащокина, одного из ближайших друзей поэта; согласно этому свидетельству, Пушкин «говорил *тенором*» (Друзья Пушкина. В 2-х т. М., 1984. Т. 2. Здесь и в дальнейшем слова в цитатах выделены мной. — Г. Т.). Эта прямая, к сожалению, единственная характеристика высоты голоса Пушкина была высказана через 60 лет после смерти поэта 88-летней женщиной, память которой в таком возрасте могла быть не вполне твердой. Существует, правда, косвенное мемуарное указание члена литературного общества «Арзамас» Ф. Ф. Вигеля (1786—1856), как будто подтверждающее свидетельство Нащокиной: «В некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами подавал он оттуда свой *звонкий голос*» (Цит. по кн.: Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992). К сожалению, свидетельство Вигеля недостаточно определено. Эпитет *звонкий* мемуарист мог употребить в значении «звучный, громкий, отчетливо звучащий», но не как синоним прилагательного *теноровый*. Кроме того, цитированное высказывание относится к юному поэту, голос которого по мере возмужания мог переместиться в более низкий регистр.

Примечательно, однако, что не существует ни одного мемуарного

указания на то, что взрослый Пушкин говорил басом или низким баритоном. Поэтому, несмотря на некоторую шаткость свидетельств Нащокиной и Вигеля, мы вправе предположить, что голос поэта звучал в теноровом регистре или в верхней части баритонального диапазона.

*

В XIX — начале XX вв. различались московская и петербургская разновидности орфоэпической нормы русского литературного языка. Для московской характерно более сильное аканье, для петербургской — более умеренное. Какой тип аканья был свойствен произношению Пушкина? Известный лингвист С. П. Обнорский, исследовав его рифмы, пришел к выводу о том, что поэту было присуще аканье петербургского типа (Обнорский С. П. Пушкин и нормы русского литературного языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1960). С этим трудно согласиться.

Пушкин родился в московской дворянской семье и несомненно был носителем *акающего* произношения. Он уже с юных лет осознал себя *акальщиком*, о чем красноречиво свидетельствует мемуарист М. Н. Макаров (1789—1847): «Некто NN. прочел детский катрен [четверостишие] его, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на о. Александр Сергеевич успел только сказать: „Ah! mon Dieu!“ [Ах! Мой Бог] — и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа Дмитрия Петровича; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: поверите ли, этот NN. так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков» (Бартенев. Указ. соч.).

Смущение юного поэта мог вызвать сам факт публичного прочтения его стихов, однако скорее всего его сконфузила окающая декламация господина NN., которая резко расходилась с навыками Пушкина и возбудила его открытое неприятие.

Окающая декламация в то время культивировалась А. С. Шишковым и другими сторонниками «старого слога» как проявление «высокого штиля», который был основан на церковнославянском языке с его окающим произношением (Томашевский Б. В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин. Работы разных лет. М., 1990). Однако оканье — это яркая примета также севернорусской диалектной речи и просторечия, что было понятно Пушкину, но почему-то не замечено шишковистами. «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? — спрашивал Пушкин о соотношении литературной и ненормативной речи. И отвечал: — Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному» (Письмо к издателю. 1836 г.).

Перенесение окающего произношения в литературную речь вы-

звало бы неминуемое нарушение границ между литературным языком и внелитературной речевой стихией, что для Пушкина было совершенно неприемлемо. Уроженец Москвы, Пушкин с детства усвоил именно московское аканье. Что же касается пушкинской рифмы, то считать ее явственным отражением индивидуального произношения поэта нет оснований. Рифмовка Пушкина не отступает от канонов русского классицизма XVIII века (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1985). Поэт и его последователи, соблюдая давнюю традицию, нередко подчиняли свои рифмы «орфографическому принципу, сходству в написании слов» (Брюсов В. Я. О рифме//Соч.: В 2-х т. М., 1987. Т. 2).

В стихотворных произведениях Пушкина кроме того немало архаизмов морфологии и произношения, идущих от XVIII века (Винокур Г. О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина//О языке художественной литературы. М., 1991). Вот почему выводить произношение Пушкина из его письменных текстов крайне рискованно. Более надежными показаниями служат здесь факты биографии поэта и отзывы его современников. А они однозначно свидетельствуют о том, что Пушкин «акал» *по-московски*: «Пушкин и Дельвиг всегда гордились тем преимуществом, — сообщал, например, П. А. Плетнев (1792—1865), — что родились в Москве, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьей ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений» (Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1987).

*

Мелодика устной речи Пушкина не раз привлекала внимание современников поэта. Так, А. П. Керн (1800—1879) сообщала: «он имел голос певучий, *мелодический*...» (Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989). Ей вторит мемуаристка Е. А. Драшусова (1814—1884): «...Нельзя было... слышать более *приятного*, более *гармонического* голоса, как будто нарочно созданного для его стихов...» (Вересаев. Указ. соч.). Известный писатель, историк и издатель М. П. Погодин (1790—1845) в своих воспоминаниях говорил о тихом, приятном голосе Пушкина (Бартенев. Указ. соч.). Обладатель тонкого музыкального слуха, И. С. Тургенев (1818—1883), которому однажды в молодости посчастливилось увидеть своего обожаемого поэта, свидетельствует о его «*звучном* голосе» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978. Т. 11).

Отзывы современников об интонационном рисунке речи Пушкина не столь единодушны. Так, по свидетельству автора «Записок» о Пушкине С. А. Моравского (1802—1853), речь поэта «отличалась плавностью...» (Вересаев. Указ. соч.), однако петербургский знакомый Пушкина А. И. Подолинский (1806—1886) дает ей прямо

противоположную характеристику: «говорил с жаром, часто остроумно, но с *запинками*» (Там же). Противоречивость таких суждений объяснима. Прежде всего мы имеем дело с субъективностью восприятия: то, что один мемуарист расценивает как плавную речь, другому могло показаться речью неровной или даже запинаящейся. Пушкину, как и любому человеку, в зависимости от своего психологического состояния свойственно говорить по-разному: либо спокойно, размеренно, либо возбужденно, прерывисто, с частыми остановками. Принимая во внимание количественный перевес свидетельств второго рода, мы вправе предположить, что более характерной для интонационного рисунка пушкинской речи была определенная отрывистость, наличие эмоциональных запинок и пауз.

С этим свойством устной речи поэта прямо связан ее темп. Есть основания считать, что обычно Пушкин говорил быстро, во всяком случае в темпе выше среднего. «Говорил он *скоро*», — свидетельствует В. А. Нащокина (Вересаев. Указ. соч.). Ей вторит Д. Ф. Фикельмон (1804—1863): «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без притязаний, с *увлечением и огнем...*» (Друзья Пушкина. Т. 2). Писатель Н. А. Мельгунов (1804—1867) лаконично сообщает: «Говорил он...*живо и отрывисто*» (Вересаев. Указ. соч.).

Интонационный рисунок и темп речи Пушкина во многом определялись его холерическим темпераментом. О последнем написано и сказано так много, что позволительно обойтись без соответствующих цитат. Вместе с тем следует заметить, что эмоциональная пластичность Пушкина, его обостренная чуткость и возбудимость не мешали устной (как, впрочем, и письменной) речи поэта быть точной и определенной. Восхищаясь этим свойством, М. П. Погодин писал: «Вместо высокопарного языка богов мы слышали *простую, ясную, обыкновенную* и между тем *пиитическую, увлекательную* речь!» (Бартенев. Указ. соч.). Менее пространно, но более определенно отзывался об этом прозаик и переводчик В. А. Эртель (1793—1847): «Суждения П[ушкина] были вообще кратки, но метки...» (Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1). А вот что сообщает петербургский знаковый поэт Н. М. Смирнов (1808—1870): «рассказывал много, *всегда ясно...*» (Вересаев. Указ. соч.).

Весьма интересным является вопрос о том, как звучала речь Пушкина-декламатора. Увы, сохранившиеся свидетельства столь противоречивы, что не дают возможности составить о Пушкине-чтеце сколько-нибудь определенного представления. Так, например, поэт и археолог М. В. Юзефович (1802—1889) сообщает: «„Бориса Годунова“ и отрывки последней части „Онегина“ Пушкин читал нам сам, Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность» (Вересаев. Указ. соч.). Более суровую оценку декламации Пушкина дала О. А. Смирнова-Россет (1809—1882):

«Читал стихи он *плохо*» (Там же). Мемуаристка, правда, не разъяснила, почему она осуждает Пушкина-чтеца: то ли поэт намеренно нарушал тогдашние правила декламации, отличавшейся театральной напыщенностью, то ли, напротив, стремился соблюсти их, но не сумел.

Содержательнее в этом отношении следующее свидетельство П. И. Бартенева: «Читал он превосходно, и чтение его, в противность тогдашнему обыкновению читать стихи нараспев и с некоторою вычурностью, отличалось, напротив, полною простотою» (Бартенов. Указ. соч.). Беда, однако, в том, что Бартенов, родившийся в 1851 году, не мог слышать Пушкина и сведения о декламации поэта получил из вторых или даже третьих рук, что существенно снижает их достоверность. С оценкой Бартенева, правда, сходится наблюдение знакомой Пушкина М. И. Осиповой (1820—1896), по словам которой, он «читал превосходно...» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1). Однако это наблюдение носит слишком общий характер. Слышавший Пушкина писатель, критик, историк литературы С. П. Шевырев (1804—1864) утверждал: «Читал он чрезвычайно хорошо», не детализируя, однако, этого отзыва (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2). Из-за своей вторичности не может считаться вполне убедительным и развернутое свидетельство Я. П. Полонского (1819—1898): «Лев Сергеевич Пушкин превосходно читал стихи и представлял мне, как читал их покойный брат его Александр Сергеевич. Из этого я заключил, что Пушкин стихи свои читал как бы нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1).

Итак, проанализировав воспоминания современников, можно предположить, что голос Пушкина находился в теноровом регистре или в верхней части баритонального диапазона; поэт «акал» по-московски, т. е. более сильно, чем уроженцы Петербурга. В мелодическом отношении голос Пушкина воспринимался как благозвучный и акустически насыщенный; интонационный рисунок устной речи поэта был обычно прерывистым, темп речи — высоким. Манера же Пушкина-декламатора оценивается мемуаристами столь противоречиво, что судить о ней однозначно не представляется возможным.

Сыктывкар

Мучной городок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Старые топонимы, особенно названия мелких внутригородских объектов, к сожалению, исчезают. Это не только утрата названия, но и утрата нашей истории. Всем известно, что топонимы заключают в себе неоценимые сведения о событиях, людях, природе, образе жизни, занятиях наших предков, которые иногда невозможно восстановить ни по какому другому источнику.

Исчезновение старых названий происходит не только в результате переименования, но и просто — забвения. Сначала уходит какой-либо объект, а затем с течением времени (иногда это несколько веков) и его название. Этот процесс хорошо известен в Москве.

Топонимы такого рода не всегда можно найти в исторических документах, планах, картах, касающихся города. Но их может сохранить память русского писателя, владевшего «живым», разговорным языком старых московских дворов, впитавшего в себя особенности московской речи и передавшего это героям своих произведений. Таким писателем был Б. Пастернак.

В романе «Доктор Живаго» он неоднократно упоминал название *Мучной городок*. Там у Свентицких поселяется Николай Николаевич Веденяпин, дядя Юрия Живаго, туда же — в Мучной городок возвращается из Юрятина в 20-е годы и сам Юрий Андреевич. В Мучном городке Гордон и Дудоров ищут исчезнувшего (умершего) Живаго.

Предположение о том, что название придумано автором, полностью отпадает при ближайшем рассмотрении московской топонимии романа. Ни в прозе, ни в стихах Б. Пастернака нет ни одного придуманного топонима. Все они реально существуют (сущест-

вовали) в городе и имеют в романе адресный характер. Это названия конкретных улиц, переулков, площадей, где обитают герои романа. Исчезнувшие названия в результате переименования сохранились в многочисленных письменных источниках, в памяти и устной речи старых москвичей: Большая Дмитровка, Газетный, Калужская застава, Камергерский, Мещанская, Никитская, Спиридоновка, Тверская застава, Тверские-Ямские, Триумфальные ворота. (Топонимы приводятся в той форме, как они даны в романе; при этом Б. Пастернак не употребляет слов *улица*, *переулок* и т. п., что свойственно живой устной речи.)

В исторических документах, относящихся к Москве, не удалось обнаружить *Мучной городок*. Зато косвенные данные, извлекаемые из романа «Доктор Живаго» и некоторых других прозаических произведений Б. Пастернака, дают полное основание утверждать, что этот топоним реально существовал в Москве. Где находился и что значил объект, имевший название *Мучной городок*?

Автор романа не просто говорит о Мучном городке в связи с поселением там Николая Николаевича, он довольно подробно описывает это место: «Этот двухэтажный флигель, слишком большой для бездетной четы Свентицких, покойные старики Свентицкие с незапамятных времен снимали у князей Долгоруких. Владение Долгоруких с тремя дворами, садом и множеством разбросанных в беспорядке разнотильных построек выходило в три переулка и называлось по-старинному Мучным городком» (Пастернак Б. Собр. соч. в 5 т. М., 1990. Т. 3.). Итак, указано три признака Мучного городка: его бывший владелец-князь Долгорукий, местоположение владения — выходило на три переулка и его внешний вид — три двора со множеством построек, главной из которых был флигель.

По свидетельству исследователей творчества и биографов Б. Пастернака, герои его произведений живут и действуют в тех местах, даже в тех домах Москвы, где жил или бывал он сам. Исходя из этого, первым его адресом будет Оружейный переулок, дом Лыжина, где он родился 29 января (ст. ст.) 1890 года. Оружейный переулок, как известно, находится за пределами Садового кольца, хотя и отходит от него. В этих местах — за пределами Садового кольца — нет смысла искать Мучной городок. Почти все главные герои романа живут в пределах Садового и даже Бульварного кольца или в непосредственной близости от них: Камергерский, Малая Бронная, Молчановка, Серебряный, Сивцев Вражек, Спиридоновка и Мучной городок.

Такой человек, как Н. Н. Веденяпин, профессор философии, социолог, читающий лекции в университете, пишущий книгу по философии, по замыслу автора, должен жить в пределах Садового кольца, бывшего Земляного вала. Возведенный вокруг Москвы в

XVII веке Земляной вал был окончательно разрушен временем к началу XIX века, разобран и застроен небольшими домами с обязательным предписанием разбивать палисадники и сады около этих домов. Оружейный же переулок ассоциируется у автора романа с другой стихией — с людьми и обстоятельствами, порожденными новыми социальными условиями жизни, с социальным злом. В Оружейный переулок приехала с Урала Мадам Гишар с детьми Ларой и Родей. Оружейный переулок был таким же страшным местом Москвы, как Тверские-Ямские улицы: «Это были самые ужасные места Москвы, лихачи и притоны, целые улицы, отданные разврату, трущобы „погибших созданий“» (Пастернак. Т. 3).

Второй адрес Пастернака — Мясницкая, дом Юшкова, где находилось Училище живописи, ваяния и зодчества, профессором которого был его отец Л. О. Пастернак. Сюда в казенную квартиру в 1884 году переехала их семья. Вначале они жили во дворе во флигеле, а позже в связи со сносом флигеля — в самом здании Училища. Описание этого двора и флигеля, которое дал Б. Пастернак в своей автобиографической повести «Люди и положения», очень похоже на Мучной городок: «Во дворе, против калитки в небольшой сад с очень старыми деревьями, среди надворных построек, служб и сараев возвышался флигель» (Пастернак. Т. 4). Именно в этот флигель, где жила семья профессора Л. О. Пастернака, позже автор романа поселяет своих героев: дядю Николая Николаевича и Свентицких, на елке у которых Лара стреляла в Комаровского.

Красноречиво указание автора романа на то, что Мучным городком в старину называлось имение Долгоруких. У известного историка Москвы П. В. Сытина находим, что в XVIII веке на Мясницкой (по нечетной стороне) стоял дом князя Долгорукова, члена Верховного тайного совета. Вероятно, позади дома — двор, сад и хозяйственные постройки, как это было принято в то время. В другом месте, описывая Мясницкую за воротами, Сытин прямо указывает на существование такого сада: «На плане Москвы 1767 года видно несколько стоящих по улице каменных больших и малых домов; но все же большую часть составляли деревянные дома. За домами находились еще большие сады и огороды с прудами» (Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1952).

Именно здесь находятся и три переулка, на которые выходило владение Долгоруких — «по-старинному Мучной городок»: Юшков (Бобров), Фролов и Милютинский (ул. Мархлевского). Юшковым переулок был назван в 1793 году по фамилии известного московского богача генерал-поручика П. И. Юшкова. Он был заказчиком и первым хозяином самого красивого здания на Мясницкой, построенного предположительно по проекту известного архитектора В. И. Баженова. В 1922 году переулок был переименован в *Бобров* по имени богатого купца XVI века Василия Бобра. П. В. Сытин считает,

что предок Юшкова *Юшка* и *Василий Бобр* были братьями (Сытин П. В. Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959). *Фролов* переулок получил свое название по находящейся здесь церкви Флора и Лавра. *Фрол* — русифицированная форма латинского *Флор*. *Милютинский* переулок назван в XVIII веке по находившейся здесь, на углу с Юшковым переулком, шелковой фабрике Милютина, бывшего истопника Петра I. Современное название — улица Мархлевского — дано в 1927 году по фамилии польского коммуниста Ю. Мархлевского (1866—1925).

В XIX веке земля, принадлежавшая князю Долгорукову, т. е. Мучной городок, перешла в собственность Училища живописи, ваяния и зодчества. По коммерческим соображениям дирекция Училища построила на месте сада жилые корпуса и выставочные помещения, которые сдавались внаем: «Горячка девятисотых годов отразилась и на Училище. Казенных ассигнований не хватало на его содержание. Поручили дельцам изыскание денежных средств для пополнения бюджета. Решено было возводить на земле Училища многоэтажные жилые корпуса для сдачи квартир внаем, а посередине владения, на месте прежнего сада, выстроить стеклянные выставочные помещения для сдачи в аренду. В конце девятисотых годов стали сносить дворовые флигеля и сараи. Наш флигель тоже предназначен был на слом» (Пастернак. Т. 4). В застроенном Мучном городке поселяется бывший дворник дома Живаго, теперь уже комендант Мучного городка: «Маркел пошел в гору и в Сивцевом больше не обретался. Он перевелся комендантом в Мучной городок, где по условиям службы ему с семьей полагалась квартира управляющего. Однако он предпочел жить в старой дворницкой с земляным полом, проведенною водой и огромной русской печью во все помещение. Во всех корпусах городка зимой лопались трубы водопровода и отопления, и только в дворницкой было тепло и вода не замерзала» (Пастернак. Т. 3).

Трудно предположить, что при такой достоверности описания атрибутики, сопровождавшей действия героев, Б. Пастернак мог выдумать название *Мучной городок*. Более того, почему из сорока реально существующих московских топонимов, упоминаемых в «Докторе Живаго», только этот мог быть придуманным? Отсутствие его в известных документах по истории Москвы вовсе не свидетельствует о том, что его не было в действительности. Он мог не отразиться в них потому, что объект, названный им, был незначительным и очень древним. Он не выдержал «конкуренции» с известной русской фамилией и значительностью ее носителя — князя Долгорукова (Долгорукий). Б. Пастернак тоже не выдумал его, а, видимо, слышал от кого-то из жителей домов на месте бывшего Мучного городка.

Аналогичные случаи в истории Москвы известны, когда в живой

устной речи старых москвичей употребляются названия, отсутствующие в официальных документах. Известный историк Москвы И. М. Снегирев, например, услышал в бывшем Дурном переулке (Товарищеский) на Таганке название *Братский двор*, не зафиксированное в письменных источниках. Так в московских слободах XV—XVII вв. назывались учреждения, ведавшие управлением слобод, своеобразные административные центры: «За Земляным городом на север лежали белые и черные земли, занятые ямскими или гонными, деловыми или оброчными слободами, в которых находились братские дворы или общие (...) Доныне в Таганке, в Дурном, прежде Чертовом, переулке находится Братский двор» (Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Т. I).

Что значило название *Мучной городок*, почему так было названо место, сейчас сказать трудно. Можно предположить, что здесь шла торговля мукой, или находились мучные склады Василия Бобра, именитого московского купца XVI века, владения которого располагались на этом месте, о чем сообщают москвоведы: «... в XVI веке на месте дома Юшкова и прилегавших к нему строений был двор крупного русского купца Василия Бобра, входившего в привилегированную корпорацию несметно богатых торговых людей — гостей» (Соловьев В. М. Улица Кирова, 21. М., 1988).

Язык поверий и примет

Пушкин и народный месяцеслов

Д. Н. МЕДРИШ,
доктор филологических наук

А. С. Пушкина постоянно привлекали народные поверья и связанные с ними приметы, он был убежден: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих какому-либо народу». Неудивительно, что и его любимая героиня — «Татьяна верила преданьям Простонародной старины, И снам, и карточным гаданьям, И предсказаниям луны. Ее тревожили приметы...» Именно так — «Приметы» — озаглавил поэт сначала одно стихотворение («Старайся наблюдать различные приметы...»), а через восемь лет другое («Я ехал к вам: живые сны...»). Два стихотворения под одним и тем же заглавием — явление в творчестве Пушкина уникальное и уже потому примечательное.

Поверья и приметы... Поэтический мир Пушкина был бы неполон без постоянных обращений к этим явлениям народного сознания, иногда — прямых, явных, нередко — косвенных и как бы непреднамеренных. Обратимся к картинам зимы в стихах поэта: давно уже замечено, что «в зимнем пейзаже Пушкин видел нечто специфически русское, и чувство природы тесно сливалось для него в данном случае с чувством *родины*» (Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 64). По пушкинским стихам можно получить достоверное представление о русской зиме — от первого снега до вызванного поворотом к весне вылета первой пчелки «из душистой келейки медовой», и притом зиме не среднестатистической, а неповторимой для каждого года, с ее особенностями, переменами и проказами.

Закономерна здесь и «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы ...») — недаром в народном календаре именно со становлением санного пути ассоциируется приход зимы, без этого «зимы нет» (В. И. Даль). Зимние сутки также представлены в пушкинских стихах на всем

их протяжении, от «Зимнего утра» («Мороз и солнце; день чудесный!..») до «Зимнего вечера» («Буря мглою небо кроет...») и студеной зимней ночи («Бесы»).

Трижды, с равными интервалами в три восьмистишия, повторяется в «Бесах» картина зимней ночи: «Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освещает снег летучий; Мутно небо, ночь мутна». В первый раз за этим следует: «Еду, еду в чистом поле...» (Заметим попутно, как многозначен у Пушкина так называемый «постоянный» эпитет: «чисто поле» — здесь это еще и поле, свободное — пока! — от нечисти.) Во второй раз: «Сил нам нет кружиться доле; Колокольчик вдруг умолк; Кони стали...» (Кони опасность чувствуют раньше человека: «волк коню не товарищ».) «Что там в поле?» — «Кто их знает? пень иль волк?». Беда не в том, что в снежной мгле трудно отличить пень от волка. По поверью, волк и пень связаны особой, колдовской связью, и, случается, то, что на первый взгляд может показаться пнем или волком, окажется оборотнем, а то и вовсе бесом. Известно: чтобы стать оборотнем, нужно найти гладко срубленный пень и с приговором воткнуть в него нож, а затем перекувырнуться через этот пень — и станешь волком. Чтобы снова превратиться в человека, «нужно было вернуться к своему пню, забежать с противоположной стороны и перекувырнуться обратно. Но тут была и опасность: если кто-то из проходивших мимо людей унесет нож, вынув его из пня, то тогда останешься навски волком» (Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. М., 1991. С. 182). Волка следовало опасаться, волка-оборотня — тем более. На этот случай имелся заговор (его приводит в своих «Сказаниях русского народа» И. П. Сахаров, современник Пушкина): «На море, на Окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинох пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый...» (Цит. по: Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 382—383). И потому не мудрено, тем более в метель, и пень за волка принять...

Конечно, потом, когда все позади, сидя у горячей печи, можно и посмеяться над недавними страхами и даже приписать их не себе, а кому-нибудь другому, глупому и трусливому. Об этом — веселые сказки-анекдоты, в которых «глупцы принимают один предмет за другой: серп за червя, мыло за лекарство, поле за море, сапоги за ведра, пень за волка...» (Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Жанры словесного текста: Анекдот. Таллинн, 1989. С. 64). Пушкину ведомо были эти истории; знал он и то, что подобные смешные рассказы бытуют в фольклоре многих народов, и потому историю о сапогах-ведрах, известную ему по английскому источнику, он в «Сценах из рыцарских времен» передал немецкому миннезингеру Францу и поведал ее русскими стихами: «Воротился ночью мельник... Женка! что за сапоги?..» (По

справедливому мнению И. Л. Альми, ответ героя не являет собою безусловного отказа принять сапоги за ведра, «скорее он имитирует растерянность деревенского тяжелодума» — Альми И. Л. О превращениях пушкинского «Жил на свете рыцарь бедный» в художественном мире Достоевского // Сюжет и время: Сб. науч. трудов. Коломна, 1991. С. 133). В одном стихотворении («Бесы») ситуация драматична, во втором (о мельнике) — комична, и в обоих случаях восходит к народным поверьям.

Впрочем, и «Бесы» первоначально мыслились в шутовском плане. В. С. Непомнящий проследил, как в процессе создания «Бесов» углублялся авторский замысел, так что первоначальное заглавие — «Шалость» — стало уже неуместным. После отказа от абстрактного «Путник едет», а затем и более субъективного «Едем, едем», «стихи стали такими, какими единственно могли стать: „Еду, еду в чистом поле; Колокольчик дин-дин-дин... Страшно, страшно поневоле Средь неведомых равнин!“» (Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М., 1987. С. 222). Остается добавить, что творческая история стихотворения, оставшаяся в черновиках, своеобразно воспроизвела структуру народной лирической песни, в которой события описываются вначале как бы со стороны, в третьем лице, а затем третье лицо заменяется первым (замена не всегда обязательна, но всегда возможна, так как подготовлена общностью лирического восприятия, объединяющей «автора» — героя, исполнителя и слушателя народной песни). Эта особенность народно-поэтического мышления отразилась и в образной структуре «Бесов».

В начале стихотворения бесов поминает только ящик: «В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам». Постепенно это видение передается лирическому герою: «Вижу: духи собралися Средь белеющих равнин», — чтобы полностью овладеть им в конце стихотворения: «Мчатся бесы рой за роем В беспредельной вышине, Визгом жалобным и воем Надрывая сердце мне...» В сфере лирического сюжета оказывается сам процесс приобщения к народному мировосприятию, чтобы в конечном счете выразить *свое* мироощущение, высказать *свои* заботы и тревоги, встречающиеся на *своем* жизненном пути. Не случайно ведь и мрачные «Бесы», и светлое «Зимнее утро» завершаются личным местоимением: *мне, для меня*.

В «Зимнем утре» приметы растворяются в поэтике, проникая в пейзаж и интерьер. Зима сначала увидена (как и в «Евгении Онегине», и в «Сказке о мертвой царевне») сквозь оконное стекло: «...погляди в окно: Под голубыми небесами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит <...> И речка подо льдом блестит». Представив эту картину, Пушкин не сразу находит продолжение. В черновике следуют варианты: «Сияет озаренный светом Наш дом». Это вид снаружи. «Сияет озаренный блеском Наш дом» — тоже не подходит. «Наш дом блестит янтарным блеском...». Отблеск огня

обрел цвет, но он увиден все еще со стороны, извне. И наконец: «Вся комната янтарным блеском Озарена. Свет увиден глазами тех, кто находится в жилище. И тут же принимается решение «в санки Кобылку бурую запречь», — очевидно, в уверенности, что день предстоит морозный. Действительно, существует примета: белый огонь в печи — на оттепель, красный или желтый («янтарный») — к стуже. Следующая деталь интерьера — «веселым треском Трещит затопленная печь» — также перекликается с народной приметой, зафиксированной и в словаре В. И. Даля: «Дрова горят с треском — к морозу». Разумеется, детали эти входят в стихотворение не как предсказания погоды, они характеризуют душевное состояние лирического героя, являя наглядный пример того, как у Пушкина «приметы Согласны с чувствами души» («Приметы», 1829).

При издании третьей главы «Евгения Онегина» в начале четвертой строфы («Они дорогой самой краткой Домой летят во весь опор») была допущена опечатка, потребовавшая при переиздании авторского объяснения: «В прежнем издании вместо *домой летят* напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю». Он мог бы добавить: «и по народному календарю». В «Онегине» описаны встречи на предзимнем и зимнем пути, причем их характер и последовательность согласуются с народным месяцесловом, с его приметами и предсказаниями, по большей части основанными на известной способности диких и домашних животных к «долгосрочному прогнозированию».

Особенно показательно в этом отношении поведение волка — ведь, по присловью, «не первую волку зиму зимовать». По народной примете, если волк в холода вышел из лесу, это не к добру («Волк под селением — к голоду, недороду»); указания и причина такого перемещения: «Голод и волка из лесу гонит» (В. И. Даль). В пушкинском романе: «Встает заря во мгле холодной; На нивах шум работ умолк; С своей волчихою голодной Выходит на дорогу волк». Из всех возможных эпитетов (в пушкинских сказках волк обычно *бурый*) предпочтение отдано этому — *голодный* (который, по правописанию пушкинской поры, в данном контексте может быть в равной мере отнесен и к волчихе, и к волку).

Из домашних животных больше других зависит от движения времен года гусь, связанный с переменчивой водной стихией и потому особенно чуткий к изменениям погоды. Отсюда зимние приметы: «Гусь лапу поднимает — к стуже», «Гусь стоит на одной ноге — к морозу». У Пушкина: «На красных лапках гусь тяжелый, Задумав плыть по лону вод, Ступает бережно на лед, Скользит и падает; веселый Мелькает, вьется первый снег...» Гусь *тяжелый* — уже это знак прихода зимы: к морозной поре гусь нагуливает

максимальный вес. По тому, как ступает гусь на ранний речной лед, в народе предсказывали погоду: если на Матренин день «гусь выйдет на лед, то будет еще плавать на воде» (Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде. М., 1991. С. 74). Речь, конечно, идет о гусе домашнем: Матренин день приходится на 9/22 ноября, а дикие гуси улетают обычно еще в сентябре, на Никиту Гусятника, или Никиту Гусе-пролет — 15/28 сентября.

В четвертой главе романа: «Гусей крикливых караван Тянулся в югу: приближалась Довольно скучная пора; Стоял ноябрь уж у двора». Следовательно, в год приезда Онегина в деревню гуси отлетали поздно, судя по всему — в октябре. По народным приметам, поздний отлет гусей обещает позднюю зиму: «Если гуси и журавли не спешат к отлету, стужа наступит не скоро и зима будет мягкой» (Там же. С. 108). В романе предсказание сбывается в следующей, пятой главе: «В тот год осенняя погода Стояла долго на дворе, Зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе На третье в ночь». (Примета: «Дневной снег не лежит, а первый надежный выпадает ночью».) Вряд ли такая мотивировка одного пейзажа другим была преднамеренной, скорее, это следствие того органического единства «образа мыслей и чувствований», которое существует между народом и его поэтом и способно вызвать соответствующий отклик в душе читателя. Сошлемся на свидетельство читателя чуткого и проникновенного: «Теперь не сверстники поэтов, Вся ширь проселков, меж и лех [Леха — полоса пашни, борозда] Рифмует с Лермонтовым лето И с Пушкиным гусей и снег» (Б. Л. Пастернак).

Волгоград

МИРО И МИРРА

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Эти слова схожи по значению и фонетическому облику, но различны по своему происхождению.

Слово *міро* старое, имевшее в древнерусском языке несколько значений: «1. Благовонное масло {...}. 2. Состав из растительного масла с разными ароматическими веществами, употребляемый в церковном обряде миропомазания {...} 3. Маслянистые вещества минерального происхождения, которым древние приписывали чудодейственные свойства» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975).

Слово *миро* встречается много раз в Библии: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня; ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возливши миро сие на Тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Евангелие от Матфея. 26.6—13).

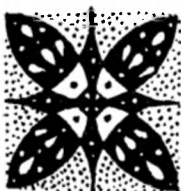
Слово *миро* заимствовано из греческого *μιρον* через старославянский (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). В древнегреческом слове *μιρον* имело значения: благовонное растительное масло, употреблявшееся для умащивания и изготовления благовонных мазей; благовонная мазь, благовоние. Этим словом называли место торговли благовониями, рынок благовоний. Древнегреческое *μιρον* восходит в свою очередь к индоевропейскому **smeru* — «сало, жир» (Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959).

Слово *міро* приводится многими словарями: «благовонное масло, пахучая масть или душистое маслянистое вещество. В церк. знач. вареное деревянное масло, с красным вином и благовониями, освящаемое в великий четверток для совершения таинства миропомазания. Они везде (попы все) одним миром мазаны. Миром покрыт (т. е. помазан), с миром заспит. Рогожцы в самоваре миро варили,

преданье о московск. рогожских раскольниках, чем их дразнят» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка); *миро* — «Благовонное масло, обычно употребляемое при христианских церковных обрядах {...} Надел я прежную порфиру, умастил миром волоса. Брюс. Я убежал от пышных брашен» (Словарь современного русского литературного языка. В 17 т.). Здесь же приводится выражение *одним миром мазаны* — «о людях с одинаковыми, обычно отрицательными свойствами {...} А попозже — помириться! — из своего угла сказал Семисадов. — Свой своему всегда кум... Все вы одним миром мазаны. Герман, Россия молод.». В Словаре Даля приводится словосочетание, наверное, непонятное современному читателю: *вареное деревянное масло*. Это низший сорт оливкового масла, не идущий в пищу; гарное масло.

В приведенных примерах из словарей встречается словосочетание *одним миром мазаны*, но без объяснения, толкования. А между тем оно тесно связано со словом *миро* и появилось на основе христианского обряда крещения, освящения людей маслом *миро*. Заключается этот обряд в смачивании миром лба, груди, глаз, ноздрей и ушей, а также рук и ног.

Теперь о слове *мирра*, которое попало в русский язык из греческого: *mirra* «африканско-аравийское дерево (*Balsamea Myrra*)». В свою очередь греческое *mirra* представляет собой заимствование из семитских языков: сравните еврейское *tōr* «горький», арамейское *mīra*. Сюда же восходит и греческое *smīrnā*, пришедшее в русский язык в форме *смирна* со значением «благовонная смола, употреблявшаяся для курений. В комнате слышался слегка запах розного ладана и смирны. Лесков. Смех и горе» (Словарь русского языка. В 4 т.). В Словаре современного русского литературного языка «*мирра* — ароматическая смола, добываемая из коры некоторых тропических деревьев; употребляется в медицине и парфюмерии, в древности употреблялась для приготовления благовонных масел, бальзамирования трупов. Тяжелое ожерелье из перлов и кораллов, оправленных золотом, на шее. Ее волосы увлажнены миррою. Н. Чернышевский, Что делать?». Так же называется и тропическое бальзамное дерево, дающее эту смолу. Здесь же дается устаревшая форма — *мирро*; приводится также и форма *мирр* — то же, что *мирра*.

ЗАПАНИБРАТА

М. В. ИВАНОВА,
кандидат филологических наук

Впервые *запанибрата*, по данным словарей, употребил И. А. Крылов в 1821 году в басне «Котел и Горшок»:

Хотя и познатней породу Котел,
Но в дружбе что за счет?
Котел горой за свата;
Горшок с Котлом запанибрата.

С этого времени слово *запанибрата* со значением «запросто, как с равным» вошло в русский литературный язык и стало широко использоваться. Его можно встретить у А. С. Пушкина в письме М. П. Погодину: «Борецкий (хоть и новгородец) с ним слишком запанибрата; так торговаться мог бы он разве с боярином Иоанна, а не с ним самим» (последние числа ноября 1830 года, Болдино); у Н. В. Гоголя в «Ревизоре»: «Горди и чий: Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами...»; у Глеба Успенского в «Очерках переходного времени»: «Учитель все больше и больше осваивался с чужими людьми, и чужие люди, в свою очередь, запанибрата сходились с ним» и т. д.

Это слово широко представлено в словарях. Его происхождением занимались этимологи и историки языка разных времен. Все они оказались единодушны в своих толкованиях.

Обратимся к словарям. Академический словарь 1902 года приводит наречию *запанибрата* польское соответствие — *panie bracie*, далее А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» в статье *панибрат* указывает на заимствование этого слова из польского *panie bracie* «приятель, короткий знакомый», отсюда и *запанибрата* «фамильярно». М. Фасмер в своем Этимологическом словаре также дает словарную статью на *панибрат*, там же *запанибрата*, и, со ссылкой на Преображенского, объясняет его как заимствование из польского *panie bracie* «приятель, короткий знакомый», уточняя форму польского выражения: звательный падеж

единственного числа. В «Этимологическом словаре русского языка» под ред. Н. М. Шанского (т. II. Вып. 6. 1975) приводится статья на слово *запанибрата*, где оно определяется как собственно русское, образованное лексико-синтаксическим способом путем сращения предлога *за* и винительного падежа от существительного *панибрат*, заимствованного из польского языка. Такое же объяснение происхождению этого слова дается в «Кратком этимологическом словаре русского языка» (М., 1975) и в «Беседах о русском слове» (М., 1976).

Итак, совершенно очевидно, что существует общепринятая этимология, по которой *запанибрата* образовалось на русской почве путем присоединения предлога *за* к ныне устаревшему существительному *панибрат*, которое в свою очередь являлось заимствованием польского *panie bracie* «приятель, короткий знакомый».

Однако в польском языке *pan brat* и, соответственно, звательная форма *panie bracie*, вовсе не «приятель», а ныне устаревшее вежливое обращение, употреблявшееся в среде шляхты (см. польские словари: *Mały słownik języka polskiego*, W., 1958; *Wielki słownik polsko-rosyjski*, II).

Вместе с тем значение польского фразеологизма *być z kimś za pan brat* полностью соответствует русскому «быть с кем-либо запанибрата». Это и указывает на то, что русское *запанибрата*, скорее всего, является заимствованием данного польского фразеологизма.

По-видимому, *за* первоначально в русском, как и в польском выступало в качестве предлога и писалось, соответственно, отдельно от *панибрата*, что и послужило появлению нового русского слова *панибрат* с семантикой, свойственной всему сочетанию. Такое толкование более достоверно, но и оно не решает всех вопросов.

А вопросы возникают следующие. Во-первых, почему польское *za pan brat* при заимствовании изменилось и приобрело другую форму — *запанибрата*? И если окончание *-а* объясняется восточнославянским восприятием предложного сочтения с одушевленным существительным (отсюда вин. -род. пад. после предлога *za*), то появление *-и-* в качестве соединительного гласного в этом сложном слове остается неясным. Во-вторых, *запанибрата* в этой же форме и с таким же значением фиксируется в украинском и в белорусском языках: укр. *запанібрата*, блр. *запанібрата*, т. е. оно представлено во всех восточнославянских языках, и, возможно, было заимствовано русским языком из польского через украинский. Настаивать на этом нельзя, т. к. украинские исторические и этимологические словари не дают по этой проблеме какого-либо объяснения. Но есть косвенные свидетельства в пользу этого утверждения.

Прежде всего в этом плане примечательным представляется тот факт, что В. И. Даль в своем Словаре в статье *Панибрат*, приводя пример: *Панибраты в кучку, а паниматки врозь*, дает помету *млрск.* (малороссийское, т. е. украинское) после *паниматки*, а не после

всего примера. И если учесть, что *panimatka* — польское вежливое обращение к матери (см. *Słownik języka polskiego*. W. 1908. Т. IV), а *паниматка* со значением «Мать, госпожа, матушка» (Гринченко Б. Д. Словарь української мови. 1909), то не вызывает сомнений, что *паниматка* заимствовано украинским языком из польского. При этом ни в русских, ни в белорусских словарях это слово не фиксируется (за исключением уже упомянутого примера из словаря Даля с пометой млрск.).

По-видимому, украинский язык заимствовал и польское выражение *za pan brat*, переоформив его по аналогии с заимствованным *паниматка*, т. е. вместо *пан брат* появилось *панибрат*. Возможно, что в этом *-и-* проявилось и указание на полонизм (ср. польск. *pani*, *panicz* и др.). И уже из украинского, с соответствующим переоформлением, *запанибрата* вошло в русский язык.

ФАНТ

И. А. КОРНИЛАЕВА,
кандидат филологических наук

Разыгрывайте жизнь, как фант.

А. Блок. *«В огне и холоде тревог...»*

Слово *фант* известно в русском языке с XVII века в значении «ценный предмет, могущий служить средством платежа», например: «Гасевской де обещал войску Литовскому заплатить за две четверти два кроть тысяч золотых грошми или фантами» (Вестовая отписка виленского воеводы кн. М. Шаховского, 1658 г.//Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. комиссиею. Т. 4. СПб., 1851); «у пьяной женщины не редко продается добродетель за наличныя деньги и фанты, а иногда и сама за любовь щедро награждает» (Новиков И. Похождение Ивана гостинаго сына... СПб., 1785).

Игра в фанты пришла в Россию с Запада. Первые сведения о ней в русских письменных памятниках датируются Петровской эпохой и относятся к царской семье: «играл Его Величество с Вытащи в шахматы и Ея Величество в фанты» (Юрнaлы и камер-фурьерские журналы... Вып. XX. Запись от 18 ноября 1714 г. СПб., 1854). Во 2-й половине XVIII века в фанты играли как при императорском дворе, так и в дворянской и мещанской среде, свидетельства чего находим в «Семена Порошина записках...» (СПб., 1881) о детских годах Павла I, в шуточной «Карманной книжке для приезжающих на зиму в Москву...» Н. Стрaхова (М., 1791), в анонимной пьесе «Смешное сборище, или мещанская комедия...» (Российский феатр... Ч. XXXVI. СПб., 1790). Часто упоминается игра в фанты и в литературе XIX века.

Помимо выражения *играть в фанты* источники фиксируют также свободное употребление слова *фант* в значениях «предмет для жеребьевки (в некоторых играх), по которому назначается какое-либо задание в качестве штрафа»; «задание, даваемое участнику игры в качестве штрафа»: «Как до балету фрейлины пришли несколько еще рано, то Его Высочество изволил играть с ними в

фанты. Ему по фанту досталось по комнате попрыгать; и без фантов не редко у нас это случается» («Семена Порошина записки...», январь 1765 г.); «Когда настанет время, как говорится, разыгрывать фанты, придумывайте поочередно, что тому делать, чей фант вынется?» (Страхов Н. Ук. соч.); «На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его; мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие. Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочитать одну из его басен» ([А. П. Керн] Воспоминания о Пушкине (Сообщено П. В. Анненковым))//Библиотека для чтения. Т. 154. СПб., 1859; в приведенном отрывке речь идет о первой встрече А. П. Керн и А. С. Пушкина в начале 1819 года); «Играли в „барыня прислала сто рублей“, в „мнения“ и еще в какую-то игру {...} Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительным и скучающим видом; девицы вовсе от них отказывались...» (Куприн А. И. Молох//Русское богатство. СПб., 1896, № 12).

Выражение играть в фанты, по всей видимости, явилось калькой с немецкого *um Pfänder spielen*. В русском языке ко времени появления этой игры было уже слово *фант* в значении «залог, заклад, ценный предмет, могущий выступать в качестве платежного средства» — заимствование из польского *fant*, в свою очередь восходящего к средневерхненемецкому *pfant*, новонемецкому *Pfand* (Stawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—1956). Поскольку указанное значение русского *фант* и первичное значение немецкого *Pfand* совпадали, форма *фанты* и была использована при калькировании для передачи немецкого множественного *Pfänder*. Могло сказаться здесь также влияние польского *grać w fanty*, но в XVIII веке оно едва ли было решающим. На немецкий источник однозначно указывают sporadicheskie варианты *фанд*, *в фанды играть* в «Полном французском и российском лексиконе ...» (СПб., 1786).

Что касается слова *фант* в значении «предмет в игре в фанты», то оно могло быть вычленено из словосочетания *играть в фанты* или же явиться вторичным заимствованием из немецкого *Pfand*, претерпевшего семантическую эволюцию «предмет, отдаваемый проштрафившимся участником игры в фанты для последующего выкупа путем выполнения назначенного играющими задания» <«денежная сумма или ценный предмет, выступающие в качестве залога в играх» <«залог, заклад» (все эти стадии отражены в Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1889).

В русских письменных источниках второй половины XVIII — первой половины XIX веков игра в фанты неоднократно фигурирует как святочная (периода от Рождества Христова до Крещения Господня, то есть с 25 декабря по 6 января по старому стилю). Наиболее

показательны в этом отношении лексикографические данные: «Фант, нем. Залог, заклад; известная игра, в которую играют по вечерам наипаче во время Рождественских святок» (Яновский Н. Новый словотолкователь. СПб., 1806); «Фант, а, с. м. Нем. Собственно значит: залог, заклад, так называется игра, в которую играют по вечерам во время святок» (Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822); «Фант, а, с. м. Залог или заклад в святочной игре» (Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847). Очевидно, с некоторых пор, но не изначально (напомним, что пример «первой фиксации» датируется ноябрем), в русском обществе эта забава стала рассматриваться как аналог народных святочных развлечений: «У простаго народа настали игрищи и святошныя сборищи, а для вас настали вечеринки. Музыка и танцевание должны сопровождать сии веселости. Играйте в фанты...» (Страхов Н. Ук. соч.; далее упоминается игра в жмурки и т. д. вплоть до подблюдных песен). По приводимому далее отрывку из статьи Н. Львова «О руском народном пении» вполне можно судить об элементах общности салонной игры в фанты со святочными гаданиями «на блюде»: «Святошныя и подблюдныя наши песни более еще доказывают, что мы в народном пении много заимствовали от Греков. Старинная Греческая игра и песня по ныне еще известная под именем Клидона (...) есть тоже самое что у нас подблюдныя песни. Клидона у Греков состояла в некотором прорицательстве будущего счастливаго или несчастнаго в женидьбе или любви события: Собравшиися Гречанки клали в сосуд каждая свое кольцо, перстень или какую нибудь монету, которая по том вынимали под песни и при какой чей перстень вынется то и збудется. Мы тоже самое делаем когда поем подблюдныя песни, с тою только разницею, что в Греции кладут залогов в сосуд водою наполненный, а у нас в покрытое блюдо» (Собрание Народных Руских Песен с их голосами... СПб., 1790). Отметим особо терминологическое сходство: предмет для жеребьевки в народной обрядовой игре назван Львовым *залогом*.

РЕПРЕССИРОВАННАЯ ЛИНГВИСТИКА

*Эр. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук*

Тоталитаризм и языкознание. На эту тему одна за другой с небольшим интервалом появились две книги: «В начале было слово...» М. В. Горбаневского и «История одного мифа» В. М. Алпатова (М., 1991).

Тема эта пересекается с двумя другими — тоталитаризм и наука и тоталитаризм и интеллигенция. Запрещались неугодные научные направления и идеи, разгонялись научные школы. Репрессировались или подвергались гонениям, шельмованию, награждению «волчьими билетами» (а значит невозможностью работать по специальности) люди науки. Однако зачастую ученые испытывали все это не из-за принадлежности к определенной научной школе, какому-нибудь «не тому» направлению в науке или приверженности «сомнительной» идее. А просто оттого, что принадлежали к интеллигенции в пору ее «отстрела», который начался раньше раскрестьянивания страны. И тут ученый страдал рядом с инженером, поэтом, писателем, артистом, режиссером, музыкантом.

Сочинялись мифические партии, группы, которые эти люди якобы создавали или в которые входили. Либо требовались «живые люди» — носители «антиобщественных» настроений, тенденций, против которых затевалась очередная громкая пропагандистская кампания. Например, ученик академика А. А. Шахматова выдающийся филолог В. В. Виноградов был арестован по так называемому «делу славистов» (его участникам инкриминировался «монархический заговор»). Спустя 13 лет — в 1947 г., он, уже будучи академиком, подвергся публичному многотиражному заушанию — разворачивалась кампания «борьбы с преклонением перед иностранщиной» и полным ходом шла кампания «борьбы с безыдейностью и аполитичностью», начатая «душным летом» 1946 года.

Великий языковед Е. Д. Поливанов, открыто выступивший против входившего в силу марризма, на себе познал, какими возможностями располагает нарождающаяся марровщина — режим, беспрепятственно устанавливающийся в языкознании апологетами и оруженосцами Н. Я. Марра. Е. Д. Поливанову приписывали даже членство в «Союзе русского народа» (что было заведомой ложью), великодержавный шовинизм (что было столь же мерзко и лживо) и т. п., то есть подшивали «политическую подкладку» к научным аргументам ученого. Он лишился возможности жить, работать и печататься в

Москве и Ленинграде, уехал в Среднюю Азию. Через восемь лет его арестовали, скоротечно судили и расстреляли не как противника марризма, а как «японского шпиона». Гребень репрессий тоталитаризма был частым, с зубьями в два ряда: если не цеплял один, это делал другой.

М. Горбаневский и В. Алпатов представили в своих книгах только один фрагмент из истории советского языкознания, связанный с именем Н. Я. Марра. Авторы предлагают читателю очерк марризма («нового учения о языке») — направления, захватившего господство в советском языкознании с конца 20-х годов и удерживавшего его вплоть до выступления Сталина в языковедческой дискуссии в июне 1950 года. Они рисуют портреты Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, эскизные наброски марристов (тех, кто в той или иной степени пытался следовать идеям марризма) и марровцев (людей, делавших на марризме карьеру, создателей марровщины). Марровщину часто и справедливо сравнивают с лысенковщиной. И то и другое — порождение тоталитаризма, атмосферы террора и посеянного им страха, торжества воинствующего, нахрапистого невежества. И там и тут на первых порах орудуют особенно активно непрофессионалы-универсалы: за марризм горой стоят юрист А. Г. Башинджагян, преподаватель истории из педтехникума С. Н. Быковский и врач В. Б. Аптекер. У Лысенко их всех заменяет геростратовски известный Презент. Исчезнувших в годы ежовщины (своя своих не познаша) трех названных марровцев заменяют два других, не менее оголтелых, — языковеды Г. П. Сердюченко и Ф. П. Филин. Этим суждено будет присутствовать при кончине марризма, но одному из них — Ф. П. Филину, как это показано в обеих книгах, еще пригодятся навыки, приобретенные во времена марровщины.

Марр полагал, что им создано «новое учение о языке». Напомню кратко некоторые из его основных положений. Язык — надстроечное явление, как «искусство и вообще искусство». Нет неклассового языка, а потому Марр не признавал существования национального (общенационального) языка. Первоначально люди объяснялись жестами («кинетический язык»). Сперва звуковая речь состояла всего из четырех элементов (*сал, бер, йон, рош* — эти звуковые комплексы Марр почерпнул из названий средиземноморских племен). Роль овладевших звуковой речью была такой же, как роль грамотных. Звуковой язык служил тогда «орудием власти», классового господства. При этом Марра не смущал факт отсутствия классов в первобытном обществе. Упомянутые четыре элемента появились в итоге «эволюции трудового процесса», который был магией («трудмагическая теория» происхождения языка). Утверждалось, что в словах всех языков есть эти элементы. Не признавалось родство языков, отвергалась идея праязыка. Пропагандировалась идея иерархии языков: все языки

располагались на четырех ступенях (стадиях): на низшей — языки типа китайского, на высшей — семитские и индоевропейские.

В. М. Алпатов говорит, что критика «нового учения о языке» — задача, доступная человеку с филологическим образованием. Но возникает вопрос: «Если учение столь явно плохо, почему именно оно в течение двух десятилетий было принятой догмой в советском языкознании?» Контраст между научной слабостью этого учения и силой его влияния так разителен, что требует пояснений. В. М. Алпатов отмечает, что лишь недавно появились публикации (главным образом, за рубежом), где история марризма связывается с историей советского общества. Автор не считает марризм (как систему взглядов) неизбежным порождением советского общества: многие идеи Марра возникли до революции. Но, конечно, «новое учение о языке» было «очень удобным для превращения в господствующую догму в сталинский период». В. Алпатов цитирует справедливое замечание профессора В. Звягинцева: «Феномен марризма был далеко не единственным явлением, а одним из составляющих культа единой руководящей и господствующей идеологической доктрины».

Несомненно, в насаждении «нового учения о языке» свое дело сделали разного рода репрессии. Однако, как пишет В. Алпатов, опираясь на факты, было бы упрощением сводить все к ним. «Не вызывает сомнения искреннее увлечение многих, зачастую одаренных людей этим учением и личностью его создателя. Популярность идей Марра (...) была значительной уже в начале 20-х годов; еще большей она стала с формированием „нового учения“ (...) Но это не была притягательность научной теории, которая, кстати, и не могла бы обеспечить столь массовый успех. Это была притягательность мифа» (с. 33). Автор напоминает, что в каждом мифе есть что-то от реальности. В марровском мифе реальным был авторитет выдающегося знатока кавказских языков, завоеванный создателем «нового учения» еще до появления этого учения. Другой реальностью был кризис лингвистики.

Рождению и бытованию мифа способствовало мнение людей авторитетных в своей области деятельности. Это А. В. Луначарский, историк М. Н. Покровский, поэт В. Я. Брюсов, академики В. М. Алексеев (китаист), И. Ю. Крачковский (арабист), С. Ф. Ольденбург (тогда главный ученый секретарь АН), А. П. Карпинский (тогдашний президент АН), А. Ф. Иоффе (физик). «Им,— замечает В. Алпатов,— в той или иной мере импонировала незаурядная личность Марра, казались интересными широта его знаний, глобальность и внешняя революционность его идей» (с. 54). Вместе с этими людьми на миф работала и группа ученых, принадлежавших к смежным с лингвистикой наукам,— философ академик А. М. Деборин, историк древнего мира С. А. Ковалев, литературовед М. С. Альтман, археолог Б. Л. Богачевский,— и пытавшихся использовать марровские идеи в своей ра-

боте. «...Марру верили не только из-за обаяния его личности или из-за чисто научного недовольства лингвистической традицией. Важнейшую роль играла созвучность идей Марра эпохе», — констатирует В. Алпатов (с. 58). Среди этих идей — идеи надстроечности языка (как и мышления) и его классовости, идея единого языка будущего «в коммунистическом бесклассовом обществе», идея неприятия до-революционной лингвистики и осторожного отношения к западному языкознанию как к буржуазной науке.

Идеологизации и политизации наук в тоталитарном обществе, требованию их партийности марризм соответствовал полностью. Академик Деборин назвал Марра «творцом новой науки, заказанной пролетариатом». М. Н. Покровский заявил, что если бы Энгельс был жив, теорией Марра занимался бы каждый комвузовец, так как она «вошла в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры». А Бухарин о теории Марра выразился так: «...она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжкими гириями на ногах этой дисциплины». На Всесоюзной конференции историков-марксистов, выступая вслед за Покровским, В. Фриче дал такую оценку идеям Марра: «На всем этом материалистическом и диалектическом построении явно лежит отблеск коммунистического идеала». В. Алпатов обращает внимание на то, что до Марра язык и мышление относил к надстройке над базисом еще Бухарин в 1921 году в учебнике «Теория исторического материализма»: «С мышлением и языком происходит в дальнейшем то же самое, что и с остальными идеологическими надстройками. Они развиваются под влиянием производительных сил».

Не могу удержаться и не привести от себя как яркий пример «ушибленности» идеологизацией даже серьезных ученых то, что утверждал в предисловии к советскому изданию Словаря В. Даля языковед А. Сухотин в 1935 году: «Лексикография — не беспристрастная регистрация бытующих в языке слов и их значений, а такая же идеологическая наука, как и всякая другая».

Оба автора — В. М. Алпатов и М. В. Горбаневский — опираются на солидный фактический материал: книги, статьи, стенограммы, архивные документы, воспоминания. Этот материал дает достаточное представление о том, как марровцы внедряли в науку и в преподавание марризм и «вынедряли» из нее, а нередко и из жизни противников марризма или просто несогласных с ним. Я хочу дополнить их рассказ случаем с доцентом Литературного института В. Д. Левиным. Это было в 1949 году. За несогласие с некоторыми положениями марризма и непризнание оригинальности ленинского высказывания «язык есть важнейшее средство человеческого общения» Левина исключили из партии и по указанию райкома уволили с работы. В 1949 году еврей с таким биографическим «довеском»

не мог больше и мечтать о преподавании. Надо отдать должное директору института. «Вы боритесь,— сказал он Левину,— а место вам я сохраню». И вот персональное дело Левина рассматривается на парткомиссии горкома. Левин вспоминал, что, увидев председательствующего, он подумал, что все кончено: во главе стола сидел человек с лицом и обликом пожилого рабочего. «Как он будет разбираться в филологических тонкостях?» Представители райкома изложили дело. После этого между председательствующим и райкомовцами состоялся такой диалог:

— А что — существует постановление партсъезда о теории товарища Марра? — справился председатель.

— Нет.

— Может быть, есть решения партконференций, пленумов ЦК, постановление ЦК об учении товарища Марра?

— Нет.

— Товарищ Марр ученый?

— Да.

— А товарищ Левин ученый?

— Да.

— Значит, ученый с ученым спорит, а вы его за это из партии и с работы? В партии и на работе восстановить. А вам, товарищ Левин, не следует так отзываться о сказанном Владимиром Ильичом.»

Левин отделался тогда выговором. Много лет спустя в Институте русского языка АН, на время превращенном усилиями упомянутого Филина и его приспешников в заповедник марровщины без марризма, доктор наук и профессор Левин был исключен из партии, уволен с работы и в 1975 г. вынужден был покинуть СССР. За что? На этот раз за то, что, будучи председателем месткома, на профсоюзном собрании высказался за право сотрудника института Ю. Апресяна (ныне академика Российской АН) защищать докторскую диссертацию (Апресян подписал два неугодных властям письма).

В обеих книгах обсуждаются предположения видных деятелей о причинах, побудивших Сталина организовать знаменитую языковедческую дискуссию 1950 года и участвовать в ней. Здесь и высказывания А. И. Солженицына («В круге первом»), и Н. С. Хрущева — в его мемуарах, и гипотезы зарубежных коллег. Оба автора рассматривают также различные оценки дискуссии и того, что было после. Касаясь дискуссии и связанных с ней выступлений Сталина в печати, оба автора четко отделяют субъективное (намерения, цели участников) и объективное (то, что получилось независимо от этих намерений и целей). В. Алпатов пишет: «Естественное для наших дней осуждение личности и поступков Сталина нередко ведет к упрощенным оценкам (...) Ненормальным было само положение, когда один человек, не закончивший даже семинарии, решал судьбы любой науки. Но конкретный результат его вмешательства в язы-

кознании стал иным, чем в биологии (...) Двадцатилетнее господство „нового учения о языке“ соответствовало тому, что происходило в других науках под сталинским руководством. Тем не менее теперь Сталин считал нужным осудить то, чему сам долгие годы способствовал, хотя бы косвенно. 20 июня 1950 г. марровский миф был в одночасье развеян. Целью вождя, скорее всего, не было оздоровление ситуации в советском языкознании, но объективно это произошло: одним махом были разрешены проблемы, которые иначе бы решались с большим трудом еще долгие годы. (...) Позитивная сторона работы Сталина была в том, что стало возможным возвращение к той лингвистике, которая существовала до победы „нового учения о языке“. Были сняты, наконец, хотя и не полностью, запреты (...) прежде всего на изучение родственных языков (...) Летом и осенью 1950 г. безусловно искреннее ликование охватило многих языковедов, как противников марризма, так и тех, кто раньше словесно его признавал. Все ученые-немарристы, преследовавшиеся в 1948—1950 гг., получили возможность нормально работать, уволенные были возвращены на прежние места или получили новые назначения...» (с. 182, 183, 184, 189, 193). Кстати, против упрощенного подхода к тому, что произошло в мае — июне 1950 г., против неразличения в событии объективного и субъективного выступили в статье «Вновь в плену мифов» (ЛГ. 1992. № 5) профессор Л. Касаткин и писатель Н. Ильина.

Думаю, что организация дискуссии и участие в ней Сталина — многоцелевая акция. И важнейшая цель, о которой среди прочих упоминается в обеих книгах, — тактическая: «...решение о проведении такой удивительно демократической по тем временам дискуссии вполне могло быть своеобразным тактическим ходом Сталина при неизменности общей стратегической линии на подавление любого инакомыслия (...) Причем дискуссия могла быть ему нужна для достижения политического эффекта не только внутри страны» (Горбаневский, с. 144). «Не исключено, что после четырех лет идеологического „закручивания гаек“ Сталин решил, что пора давать отбой, наказав (по меркам того времени не очень сильно) в виде примера тех, кто со слишком большим рвением выполнял его директивы» (Алпатов, с. 187).

Лицемерие и цинизм Сталина беспримерны. Выступив против «аракчеевского режима в языкознании», утверждая, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», упомянув о «замкнутой группе непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать», он, установивший по всей стране режим, хуже аракчеевского, удушивший борьбу мнений и свободу критики, самовольничавший и бесчинствовавший

вместе со своей кликой, он фарисействовал так же, как и в прежние годы.

Конечно, разгром марризма сопровождался неизбежными при тоталитаризме крайностями, хотя они не идут ни в какое сравнение с теми, к которым прибегали во времена марровщины, лысенковщины. Нынешнему, «непоротому» поколению лингвистов трудно ощутить эту разницу. Эти перегибы касались не только людей (особенно не повезло крупному лингвисту Н. Ф. Яковлеву, в последискуссионной судьбе которого злую роль сыграл марровец Г. Сердюченко). Это коснулось и самого языкознания. Содержание работ Сталина было объявлено «сталинским учением о языке». Все его положения превращались в догмы. Стоило Сталину покритиковать марризм за увлечение семантикой, как от ее проблем стали шарахаться и на время прекратили ею заниматься. Стала признаваться научной только генетическая классификация языков (т. е. по их родству, происхождению) и ставились под сомнение типологические классификации языков (т. е. по грамматическому строю). Стоило Сталину отвергнуть марровскую идею образования языков скрещением в виде «революционного взрыва», идею всеобщего скрещения, как лингвисты уже не решались признать возникновение новых языков, так называемых креольских, путем скрещения. Сказал Сталин, что диалекты исчезают — и министерство просвещения сокращает курс диалектологии вдвое: вместо 36 часов — 18 (а Шолохов вносит 1200 поправок в первый том «Поднятой целины», снимая в основном диалектизмы).

Книги, о которых я веду здесь речь, знакомят лингвистов и лингвистическую молодежь с ходом советского языкознания по мукам. Помогают понять и, может, даже почувствовать, каково было науке в условиях тоталитарного режима.

По страницам нового учебника русского языка *

Из раздела «Фонетика»

§ 50. Слабые позиции по глухости — звонкости

Их три:

- на конце слова;
- перед шумными глухими;
- перед шумными звонкими (кроме [в], [в']).

Обратите внимание: в слабых позициях бывают только шумные согласные. Сонорные согласные

<м — м' — н — н' — л — л' — р — р' — j>

не бывают в слабых позициях по глухости — звонкости.

Упр. Подумайте: почему?

Также в слабых позициях (по глухости — звонкости) не бывают <ч>, <ц> и <х>.

Упр. *Прут — пруд, молот — молод, сток — стог, лес — лез, нош (род. п. мн. ч.) — нож, кос — коз, грипп — гриб, групп (род. п. мн. ч.) — груб.* Эти слова по звучанию совпадают. Как проверить, какой согласный надо писать? В какой позиции здесь совпадают глухие и звонкие согласные звуки?

Упр. Рифмы Лермонтова:

Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска поднимется вдруг.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

* Продолжение. См. Русская речь. 1993. №№ 2, 3, 4.

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет...

Докажите, что все рифмы точные, то есть последние согласные звуки совпадают.

Упр. Как вы проверите правописание слов *изморозь* и *изморось* в данных предложениях: *Деревья окутала белая изморозь. Дождя не было, но с неба сыпалась редкая, почти невидимая глазу изморось.*

Упр. Как вы проверите правописание конечных согласных в словах *ляг, страх, он курнос и рыж, капало с крыш, длинный хвост, много звезд?*

Упр. Какие звуки произносятся в конце данных слов? Докажите, что писать надо буквы звонких согласных.

Перевод, улов, уютюг, лесоруб, образ, поставь, прогладь, лошадь, ослабь, умножь, приблизь.

Образец рассуждения: в форме *готовь* согласный [ф'] стоит в конце слова. Это глухой согласный. В конце слова не различаются глухие и звонкие. Значит, согласный надо проверить. В формах *готовь* и *готовить* — один и тот же корень, перед гласным произносится [в']: *готовить*. Значит, и в форме *готовь* надо писать букву *В*.

Упр. Докажите, что согласный [с] в словах *краска* и *замазка* надо проверить. Как его следует проверять?

Упр. *Кадка — кадок, книжка — книжек ...* Найдите другие слова, в которых есть (в конце основы) сочетание согласных и оно проверяется формой родительного падежа множественного числа.

Лодка, насмешка, отметка, ножка, сказка, подвески, пробка, тропка.

Упр. *Замазка, березка, абхазка, нагрузка, узко ...* припомните другие слова, где сочетание звуков [ск] соответствует буквосочетанию [зк] и притом возможна проверка *З*. Кто вспомнит таких слов больше всего?

Упр. Как проверить первый глухой в сочетаниях согласных? Проведите как можно больше разных проверок. Кто приведет больше всех?

Березка, намажьте, приготовься, катушка, продрогший, грызть, замерзший, лезть, шведка, кавказский, ленинградский.

Образец: *березка — березок, березовый, береза, подберезовик, березняк.*

Упр. *Вперемешку* — «смешанно, в беспорядке»: «*Березы и сосны росли в этом лесу вперемешку. Вперемежку* — «перемежаясь, попеременно следуя друг за другом»: *У зебры черные и белые полосы идут вперемежку.*

Придумайте с этими наречиями такие предложения. чтобы по

смыслу было ясно, какое именно наречие требуется. Скажите, как в каждом случае должно писаться это наречие.

Упр. Рифмы *сторожка* — *крошка*, *тележка* — *спешка* -- точные. Они показывают, что [ж] заменяется глухим [ш] перед глухим согласным (ср.: *сторожу*, *сторожек*, *тележек*). Только поэтому и получается полное совпадение рифм. Подберите рифмы такого же типа, показывающие мену согласных (звонких на глухие).

Упр. В стихах М. Ю. Лермонтова есть такие точные рифмы: *шутки* — *предрассудки*, *ласки* — *развязки*, *бумажки* — *Сашки*, *будки* — *сутки*, *доски* — *березки*, *соседке* — *клетке*, *пренизко* — *записка*, *тетрадка* — *перчатка*, *краски* — *глазки*.

О каких менах говорят эти рифмы?

Возьмите стихи какого-нибудь поэта (у которого преобладают точные рифмы) и найдите несколько рифм такого же типа.

Упр. В некоторых случаях можно проверить, какая фонема, но проверочная форма употребляется редко; ее можно не вспомнить или вспомнить неверно.

Вот примеры таких слов: *варежка* — *варежек*, *лодыжка* — *лодыжек*, *кочерыжка* — *кочерыжек*, *копчушка* — *копчушек*, *деревяшка* — *деревяшек*, *матрешка* — *матрешек*.

Придумайте предложения, где бы встречались приведенные выше слова в родительном падеже множественного числа. Правильно их произнесите и запишите.

Упр. Шуточная загадка:

Шла по мосту старушка,
Держала в руке копчушку.
Если по мосту пойдут пять старушек,
сколько они будут держать копчушек?

Почему эту шуточную загадку неплохо было бы запомнить?

Упр. Забрался в малину
медведь-сладкосжка.
В малинник
Протоптана
Узкая стежка.
И каждую ночь
Он по этой дорожке
Уходит туда
посластиться немножко.

(Володя Иванов, 11 лет)

В каких словах фонема <ж> находится в слабой позиции? Как ее проверить?

Упр. Произносится: *просьба* — *про[з']ба*, *намажьте* — *на-ма[ш]те*, *отрежь* — *отре[ш]*, *сделать* — *[з']делать*, *пирог* — *пи-ро[к]*, *тягчайший* — *тя[к]чайший* (ср.: *тягость*, *тяготиться*),

рыбка — *ры* [п] *ка*, *пять стреко* [с], *законопа* [д'] же эти щели. Чем обусловлено такое произношение согласных? Для каждого случая сделайте проверку (т. е. найдите положение, где этот согласный находится перед гласным).

Упр. *Косьба, резьба, ходьба, молотья, городья, просьба, пастья* ... Произносится везде сочетание: звонкий шумный + [б]. А какие фонемы?

Упр. Произнесите глаголы: *откусить, подтащить, подбросить, вбить, сделать, втирать, надгрызть, сколачивать, предзнаменовать, предписать, отбежать, надпиливать* ...

Определите, какие согласные произносятся в конце приставок. Докажите, что здесь все они — в слабых позициях. Как установить их фонемную суть?

Образец рассуждения: В слове [п'тп'исат'] в сочетании [тп'] представлен согласный [т], глухой перед глухим [п']. Но в той же приставке звучит [д], если после нее следует гласный: *подучить, подозвать, подрезать*. Следовательно, здесь фонема <д>.

Упр. Подберите глаголы, в которых после приставки *от-* следуют:

- а) глухие шумные согласные,
- б) звонкие шумные согласные,
- в) гласные или сонорные.

Что произносится в каждом из этих трех случаев? Что пишется?

Фонемы, позиционно чередуясь, совпадают — попадают в слабые позиции. Здесь-то и возможна ошибка. Если чередование непозиционно, ошибок не бывает.

Например: *наточу косу — кошу траву*. Чередуется [с] — [ш]. Позиционно? Нет. Оба согласные — перед [у], в одной позиции. А позиционное чередование возможно только тогда, когда позиции разные. Одна позиция допускает такой-то звук, а другая позиция требует другого. Вот звук и меняется! Позиция велит. Получается позиционное чередование.

А если позиция одна и та же (перед [у]), то чередование нельзя считать позиционным.

Возьмем другой пример: *у меня нет острой косы — кошу траву*. Здесь позиции разные: перед [ы] — согласный [с], перед [у] — согласный [ш].

Но и такое чередование — не позиционно. Докажем это.

Если чередование позиционно, то согласный [с], находящийся перед [ы], должен во всех словах перед [у] меняться на [ш]. Но в нашем случае этого нет: *носы — на носу, росы — росу, весы — на весу, лисы — лису, босыми ногами — босую ногу* ... Нет, звук [у] вовсе не требует, чтобы согласный [с] менялся на [ш]. Это чередование — [с] — [ш] непозиционное.

Упр. Докажите, что чередование [т'] — [ч'] (*катить* — *качу*) тоже непозиционное. (Помогут ли вам при этом слова *Катю*, *тётю*, *тютелька* в *тютельку*?)

§ 51. Слабые позиции и орфографические ошибки

Ошибки на письме могут быть там, где позиция для фонемы слабая.

Кстати: ошибку надо отличать от описки. Если ученик в тетради написал: «Я живу в номе номер пять», то, перечитав внимательно (буква за буквой) написанное, он сам исправит: «в доме номер пять».

Кто много делает описок, тот должен воспитывать у себя внимательность, сосредоточенность.

Ошибку, если не знаешь правила, самому заметить нельзя. Надо изучить правила и потом уже сознательно исправлять.

Мы установили, что чередование [с] — [ш] — непозиционное. И именно поэтому оно не грозит никакой ошибкой в письме. Если человек, знающий русский язык, вместо *я кошу траву* напишет *я косу траву*, то это описка, и сам написавший, при внимательном чтении, ее исправит.

Итак, только позиционные чередования в слабых позициях могут привести к ошибке.

Упр. Вова Бутузов написал: «Он ударил в медный тас!»

После этого он несколько раз перечитал написанное, очень внимательно, но не заметил ошибки. Что же, он ослеп, бедняга, что ли? Нет. А почему не заметил?

Упр. Вспрюшкин — такая фамилия была у одного человека. Сколько ошибок можно сделать в этой фамилии? В каких буквах можно ошибиться? Передают ли эти буквы фонемы в слабых позициях?

Упр. Дети все-таки по-прежнему бегали, играли в прятки, и Полупушённый решил привлечь их к более разумному препровождению времени. Написал (очень торопился) плакатик и вывесил: «Для детей младших классов. Полупушённый прочтет доклад о штутгатурке». Дети кричат: «Не так написано, не так!»

Перечитал Полупушённый, покачал головой и самокритично сказал: «Ты совсем забыл орфографию, Иван Семенович! Стыдно! Сегодня же садись перечитывать весь учебник правописания!» И сел перечитывать все правила. Поможет или нет?

Упр. Дано слово *дом*. Сделайте в нем ошибку! Не описку, а ошибку. Не можете сделать ошибку? Почему?

§ 52. Сильные позиции по глухости — звонкости

Их тоже три:

перед гласными;
перед сонорными;
перед [в] и [в'].

Докажем, что это позиции сильные. Сравним: *том* — *дом*; *там* — *дам*; *суп* — *зуб*; *сыпь* — *зыбь*. Видно, что перед гласными могут быть и глухие, и звонкие. Они различаются, не совпадают друг с другом. А это и значит, что позиция сильная.

Сравним: *не смей* — *змея*; *кнут* — *гнут*; *сливший* — *зливший*; *флага* — *влага*; *слой* — *злой*; *прыг* — *брык*. Видно, что перед сонорными могут быть и глухие, и звонкие. Они, глухие и звонкие, здесь различаются, не совпадают — позиция сильная.

Сравним: *твоих* — *двоих*; *Тверь* — *дверь*; *сверь* — *зверь*; *Квёшин* — *Гвёшин* (две разные фамилии). И здесь перед [в], [в'] нет совпадения глухих и звонких — позиция сильная.

Упр. Сравните.

Там — дам, суд — зуд, кружить — крушить, сажа — Саша, фон — вон, дрофа — дрова, бахнуть — пахнуть, слой — злой, слить — злить, попьём — побьём, смеяться — змеяться, икра — игра.

Слова попарно отличаются только звонкими и глухими согласными. В каких позициях? Перед какими звуками?

Упр. Звонкие и глухие различаются перед гласными: *пить* — *бить* (различаются [п'] — [б'] перед [и]), *строфа* — *острова*, *шар* — *жарко*, *строка* — *рога* (различаются [ф] — [в], [ш] — [ж], [к] — [г] перед [а]), *дело* — *тело* (различаются [т'] — [д'] перед [э]); перед сонорными: *слить* — *злить*, *скрести* — *грести*.

Придумайте свои примеры, показывающие, что перед гласными и сонорными глухие и звонкие различаются.

Упр. Перед звонкими шумными согласными не различаются звонкие и глухие согласные. Исключение: перед [в], [в'] они, наоборот, различаются: *свой* — *звон*, *твой* — *двое* и т. д.

Приведите свои примеры, в которых перед [в] или [в'] представлены в одном слове глухой, в другом — парный звонкий.

Упр. В тетрадке написано:

бес приятеля,
без Оли,
бес них.

Где здесь описка? Где ошибка?

Упр. Вова Бутузов поссорился с Настей Кувшинниковой. Неделю не разговаривали. Как-то на перемене бегает он, громко хохочет, ловкий, смелый, а Настя на него даже не смотрит. А если смотрит — то сквозь Вову, будто он стекло.

Тогда Вова решил действовать решительно. Он сел рядом с Настей и серьезно ей говорит:

— Настя, помоги мне. А то я совсем пропаду!

— Что с тобой, Вова? — забеспокоилась Настя.

— Я скоро совсем оглохну. Уже сейчас плохо слышу. Или не так, как надо. Мама вчера на целый день уезжала, оставила мне лапшу и компот. «Ешь», — говорит, — «вперемежку», чтобы я то лапшу

сл, то компот, их, значит, перемежая. А я не расслышал. Будто мне в уши кто вату засунул! Думал, она сказала: вперемешку. Смешал лапшу с компотом... и ел! Невкусно. Я думал — мама так велела. Что теперь делать, Настя?

— Раньше ты хорошо слышал? *Вперемежку — перемежаясь и вперемешку — перемешав* на слух ты различал?

— Раньше-то да. А вот теперь нет!

— Ну, и выдумщик ты, Вова,— засмеялась Настя. Но больше на него уже не сердилась.

Конечно, она догадалась, что Вова на самом деле не смешивал лапшу и компот. А может быть, была и другая причина, почему она Вову назвала выдумщиком?

Упр. Вова рассказывает Насте:

— Экзаменатор попался строгий, спрашивает меня: звук [н] — сонорный или шумный? Я-то ведь это знаю, да забыл от волнения! И вдруг припомнилась мне песенка, а в ней рифма: нужно — ску[ш]но.

Но ведь там пишется-то Ч! СкуЧно! — сказала Настя.

— Я знаю. Я не про письмо говорю. Песенку вспомнил, и сразу ответ — бах: [н], говорю, без всякого сомнения — сонорный. Получил за весь ответ «5».

— Ты рассуждал плохо. Если есть какая-то песенка, с рифмами, то, значит, *н* — сонорный? Сознайся, логики нет,— сказала Настя.

— А вот есть,— сказал Вова.

— А вот нет,— сказала Настя.

Кто прав?

§ 53. Правописание глухих и звонких

Произносится *Де[т] Моро[с], подарки Де[д]а Моро[з]а*. Звуки меняются: [т] и [д] в слове *Дед*, [с] и [з] в слове *Мороз*. Почему же пишется буква Д, а буква Т не пишется в слове *Дед*? Почему и в слове *Моро[с], Моро[з]а* пишется одна и та же буква З, хотя звуки разные?

Ответ такой: потому, что буквы обозначают не звуки, а фонемы.

Об орфографических воззрениях А. И. Солженицына

А. Д. ШМЕЛЕВ,
кандидат филологических наук

Почти все публикации произведений А. И. Солженицына в нашей стране предваряются уведомлением, что издатели сохраняют особенности авторской орфографии и пунктуации. В чем состоят эти особенности, можно заметить не сразу (бросается в глаза лишь «ё» вместо «о» в слове *девчонка*), а о том, чем эти особенности обусловлены, читателю оставалось только гадать. Но вот теперь «Русская речь» пришла на помощь заинтригованным читателям, опубликовав в № 2 за 1993 г. статью Солженицына «Некоторые грамматические соображения», ранее напечатанную в 10 томе Собрания сочинений, но оставшуюся почти незамеченной специалистами по орфографии. Между тем эта статья содержит ряд положений, на которые поучительно было бы обратить внимание. Так что публикация в «Русской речи» — хороший повод обсудить орфографические воззрения Солженицына.

Когда Солженицын в действующих правилах обнаруживает «неясности или недостатки», когда он приводит причины, побудившие его выбрать то или иное написание, то можно заметить, что принимаемые им решения большей частью вытекают из двух мотивов: представления о культурной значимости установившихся орфографических традиций и отношения к письменной речи как к средству дифференциации смысла. Последнее связано с ощущением относительной автономности письменной речи, не просто кодирующей устную (как музыкальные ноты кодируют мелодию), а как бы непосредственно передающей смысл. Оба эти положения отнюдь не являются «общим местом» в современных дискуссиях по вопросам орфографии. А между тем к ним следовало бы прислушаться. Устойчивость орфографических традиций способствует связи поколений. А относительная независимость письменной речи от устной позволяет поставить пределы фонетическому принципу письма. Солженицын настаивает: «Когда фонетическим написанием затемняется смысл слов, пишущим должно быть предоставлено право частично возвращать смысловую запись». Потому и предпочитает он написания *черезильно*, *низсылал*, *безклассовый*. Здесь можно добавить, что фонетическое письмо отнюдь не облегчает овладение орфографиче-

скими правилами, как это иногда ошибочно думают. Орфография, основанная на фонетическом принципе («как слышу, так пишу»), ничуть не проще традиционной.

В ряде случаев (сравнительно редко) возникает коллизия между уважением к орфографической традиции и стремлением к дифференциации смысла. В таких случаях Солженицын иногда выбирает традиционные написания («подчиняюсь принятому»), но чаще предпочитает дифференцирующие — даже вразрез с традицией: *обнародывать* (не раз) — *обнародовать* (однократно); *нето* (союз: *Нето сказал, нето собирался только*) — *не то* (указательное местоимение с отрицанием: *сказал не то*); *стоящий* (от *стоит*) — для отличия от *стоящий* (от *стоять*).

Но в большинстве случаев оба указанных соображения (уважение к традиции и стремление к дифференциации) подкрепляют друг друга. Действительно, как отмечает Солженицын, большая часть орфографических изменений осуществляется под влиянием звучащей речи и обнаруживает тенденцию к нивелировке. Разрывая с традицией, мы нередко затрудняем беглое чтение тем, что создаем новые омографы (слова, различающиеся по смыслу, но пишущиеся одинаково). Так, отмена буквы «ять» привела к появлению таких омографов, как *есть, ели, сведение, некогда, лечу, смело, синее, прение, вести, рек, горе* и т. п. Сюда же относится стирание падежных различий: *на море, в сердце, на поле* (вин. п. и предл. п.).

Впрочем, Солженицын, вероятно, все же преувеличивает роль фонетических соображений в деятельности реформаторов орфографии. Указав, что «послереволюционные реформы все клонили дальше от этимологии ближе к фонетике», он продолжает: «...несостоявшаяся реформа 1964 года грозила довести и до анекдота». На самом деле проект реформы 1964 г. был нацелен на устранение всех написаний, противоречащих, с точки зрения авторов проекта, основному принципу русской орфографии, — в частности, и чисто фонетическим написаниям. Вполне в духе проекта реформы восстановление таких написаний, как *безтолковый*. Претензии к проекту иного плана — как уже говорилось, с точки зрения культурных ценностей, традиционное, пусть даже непоследовательное написание предпочтительнее последовательного (с точки зрения отвлеченных общих принципов), но непривычного.

Вообще Солженицын все написания, которые кажутся ему неудачными, склонен приписать действию «большевистских реформ и практике советских лет». Но справедливость требует отметить, что некоторые из них предписывались еще правилами Грота. Сюда относится, например, написание *вожжи*. Это не уступка фонетическому принципу, как считает Солженицын, предлагающий писать *возжи*. Дело в том, что слово *вожжи* образовано не от *возить*, а от *водить* (с чередованием). Грот рекомендовал писать *вожжи*

именно в соответствии с этимологией. Написания предложного падежа в *Поволжье*, в *платье* (а не в *Поволжьи*, как пишет Солженицын) выбраны из системных соображений, под влиянием аналогичных падежных форм с ударными окончаниями (в *белье*, с *ружье*). Другое дело, что отмена буквы «ять» привела к совпадению этих форм с формами винительного падежа. Не следует приписывать желанию большевиков искоренить «ъ» появление таких написаний, как *предызбрать* вместо «этимологического» *предѣзбрать*. Ведь сама буква «ы» возникла в результате соединения «ъ» и «и десятичного». В этом смысле оба написания — через «ы» и через «ѣ» — этимологически эквивалентны.

Вообще, иногда критика Солженицыным последствий большевистской «нивелировки» бьет мимо цели. Скажем, написания, позволяющие различать *обезоружет* (самим) и *обезоружить* (кого); *пересажаны* (все инакомыслящие) и *пересажены* (с места на место ученики), отнюдь не являются новацией Солженицына, а предписываются ныне действующими правилами орфографии.

Интересно, что, в принципе возражая против фонетических написаний, Солженицын иногда все же считает необходимым следовать произношению. Например, он предпочитает написания *сечас* или даже *щас* (правда, в основном в прямой речи персонажей) «этимологическому» написанию *сейчас*, которое, по его мнению, безнадежно отстало от устной речи. В защиту буквы «ѣ» Солженицын приводит чисто фонетические аргументы (наряду со справедливым соображением, что последовательное использование точек над «ѣ» частично компенсирует потерю «ятя» и позволит различить омографы: *все*, *мел*, *слез*, *осел*, в *белье* и др.): «Не признавать „ѣ“ — значит, содействовать расхождению написания и признания». А в отношении пунктуации Солженицын открыто кладет во главу угла именно фонетический принцип: «Запятые должны служить интонациям и ритму». Отчасти наперекор представлению об автономности письменной речи, высказанному в связи с проблемами орфографии, Солженицын декларирует, говоря о пунктуации: «Я считаю нужным следить, чтобы не происходило такого резкого отрыва письменной речи от устной».

Однако отдельные неточности и непоследовательности, которые придирчивый читатель может обнаружить в статье Солженицына, не должны помешать ему оценить по достоинству принципы, лежащие в основе орфографических воззрений писателя. Эти принципы интересны не только потому, что речь идет о взглядах нашего великого современника. Мы должны признать, что Солженицын выдвигает на первый план соображения, которые слишком часто игнорируются отечественной орфографической наукой. Хотелось бы надеяться, что публикация в «Русской речи» привлечет к ним внимание специалистов.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ

Б. Ю. НОРМАН,
доктор филологических наук

В № 5 за 1990 год мы опубликовали несколько «этимологических мифов» — правдоподобных, но, увы, заведомо ложных историй слов. Конечно, разные читатели отнесутся к таким «квазиэтимологиям» по-разному. Можно усмотреть в них пародию и даже критические стрелы в адрес ученых-этимологов, а можно — просто развлечение, своего рода лингвистическое озорство. Но если «физики шутят» и «музыканты смсются» (названия известных сборников), то почему не улыбнуться и филологам?

Затрапезный

Затрапезный — неопрятный, заношенный, грязный (об одежде). Восходит, конечно же, к слову *трапеза* — «обеденный стол, кушанье». Известно, что наши предки не отличались особой чистоплотностью при еде и вытирали руки обо что придется. Так что *затрапезный* значит буквально «захватанный, залапанный грязными, сальными руками».

Ни бе, ни ме

Ни бе, ни ме — фразеологизм, рожденный в политических баталиях предреволюционной эпохи. Когда в 1905 году Российская социал-демократическая рабочая партия раскололась на две фракции:

большевиков и меньшевиков, то в скобках после названия партии стали указывать фракцию, соответственно (б) или (м). Ну, а про человека, не определившегося в своих взглядах, так и говорили: «ни бе, ни ме».

Станция

Известно, что слово *вокзал* происходит от названия увеселительного заведения в пригороде Лондона (Vauxhall), принадлежавшего в XVII веке некоей Джейн Вокс. Первые вокзалы в России по английскому образцу также совмещали в себе эти две роли: они служили помещением для пассажиров и залом, в котором устраивались празднества. Поскольку же концерты и иллюминации на этих празднествах непременно соединялись с танцами, то отсюда возникло и второе название вокзала — *станция*.

Жребий

Жребий — выигрышный билет, судьба, (счастливый) случай. С учетом древней формы *жеребий* становится очевидным родство этого слова со словами *жеребец*, *жеребая* (кобыла). В основе, скорее всего, — распространившееся через тотализатор представление об удачном распределении номеров на скачках.

Тучный

Происхождение этого слова никаких вопросов и сомнений не вызывает. *Тучный* значит «большой и рыхлый, как туча». Вопрос только в том, не связано ли с данным корнем еще и слово *туша*.

Ермолка

Ермолка — мягкая круглая шапочка, прикрывающая затылок. («Совершенная свинья в ермолке», — так выражался гоголевский Хлестаков.) Происходит от имени некоего Ермолая (возможно, писателя-церковника Ермолая—Еразма, жившего в XVI веке). Ср. уменьшительные образования типа *Николка* — от *Николай*, а также названия одежды, производные от имен собственных: *буденовка*, *толстовка*, *татьянка* (вид юбки) и т. п.

Трень-брень

Выражение *трень-брень* обычно связывают с глаголами *тренькать* и *бренчать*. На самом же деле звукоподражательные ассоциации — это результат поздних аналогий. А первоначально выражение

трень-брень возникло в среде гимназистов, пересиначивших таким образом плохо понятную им оценку по французскому языку: *très bien*, то есть «очень хорошо».

Кальсоны

Однажды иностранный купец, проживавший в Москве у Ходынского поля, был так встревожен шумом толпы у себя под окном, что выскочил на улицу в одном исподнем. Там он попал в окружение детворы, которая прыгала и кричала: «Кальсон, кальсон!» — «Так вот как называется по-русски мое одеяние», — подумал чужеземец и поспешил скрыться в доме. Только позже он узнал, что дети кричали: «Колесо, колесо!» и восторгались по случаю демонстрации первой двухколесной тележки Артамонова (1801 г.). Но название «кальсоны» так и осталось в русском языке.

Аршин

Аршин — старая русская мера длины, равная примерно 70 см. Известно, что большинство древних мер восходит к величине той или иной части человеческого тела: таковы *локоть* (расстояние от ладони до локтя), *пядь* (расстояние между растопыренными большим и указательным пальцами), *сажень* (расстояние между распростертыми руками) и т. д. Какой же натуральной величине соответствует мера *аршин*? Есть основания думать, что это слово восходит к немецкому корню *Arsch* «седалище» — во всяком случае, величина в 70 см не противоречит такому предположению.

Надир

Всем известно слово *зенит*: есть фотоаппарат с таким названием, футбольная команда и т. п. В первичном значении *зенит* — наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя. Но почти никто не знает слова *надир* — а ведь это противоположная зениту точка, находящаяся под горизонтом. Может быть, только в глаголе *надираться* сохранился элемент этой семантики. Человек, находящийся в состоянии сильного алкогольного опьянения, обращает свой бесчувственный взгляд вниз, под линию горизонта. Вот тогда и говорят: «полный надир».

Оклематься

Великий русский химик Д. И. Менделеев очень не любил, когда ему мешали ставить опыты. Однажды, в период работы в Гейдельбергском университете, в лабораторию зашел некий любопытный бюргер и стал донимать ученого расспросами и советами. Менделеев

не выдержал, сунул гостю в руки гальванический элемент, дающий напряжение 100 вольт, и попросил крепко сжать клеммы. Гость насилу *оклемался*, рассказывал потом в семейном кругу Дмитрий Иванович. Это выражение вошло в широкий обиход.

Караван

Если название круглого ритуального хлеба — *каравая*, или *коровая*, — восходит, как утверждают этимологи, к слову *корова*, то вполне правомерно возводить к тому же корню слово *караван*, обозначающее группу животных (первоначально, очевидно, коров), бредущих друг за другом.

Пурга

Слово *пурга* означает снежную бурю, сметающую и заметающую все на своем пути. В основе его лежит латинское *riggo* «очищать». Отсюда словообразовательные связи, с одной стороны, с Вальпургиевой ночью, а с другой стороны, с названием лекарства *пурген*.

Минск

Г. М. Шипицына, С. С. Петровская, И. Н. Черникова.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Появление «Дидактических материалов для углубленного изучения русского языка» («Просвещение», 1992) давно ждали и учителя, и учащиеся.

Чем прежде всего привлекает данное издание и чем оно отличается от других дидактических материалов?

В первую очередь это неразрывная связь языка и литературы, ныне искусственно разорванная по предметам в школе. В книге подобраны оригинальные тексты именно тех авторов, чье слово непреходяще авторитетно было всегда, а сейчас просто необходимо. Это И. Соколов-Микитов, М. Булгаков, А. Платонов, Л. Андреев, Б. Пастернак, Д. Лихачев...

Как нужны нашему юношеству мужественные и в то же время необыкновенно выразительные по силе слова — раздумья! Например, в задании 3 мы читаем у Д. С. Лихачева: «Можно по-разному определять цель существования, но цель должна быть — иначе будет не жизнь, а прозябание {...}»

Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить.

Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим...

Практически все тексты для лингвистической работы оригинальные, непередаваемые, взяты из произведений отечественной литературы. Воспитательный потенциал их трудно переоценить.

Подбор самих заданий предельно продуман, представляет собой

целостную систему для углубленной работы. Их нетрадиционность и новизна будут интересны для учащихся школ нового типа. Характер предлагаемых работ показывает роль языковых средств в организации текста. Авторы «Дидактических материалов для углубленного изучения русского языка» избежали однотипности заданий, наоборот — представили разнообразные пути эвристической направленности мысли.

С большим тактом дан информационно-справочный материал в ряде статей с лингвистическими заданиями о творчестве В. Высоцкого, Ю. Визбора, Н. Матвеевой. Сколько душевного трепета и боли за поруганную природу в текстах А. Яшина, Г. Троепольского, М. Пришвина, В. Пескова, которые заставляют делом и словом встать на защиту всего живого! В достаточной мере представлены авторы, которым по жребии судьбы досталось развивать лучшие языковые традиции нашей литературы в изгнании: И. Бунин, Е. Замятин, Б. Зайцев.

Большую интеллектуальную нагрузку несут также тексты, взятые из трудов С. Соловьева, лингвистических исследований Н. Гумилева, журналов «Русская речь», «Наука и жизнь».

Практическая ценность этой книги сулит ей долгую жизнь.

С. П. Митракова,
Набережные Челны

Журнал «ВМЕСТЕ»

первый, российский, международный, юношеский, двуязычный, независимый, некоммерческий

Это подростки сами о себе

Это уникальное двуязычное издание с параллельной печатью на русском, английском и других языках

Это неискаженное мнение подростков по широкому спектру современных проблем

Это подростки редакторы, критики, фотографы

Это поэзия, живопись, литература всех и для всех, это право каждого пробовать свои силы

Журнал «ВМЕСТЕ» — объединяет всех, кто думает о будущем мира
Это программа ЮНЕСКО

«ВМЕСТЕ» Это 30000 экземпляров по всему свету

Это ваша реклама за рубежом

Выходит 6 раз в год. Индекс 70313. Телефон: 299—67—32
